

НОВАЯ
РУСИСТИКА
№ 1 / 2022 (XV)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
И АРЕАЛЬНОЙ РУСИСТИКИ

BRNO

ČESKÁ ASOCIACE SLAVISTŮ VE SPOLUPRÁCI
S FILOZOFICKOU FAKULTOU MASARYKOVY UNIVERZITY

Studie v rubrice Статьи prošly recenzním řízením.

Přijímání příspěvků, jejich úprava a recenzování se řídí pravidly pro přispěvatele:
www.phil.muni.cz/journals/novaya-rusistika

Za jazykovou správnost a kvalitu obrazových příloh odpovídají autoři.

Plné texty článků jsou dostupné v Digitální knihovně FF MU:
digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/115644

Časopis Новая русистика je indexován v mezinárodní databázi ERIH PLUS.

Содержание

Статьи

Игорь Владимирович Козлик

Борис Фёдорович Егоров (1926–2020): портрет учёного в эпистолярной проекции 7

Boris Fedorovich Yegorov (1926–2020): Epistolary Portrait of the Scholar

Людмила Владимировна Валова

«Интерактив на дистанте», или как русский язык реагирует на изменения в образовательной сфере 39

“Интерактив на дистанте”, or How the Russian Language Reacts to Changes in Education

Ганна Паулуоская

Изображение войны в творчестве Виктора Астафьева (на материале романа «Прокляты и убиты») 55

The Depiction of War in the Work of Victor Astafyev (Based on the Novel The Cursed and the Slain)

Маргиналии

Ivo Pospíšil

Проблема иностранной (русской) филологии/богемистики и Сергей Никольский 67

Рецензии

Рецензия на словарь М. С. Добровой «Так говорят в русском Интернете» (Л. Степанова) 75

Ruské 18. století jako klíč a jeho přesahy (I. Pospíšil) 80

Fundamentální práce o klíčovém literárním vědci 20. století: badatelské rozpětí Dmytra Čyževs'kého (I. Pospíšil) 84

Tajemný Gončarov a geneze jeho poetiky: smysl literárního života (I. Pospíšil) 90

Информаторий

Vzpomínka na profesora Romana Mrázka (A. Brandner) 95

Odešla významná ruská slavistka a bohemistka. In memoriam Ljudmily Norajrovny Budagovové (I. Pospíšil) 98

<https://doi.org/10.5817/NR2022-1-1>

Editorial

Redakce časopisu *Novaja rusistika*, vycházejíc ze stanoviska valné hromady České asociace slavistů, z. s., a Ústavu slavistiky FF MU, odsuzuje invazi Ruské federace na území Ukrajiny jako projev frapantního porušení mezinárodního práva, konstatujíc, že se tyto události bolestně dotýkají české rusistiky.

Novaja rusistika byla založena jako filologicko-areálové periodikum v duchu české a středoevropské tradice srovnávacího kritického zkoumání ruského fenoménu v rámci dialogu a vzájemného obohacování vědy a kultury, ve znamení názorové otevřenosti a svobody vědeckého bádání. Takto je koncipováno i toto číslo organicky naplňující základní linii časopisu vyjádřenou v tehdejších editorialech prvního čísla roku 2008 pod názvem «*Новая русистика*» и *новая русистика на пороге 21 века*. Redakce děkuje výkonnému redaktoru Mgr. Josefu Šaurovi, Ph.D., který funkci obětavě vykonával i poté, co se ujal funkce proděkana Filozofické fakulty, a který – vzhledem k pokračování ve funkci a s tím spojenému enormnímu pracovnímu vytížení – požádal o uvolnění z funkce, za obřímí práci, jež pro časopis vykonal, a přeje mu hodně úspěchů v akademické funkci i v další pedagogické a vědecké činnosti. Funkce výkonné redaktorky se tímto číslem, jež ještě připravoval i Mgr. Josef Šaur, Ph.D., ujímá PaedDr. Lenka Odehnalová, Ph.D.

Redakce

[от редакции]

Борис Фёдорович Егоров (1926–2020): портрет учёного в эпистолярной проекции

Boris Fedorovich Yegorov (1926–2020): Epistolary Portrait of the Scholar

Игорь Владимирович Козлик

(Ивано-Франковск, Украина)

Abstract:

The article, which is historical and scientific by character, presents the current humanitarian issues of professional epistolary communication of an outstanding Russian literary critic, Doctor of Philology, Professor B. F. Yegorov (1926–2020) with fellow literary critics. The main directions of scientist's active and versatile practices are considered on the grounds of his published letters and some letters to him in 1998–2020. The article focuses on professional communication and interaction between Ukrainian and Russian literary critics in the complex modern socio-historical and political conditions of interstate relations. The letters are published for the first time and are accompanied by the necessary historical and cultural comments and bibliographic notes. The material contained in them is important not only for the history of Russian and East Slavic literary criticism of the 20th century, but also it is relevant in terms of the prospects of academic studies of literature and the development of productive communication between scholars studying fiction in order to perform the main cultural function of literary studies.

Key words:

B. F. Yegorov; literary criticism; *Russian studies*; humanities; *Sultanivski Chytannia*; scholars' community

История литературоведения как науки — это не только история идей, концепций, исследовательских методологий и методик. История литературоведения имеет и человеческое измерение, которое невозможно оторвать от собственно эпистемологического. Иначе говоря, история литературоведения — это и история жизни тех людей, которые связали свою судьбу с изучением художественной литературы. Более того, в литературоведении как гуманитарной науке даже сами идеи и концепции, особенно если это касается крупных учёных, настоящих профессионалов в своём деле, зачастую имеют индивидуально-личностную окраску, в любом случае, неразрывно связаны с человеческой индивидуальностью учёного. Именно к таким знаковым фигурам в восточнославянской науке о литературе относится выдающийся российский учёный, д-р филол. наук, проф. Борис Фёдорович Егоров, которому 29 мая 2021 г. исполнилось бы 95 лет, а 3 октября уже была 1-я годовщина со дня его кончины.

Проф. Б. Егоров относился к тем людям, для которых избранная профессия неотделима от их жизни и судьбы — они ею живут, она является источником вдохновения, направляющим повседневное существование, придающим ему смысл и значение, связывающим его с другими людьми и формирующим жизненную коммуникативную среду.

Несмотря на солидный возраст учёного, Бориса Фёдоровича невозможно было назвать стариком, который уже ничего не делает, ничего не хочет, а просто доживает свой век. Наоборот, он излучал жизненную энергию, сам полноценно жил и побуждал к этому других людей. Он всегда был открыт ко всему культурно значимому — всему тому, что в нашу эпоху ортеговского «восстания масс», которой свойственно обесценивание ценностей (см. [ORTEGA-I-GASSET 2000]), удерживает и утверждает систему ценностей европейского гуманизма. Он трудился для того, чтобы человеческое общество существовало в диалогическом регистре, где уважается свобода и достоинство человека, чуждого насилию и тоталитаризму и органичному житнетворчеству, а не уничтожению жизни.

Всё сказанное подтверждает и обширное эпистолярное наследие учёного, часть которого связана с Украиной, в частности с Киевом, Нежином, Харьковом и Ивано-Франковском. И эта связь не случайна, она обусловлена и биографическими и профессиональными факторами.

В начале 1980-х гг. по приглашению проф. Исаия Заславского (1915–2000) Б. Ф. Егоров приезжал в Киевский университет читать курс истории русской журналистики XIX в., который впоследствии прочёл и в Нежинском педагогическом институте. Тогда же в Киеве Борис Фёдорович познакомился с украинским литературоведом, занимавшимся проблемами истории украинской журналистики

XIX — начала XX вв., украинско-российскими и российско-украинскими литературными взаимоотношениями Виктором Дудко (1959–2015)¹, общение с которым затем продолжилось также в Москве и Ленинграде.

С Восточной Украиной, в частности с Донбассом, связано детство Бориса Фёдоровича: в 1930–1936 гг. его семья переехала на жительство в г. Лисичанск Северодонецкого р-на Луганской обл. (см. об этом: [JEGOROV 2004, 93–114]). С Харьковом — профессиональное сотрудничество (защиты диссертаций, чтение лекций и проч.), в том числе с украинскими русистами из Харьковского государственного педагогического университета им. Г. С. Сковороды (в советское время это был институт). Каждая из его книг, признавался авторитетнейший харьковский литературовед, д-р филол. наук, проф. Леонид Фризман (1935–2018), — это «событие моей собственной жизни и факт моей биографии», а сам автор, «с которым я общаюсь мало и вижу редко, представляется мне одним из самых близких людей на земле» [FRIZMAN 2017b, 180, 182].

С Западной Украиной, а именно с Ивано-Франковском, Б. Ф. Егорова связывает знакомство с видным украинским русистом, д-ром филол. наук, первым доктором наук в истории местного пединститута (ныне Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника), проф. Марком Теплинским (1924–2012): оба специализировались на истории русской литературы XIX в., оба во 2-й пол. 1940-х гг. закончили филологический факультет Ленинградского университета, были воспитаны на академических традициях ленинградской литературоведческой школы, оба сотрудничали с ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР (теперь РАН), оба принимали участие в различных научных форумах в Украине и России. Поэтому не случайно Б. Ф. Егоров является одним из участников международного юбилейного издания, посвящённого 75-летию со дня рождения М. В. Теплинского, увидевшего свет в 1999 г. в Ивано-Франковске (см. [JEGOROV 1999a]). Кроме того, проф. Б. Ф. Егоров был одним из авторов издаваемого Прикарпатским национальным университетом имени Василя

1 В. Дудко был аспирантом Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ АН СССР, ныне РАН), где в 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию «*Эпистолярное наследие украинских писателей реалистов конца XIX — начала XX в. в контексте украинско-российских литературных взаимосвязей*» (научный руководитель д-р филол. наук Нина Надъярных (1927–2018)). С 1989 г. до конца жизни работал в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины в Киеве, продолжая заниматься историей журналистики, проблемами источниковедения и текстологии. (О пребывании Б. Ф. Егорова в Киеве и взаимоотношениях с украинскими коллегами см. [SUPRONJUK 2015]). Когда по электронной почте 6.IV.2015 г. я сообщил Борису Фёдоровичу о кончине Виктора, он в своём ответном письме 8.IV.2015 г. написал: «Про Виктора Дудко — резануло душу. Если общаетесь с <его супругой> Оксаной — самое горячее ей утешение. Уходят, уходят...»

Стефаника сборника статей «Султановские чтения» [*Sultanivs'ki...*] и всегда поддерживал это издание.

Важнейшей частью творческого наследия Б. Ф. Егорова является обширнейший эпистолярный, который, несомненно, ещё будет предметом специального историко-научного изучения. Письма учёного, в полном соответствии с бюфоновским «стиль — это человек», отражают и специфику его человеческой личности в её отношении к окружающему, к профессии, и динамику его мысли, мировоззренческую позицию, общее мировосприятие, природу его эмоциональности, его темперамент, жестикуюляцию, тембр и интонации его живого голоса, общий темпоритм его жизни и деятельности.

Часть эпистолярия учёного касается нашей с Борисом Фёдоровичем переписки, охватывающей последние 22 года его жизни и разворачивавшейся на основе общности профессии — литературоведения. Мы делились своими научными планами, обсуждали участие в общих проектах, обменивались своими публикациями и высказывали вызванные ими впечатления, реагировали на важнейшие события в научной и общественной жизни и т. п. И происходил этот диалог на фоне усложнения украинско-российских отношений, вылившегося в критическом 2014 г. в аннексию Россией Крыма и российскую вооружённую агрессию на Востоке Украины. Эти трагические события с самого своего начала затронули множество человеческих судеб и, естественно, не могли не сказаться на отношениях внутри научного сообщества, тем более сообщества гуманитариев. Не мог к ним остаться равнодушным и Борис Фёдорович, которого начало российско-украинской войны застало на конференции в Японии (почему его электронное письмо было написано латиницей):

«26.01.2014 02:50:06

Dorogoi Igor' Vl-vich,

ia seichas v Tokyo, vse strashnoe vidim po TV. Prokliat'e!

Otradno: na symposiume liudi nauki (russkie, ukraintsy, iapontsy, koreitsy) mirno druzhat — podniavshis' nad vseimi voinami i konfliktami...

Da budem zhit' i tvorit'! Vash B. E.»²

Уже в этом письме присутствует фактор, определивший, в сущности, позицию Б. Ф. Егорова. Он содержится в словах «люди науки (русские, украинцы,

2 «26.01.2014

Дорогой Игорь Вл-вич,

я сейчас в Токио, всё страшное видим по ТВ. Проклятье!

Отрадно: на симпозиуме люди науки (русские, украинцы, японцы, корейцы) мирно дружат — поднявшись над всеми войнами и конфликтами...

Да будем жить и творить! Ваш Б. Е.»

японцы, корейцы) мирно дружат — *поднявшись над всеми войнами и конфликтами*» (курсив мой — *И. К.*). Опора именитого учёного на особый поведенческий статус людей науки свидетельствует о гуманистических истоках его взглядов, восходящих к европейским ренессансным гуманистам XIV–XVI вв. Именно в аксиологическом пространстве гуманистической культуры культивировалась идея «достоинства» духовных избранников, образующих над государствами, жесточайшими войнами и конфликтами некую «международную республику учёных», держащихся в стороне от социальной борьбы, являющихся при этом людьми своего исторического времени, со своими религиозными убеждениями, гражданством в своих реальных государствах, принадлежностью к разным политическим группировки и т. д. И даже в условиях грандиозных столкновений и войн XVI в. (Реформация, Контрреформация, Крестьянская война в Германии и др.), расколовших Европу на непримиримые лагеря, ориентированные исключительно на культуроцентризм гуманисты смотрели на эту жестокую борьбу с высоты своей филологической эрудиции и терпимости. Естественно, это не единственно возможная и не единственно правильная позиция научной интеллигенции во времена серьёзных катаклизмов, ведь, как известно, здесь явно присутствует доля утопизма, идеал общественного устройства, в пределах которого был возможен гармонический («универсальный») человек, нигде не был воплощён на практике, а сама ренессансная культура на протяжении веков удерживалась как оппозиция государству. И поэтому, когда я проецирую выраженную в нашей переписке позицию проф. Б. Ф. Егорова в отношении российско-украинской войны на опыт ренессансной гуманистической культуры, то я имею в виду не только её сильные, но и неизбежные слабые стороны. К этому стоит добавить и инерцию и привычки восприятия, порождаемые в человеке исторически сформированной общественно-психологической атмосферой тоталитарного государства.

«Четверг, 19 февраля 2015, 22:03 +03:00

Дорогой Борис Фёдорович!

Кажется, прошёл год после Вашего письма из Японии — год, когда очень многое произошло и изменилось. [...] После того, как многие и многие в России поддержали войну Путина против Украины, для меня стало неприемлемым поддерживать с такими людьми какие-либо отношения. [...] С уважением Игорь Козлик».

«21.02.2015 18:13:38

Дорогой Игорь Владимирович!

Я был очень рад получить Ваше насыщенное письмо с Украины в трудную пору. (Ведь детство моё — в Донбассе, поэтому боль не утихает). [...] А позиция моя, боюсь, и Вам не понравится. У меня нет симпатии к Путину (помню его происхождение). Но власти Киева мне ещё более не симпатичны. Олигархи у власти хуже, чем кагэбэшники. В советское время мне были противны деяния „старшего брата“ по зажиму украинского патриотизма, кажется, я единственный в России, кто открыто писал о имперской душе Белинского и о его отрицании украинской культуры (см. [JEGOROV 1997]). Но когда сейчас на Украине открыто не признаётся русский язык как второй в государстве, то я с ужасом понимаю восстание в Донбассе (без желания жителей невозможно было бы всё организовать со стороны). И с ужасом чувю, что нет сейчас решения, нет конца. Вместо союза двух братьев создаётся гражданская война почти в духе 1918–1920 гг.

Хорошо бы, если бы люди культуры поднялись над воюющими, но это вряд ли получится.

Вот как я думаю и чувствую. Искренне, как любят писать американцы, — Б. Егоров»³.

«Воскресенье, 22 февраля 2015, 18:42 +03:00

[...] Дело не в том, понравится мне Ваша позиция или нет. Дело в том, что мы разговариваем. А что касается вопроса о русском как втором государственном, то тут я сошлюсь на лотмановскую структурную поэтику: в какой ситуации? Я надеюсь, что со временем Вы поймёте, что Путину в высшей степени наплевать на русский язык, который для него, как для кэгэбиста времён

3 Относительно событий в Украине Б. Ф. Егоров писал также харьковскому коллеге, д-ру филол. наук, проф. Игорю Лосиевскому, с согласия адресата привожу следующие два отрывка из этих писем:

1) «Всё бы хорошо, но Украина не даёт покоя. Не знаю, как Вы, а я не вижу никаких вариантов на разрешение и завершение. А без завершения это непрерывная война и экономическая разруха. Но история часто давала успех чудесам. Да будем надеяться. Знаете, как у Леси Украинки: *Contra spem spero...* [...] Ваш Б. Е.» (письмо от 13.VI.2014 г.);

2) ответ Б. Ф. Егорова на новогодние поздравления в письме от И. Я. Лосиевского от 1.I.2015 г., в котором содержится пожелание, чтобы новый год был «годом любимой работы („сродственного труда“, как говаривал наш Скворода) [...] И чтобы поскорее обрушилось нынешнее кремлёвское хамодержавье, обрёкшее на мировую изоляцию прекрасную страну»:

«Спасибо большое, дорогой Игорь Яковлевич! [...] с трагическим оптимизмом желаю нам дожить до мирного времени! У меня, в отличие от Вас, более сложное отношение к нынешней Москве: мне Киев больше и страшнее Москвы. А главное — не вижу выхода-исхода из нынешней ситуации.

Пропагандирую человеческие острова в грязном мире и тружусь. [...] Да будем живы! Ваш Б. Е.» (письмо от 7.I.2015 г.).

разложения КГБ, только средство для решения тех задач, которые очень сильно напоминают установки Сталина и Гитлера. Это очевидно. [...] Я желаю Вам всего самого доброго и благополучного — Ваше поколение это заслужило сполна.

Всегда Ваш Игорь Козлик»

«22.02.2015 20:37:35

[...] Путина я по-другому оцениваю, да суть не в этом, в самом деле. Главное, чтобы не терзали Украину. И мускулы стискиваются, и кровь стучит от бессилия чем-либо помочь.

Приходится помогать в своей сфере. Выпустил в „Лит. Памятниках“ том Б. Чичибабина (см. [ЇЇЇЇЇЇ 2013]), харьковское издательство „Фолио“ заказало мне книгу о нём. И ряд статей вышло о Чиче [...]. Ваш Б. Е.»

«29 декабря 2015, 10:36

[...] как оптимист уповаю, что Россия и Украина братски сойдутся в славянском кругу. Но как историк понимаю, как долго ещё миру ждать этого.

Ваш Б. Е.»

«26 октября 2016, 22:45

[...] то, что ныне творится между Россией и Украиной — болезненно отзывается в наших головах и сердцах, и душа вопит: какие бы политики и экстремисты ни совершали деяния, наш человеческий (и христианский!) мир не будет ненавидеть ближнего, научный круг всегда будет в человеческом общении.

Будьте здоровы! Б. Е.»

«11 января 2019, 11:01

Дорогой Игорь Владимирович! [...] В трудные годы национальных раздораев так важно творческим людям общаться над схватками и даже приглушать их сверху...»

«16 января 2019, 10:32

[...] Снова всплыло моё убеждение: творческие люди могут быть над схватками. Недавно неудачно пытался опуститься в соц<иально>-политическую сферу. И. Лосиевский написал письмо с резкими оценками современной России, а я живо ответил ему, поясняя себя — и, наверное, обидел: он не ответил на это письмо! Если письмо не исчезло, поищу, пришлю Вам⁴.

Да будет у нас творча наснага!! Б. Е.»

4 В пересланном мне Б. Ф. Егоровым его письме И. Я. Лосиевскому от 2.1.2019 г. пояснения его позиции были дополнены ссылкой на пушкинский опыт: «Спасибо, дорогой Игорь Яковлевич! [...] Браню наш строй по всем аспектам, но слушать брань со стороны — тяжело (это по-пушкински). А Вы сейчас со стороны, увы. И почему-то ни слова про беды украинские (а русскому ведь всё же чуть легче жить, чем украинцу). И главное — Крым.

Проф. Б. Ф. Егоров, которому на момент нашего знакомства уже было 72 года, может служить положительным примером во многих отношениях. Это был человек, который почти до самой кончины вёл предельно активную, насыщенную, разнообразную культуросозидательную деятельность во всём пространстве от России до США и Японии, пребывая всё время в интенсивном движении:

«[...] всё лето цейтнот, и сейчас занят отчаянно» (письмо от 9.IX.2001 г.); «[...] простите за долгое молчание! [...] эти месяцы у меня были совершенно сумасшедшие по интенсивности: сплошные разъезды (Смоленск, Саратов, Тарту — Таллинн) с докладами на конф<еренциях> и с оппонированиями, а мартовский Питер тоже порадовал тремя конф<еренци>ями и двумя диссертациями (опп<онировал> — в апреле)» (письмо от 25.III.2002 г.); «Извините, что отвечаю не сразу: был в Крыму (!Пушкин<ская> конф<еренция>!) за казённый счёт и потому сильно запустил ответы» (письмо от 31.V.2002 г.); «[...] я весь семестр прокатался по России и Польше (в Кракове, оказывается, Вас хорошо знают: я на Тютчевской конф. упомянул Вашу книгу (см. [КОЗЛИК 1997]: „А он у нас бывает!“⁵) [...]» (письмо от 16.I.2004 г.); «Я в 1989 г. был „scholar“

Он у меня много лет был в досаде. Аналогия — сталинские захваты Восточной Пруссии и Курил, что мне всю жизнь будет стыдно, и против чего открыто говорю и пишу. С Крымом был перевертыш (не захват, а выбрасывание), а всё равно противно. Поэтому, несмотря на топорность, я всё же очень рад возврату России. Хорошо знаю Крым, конечно, он русский (ещё и татарский). Хорошо знал Донбасс, очень болею, но что там сейчас творится — знаю противоречивыми кусочками.

Грустно и тяжело мне читать некоторые Ваши мысли и чувства, но ведь понимаю, что подобное чувствуете и Вы. Думаю, что большинство украинцев против русского Крыма, и это неизбежно. Остаётся людям доброй воли подниматься над чувствами и укреплять человеческую, культурную, научную связь друг с другом. Всё-таки добра больше зла. Ваш Б. Е.».

Уточнение в скобках «по-пушкински» подразумевает следующее высказывание из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 27.V.1826 г. из Пскова в Санкт-Петербург: «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василья Львовича; пред M-me de Staël заставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русский барин кричит: мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Всё это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь» [PUŠKIN 1979, 161]. **Василий Пушкин** (1766–1830) — русский поэт-классицист, дядя А. С. Пушкина, его первый литературный наставник («*Парнасский отец*»). Граф **Михаил Милорадович** (1771–1825) — петербургский генерал-губернатор.

5 18–19 апреля 1997 г. я, как украинский тютчевед, был в Кракове на Международной научной конференции по случаю 70-летия со дня рождения проф. Рышарда Лужного (1927–1998),

в Кеннан-институте⁶; присылают мне теперь постоянно свои материалы)» (письмо от 5.IV.2005 г.); «[...] после разных странствий (последнее: Варшава, недалеко от Вас! — конф. по дневникам) засел на даче с горой писем — отвечаю» (письмо от 28.V.2005 г.); «У меня сплошь разъезды, перечислю лишь зарубежные: апрель — нач^{ало} июня — США, середина июня — Неаполь. [...]» (письмо от 18.VIII.2010 г.); «[...] гибну от срочнейших дел (впереди месяц обширной работы в Таллинне), единственная надежда на старую формулу: К коммунизму идём еле-еле, а придём точь-в-точь. [...] Учтите, что я после Эстонии ещё неск^{олько} месяцев буду в Америке, поэтому до осени выбываю из связи» (письмо от 25.XII.2010 г.); «[...] приехав (прилетев) из Америки, пустился в научные поездки (конф. и спецкурсы), побывал в Эстонии, Новосибирске, Москве, Париже, Новгороде, Украине. [...] Да ещё тянулся шлейф дел после конференций. Украиной был занят месяца два, кроме двухнедельной поездки. Был в городе детства Лисичанске [...], потом в Луганске, где конф. о земляке В. И. Дале, потом в Харькове: делаю вместе с харьковчанами том Б. Чичибабина для „Лит^{ературных} памятников“. [...] 4-го лечу в Америку на полгода [...]» (письмо от 25.II.2012 г.); «Я все осенние месяцы был в разъездах (Варшава, Саратов, Псков, Ижевск, Красноярск) — давно не было такой густоты, а сейчас пока в Питере. Да будем живы и в 2016 году! Ваш Б. Е.» (письмо от 12.XII.2015 г.).

В собственных научных исследованиях Б. Ф. Егоров всегда стремился к объективности, справедливости в оценках и информационной точности. Эти качества проявились, в частности, в нашей совместной работе по подготовке его и моих текстов для публикации.

Первый такой эпизод касается его материала для указанного выше юбилейного сборника проф. М. Теплинского. В присланном варианте текста, вспоминая о непростой защите докторской диссертации Бориса Бухштаба (1904–1985) на филологическом факультете ЛГУ в октябре 1962 г., Б. Ф. Егоров охарактеризовал личность проф. Василия Базанова (1911–1981) в отрицательном ключе как такого, «что начинал нормальным литературоведом [...], а потом [...] продал совесть, получил чин членкора, стал директором Пушкинского Дома...»

где выступил с докладом «Деякі питання подальшого вивчення лірики Ф. І. Тютчева» (см. [КОЗЛИК 1998]).

6 **Институт Кеннана** (англ. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Kennan Institute) — ведущий американский центр перспективных исследований России и Евразии, созданный в 1974 г. на платформе Международного центра имени Вудро Вильсона. Занимается изучением СССР, постсоветской России и других постсоветских стран.

[JEGOROV 1999a, 381]⁷. Но когда юбиляр, предварительно прочитавший этот текст, сообщил о том, что упомянутый Базанов показал себя в его собственной судьбе в совершенно другом свете, то Борис Фёдорович в письме ко мне от 1.IX.1998 г. попросил меня как ответственного редактора готовящегося издания сделать в скобках следующую вставку: «При этом В. Базанов был более сложной фигурой [...]: он ценил учёных старшего поколения, он мог бескорыстно помогать молодым; например, много сделал для успешной защиты докторской диссертации М. В. Теплинского и её последующего утверждения в ВАКе» [JEGOROV 1999a, 381]. А после получения вышедшего сборника с опубликованными его воспоминаниями не скрывал своей радости по этому поводу: «Спасибо большое, высокоуважаемый Игорь Владимирович, за замечательный сборник и за включение моих воспоминаний. Буду рекламировать сб<орни>к в ун-те и Пушк<инском> Доме [...] Как отраднo, что, несмотря на все наши финансовые трудности, удаётся издавать соответствующие Festschrift'ы⁸ в честь достойных учёных и личностей» (письмо от 6.XI.1999 г.).

Второй показательный эпизод связан с нашей совместной работой по подготовке к публикации в IV выпуске сборника статей «Султановские чтения» статьи Б. Ф. Егорова о Юрии Кузнецове и Борисе Чичибабине⁹, которая началась в феврале 2015 г.

«Суббота, 07 марта 2015, 23:18 +02:00

Дорогой Борис Фёдорович!

Наконец-то добрался до Вашей статьи о Б. Ч. и Ю. К. Прочитал с интересом, хотя не всё принимаю, но понимаю (в крайнем случае, стараюсь понять). Я никогда не принимал ни лично, ни „поэтически“ Ю. Кузнецова, и ещё раз подтвердил это своё отношение к нему, читая Вашу статью (я, помнится, где-то

7 В. Г. Базанов, д-р филол. наук (1948), проф., член-корр. АН СССР (1962), с 1965 по 1975 гг. руководил Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, а в 1958–1968 гг. был главным редактором академического журнала «Русская литература».

8 **Фестшриф**т — от нем. Festschrift — праздничное сочинение.

9 **Борис Чичибабин** (наст. фам. Полушин, 1923–1994) — украинский русскоязычный поэт. Подвергся сталинским репрессиям. В 1962 г. печатался в журнале «Новый мир», редакцию которого возглавлял А. Т. Твардовский, а также в харьковских и киевских изданиях и в самиздате. Большую часть жизни прожил в Харькове. В 1993 г. награждён премией имени А. Д. Сахарова «За гражданское мужество писателя». **Юрий Кузнецов** (1941–2003) — российский поэт, сторонник антидемократических, шовинистических («патриотических») взглядов, рупором которых после развала СССР были московские журналы «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия». Вместе с П. Проскуриным, Ст. Куняевым, В. Распутиным, В. Кожинным, А. Прохановым и др. в 1990 г. подписал так называемое «Письмо 74-х».

в конце 1980-х годов даже написал ответ на какое-то выступление Кузнецова то ли в „Литературной газете“, то ли в какой-то другой из центральных советских газет типа „Книжного обозрения“, который, естественно, не напечатали)¹⁰.

Но дело не в этом. [...] у меня есть конкретное предложение: я попробую сам переделать (в смысле сокращения объёма, в том числе за счёт снятия эмоциональных пассажей и попутных микровыводов, и конкретной научной выпрямленности в сторону сравнительного анализа) присланный Вами [...] материал о Б. Ч. и Ю. К. в компаративный вариант с новым названием (например: „Борис Чичибабин и Юрий Кузнецов: векторы сравнительного анализа поэтических миров“) и пришлю Вам его, так сказать, на утверждение. Если текст Вас устроит, я его напечатаю на русском языке (все аннотации, включая украиноязычную и англоязычную, я сделаю сам). Если нет, то на то и суда нет.

Как Вам такое предложение?

Всего доброго. С уважением И. Козлик»

«8 марта 2015, 22:42

Дорогой Игорь Владимирович,

конечно, я буду рад напечатанию. Мне вдвойне будет приятно, что на любимой и многострадальной Украине. Но, естественно, покажите текст. И если можно, уберите „вектор“: не люблю термины. Просто бы: „сравнительный анализ“. [...] Ваш Б. Е.»

«6 июня 2015, 23:18

Дорогой Борис Фёдорович!

Высылаю Вам для утверждения и вычитки [...] сокращённый вариант Вашей статьи о Чичибабине и Кузнецове. [...] Обратите внимание на выделенные мной зелёным цветом места — это мои вставки (особенно это касается вывода на с. 20–21). [...] Есть также вопрос: на с. 15 Вы указываете, что фактический <несобранный> цикл Чичибабина включает стихи 1960–1967 гг. И тут же в пределах этого цикла указываете стихотворение „Уходит в ночь...“, написанное в 1977 г. Так, может, датировать весь цикл 1960–1970-х гг.? [...]»

«8 июня 2015, 22:43

Спасибо, дорогой Игорь Владимирович!

Ваши зелёные добавки принимаю. Ваше предложение на с. 15 (у меня почему-то 16) снимается: была опечатка, стих. „Уходит в ночь...“ — 1966, а не 1977. [...]»

10 Речь идёт о моём отклике, озаглавленном «*Ответ непонятому понятому*», на публикацию *Мир мой уютный: беседа с поэтом Ю. Кузнецовым* [KUZNECOV 1987].

И в том же ключе, уже в связи с другим изданием, через три года:

«Воскресенье, 17 июня 2018, 11:38 +03:00

Дорогой Игорь Владимирович,

[...] С помощью киевских коллег написал юбилейный очерк „Тургенев и Украина“. Посмотрите, может быть, будут какие-либо замечания. [...] Б. Е.»

Третий эпизод тесной совместной работы касается друга Б. Ф. Егорова из Балашова, проф. В. С. Вахрушева¹¹. Благодаря Борису Фёдоровичу, который стремился налаживать личные связи между учёными разных стран, я познакомился Владимиром Серафимовичем (опять же эпистолярно) в 2004 г., после того, как Б. Ф. Егоров передал своему балашовскому коллеге вышедшее годом ранее моё учебное пособие для студентов по западноевропейской литературе средневековой цивилизации. В результате у нас с В. С. Вахрушевым наладились хорошие товарищеские отношения, продолжавшиеся до его кончины. Но и после этого, так сказать, вахрушевская тема не ушла из нашего с Б. Ф. Егоровым профессионального общения.

«6 июня 2020, 11:28

Дорогой Борис Фёдорович!

Прочитал Ваш материал о В. С. Вахрушеве [см. Егоров 2013а], с которым Вы меня в своё время познакомили и с которым мы даже обменялись несколькими письмами. Жаль, что я не видел этот Ваш текст ранее. Я обратил внимание на статью В. С. Вахрушева „О метаязыке гуманитарной научной мысли“, о которой Вы написали, что она не опубликована. Я бы её напечатал в 9 выпуске „Султановских чтений“ (он уже только что вышел). Следующий 10 выпуск выйдет где-то в апреле–мае 2021 года. Может, там её опубликовать? Но для этого я должен иметь текст этой работы. Причём, можем напечатать статью в оригинале, а можем и в переводе на украинский язык (для пущей важности как иностранную публикацию). Что Вы по этому поводу думаете? Можно дать комментарий к этой работе из присланного Вами текста (с. 8–9). [...] С уважением И. Козлик»

11 **Владимир Вахрушев** (1932–2011) — российский литературовед, д-р филол. наук, проф. Работал в Балашовском институте Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (ныне Балашовский институт Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского), где читал лекции по античной и зарубежной, в том числе украинской, литературе, по страноведению и по стиховедению. Свободно владел английским, французским и немецким языком, а польский, украинский и словацкий знал в той мере, которая позволяла работать с оригинальными текстами на этих языках.

«8 июня 2020, 13:03

[...] статью В. С. Вахрушева хорошо бы издать в переводе у Вас! Мне нравится Ваша идея. А по-русски издать её у меня есть план: думаю с его родными подготовить к 90-летию (2022 г.) сборник его статей и писем. Если, кстати, к его письмам к Вам можно сделать фото, то я очень был бы рад получить их для публикации. Напечатать для Вас (да и для себя!) его статью — не знаю, найду ли время, сканировать проще, но для этого надо подождать разрешения ходить по улице¹², у меня нет своего сканера.

Всего доброго! Б. Е.»

«8 июня 2020, 15:45

Дорогой Борис Фёдорович! [...] Я сам переведу статью В. С. Вахрушева на украинский язык и издам её в следующем 10 выпуске „Султановских чтений“ в 2021 году. Но мне надо получить текст. [...] Делайте, как получается. И чем быстрее, тем лучше, чтобы я мог спокойно с ним поработать. [...] Высылаю в этом письме отсканированные (в pdf) письма В. С. Вахрушева. [...] С уважением И. Козлик»

«16 июня 2020, 12:12

[...] Очень рад письмам В. С. Вахрушева к Вам: очень хочу их опубликовать в сб. памяти В. С., надеюсь на Ваше согласие. Запросил дочь В. С.: сохранились ли письма к нему? Ведь можно бы издать Переписки — и мою, и Вашу. [...] Б. Е.»

«Воскресенье, 16 августа 2020, 18:54 +03:00

Дорогой Борис Фёдорович!

Написал вступление к публикации на украинском языке статьи Вахрушева в „Султановских чтениях“ 2021 года.

Высылаю Вам этот текст на русском языке, чтобы Вы посмотрели и одобрили. Может, что-то важное нужно добавить. После Вашего одобрения переведу на украинский язык. [...]»

«17 августа 2020, 21:36

Дорогой Игорь Владимирович,

спасибо! Вступление хорошее. Я бы добавил, что увлекающийся В. С. слишком расширил роль игры, всюду её включает; но Вы можете и не согласиться с этим замечанием. [...] Спрашивайте, если возникнут вопросы. Б. Е.»

12 Имеются в виду карантинные ограничения, введенный в связи с пандемией коронавируса COVID-19.

«29 августа 2020, 09:03

[...] Украинский вариант преамбулы к публикации статьи В. С. на украинском языке почти закончил [...] Кстати, украинская преамбула будет отличаться от русской преамбулы: я дописал для первой кусок о связях В. С. с Украиной, получилось очень неплохо. [...] С уважением И. Козлик»

«29 августа 2020, 11:23

А в русском варианте темы „В. С. и Украина“ не будет? Нехорошо. Это и вообще ценно, и конкретно здесь: статья подготовлена украинским учёным, он публикует статью также и по-украински... Б. Е.»

«Суббота, 29 августа 2020, 12:25 +03:00

Нет проблем. Я просто не был уверен, насколько это уместно в российском издании. Раз уместно значит будет тема „Вахрушев и Украина“.

С уважением И. Козлик»

«29 августа 2020, 13:11

Очень хорошо!!

Boris Egorov»

«Среда, 9 сентября 2020, 14:35 +03:00

Дорогой Борис Фёдорович!

Материалы по В. С. отправил его дочери.

Украинский вариант статьи В. С. и моей преамбулы к ней тоже почти (кроме окончательной вёрстки, конечно) готов. [...] Как только выйдет, сразу же пришлю Вам и дочери В. С. (см. [VACHRUŠEV 2021; KOZLYK 2021¹³]) [...] С уважением И. Козлик»

Важной составляющей повседневности учёного является обмен с коллегами научными публикациями (книгами, статьями), их чтение и анализ. Насыщенную работу в этом направлении вёл и проф. Б. Ф. Егоров, который не просто читал мои труды, но и популяризировал в своём окружении и на российском гуманитарном пространстве¹⁴, а также стремился содействовать их публикации в российских изданиях. Не всегда получалось задуманное, но всегда со стороны

13 Дочери В. С. Вахрушева, д-ру филол. наук, доц. Людмиле Комуцци (Татару) pdf этих публикаций я переслал по e-mail'у в июне 2021 г. Но Борис Фёдорович ничего этого, к сожалению, уже не увидел.

14 С этой целью в 2001–2006 гг. он опубликовал в российских изданиях 8 обзоров под общим названием «Новинки из глубинки» [см. ДМИТРИЕВ 2016, 52 (№ 414), 55 (№ 427), 56 (№ 432), 58 (№ 441), 60 (№ 459), 62 (№ 478), 64 (№ 490), 67 (№ 515)].

Бориса Фёдоровича присутствовала инициатива, предпринимались активные шаги и затрачивались время и усилия (даже без надежды на успех).

«20.Ш.<20>01 г.

Дорогой Игорь Владимирович,

я без Вашего ведома забрал в „Воплях“ Вашу статью (я сидел в Москве): „Мы печатать не будем, отдадим ему“ — „Лучше дайте статью мне, я пристрою её в Питере“. Если возродится „Rus<sian> Studies“¹⁵, то напечатаю её там. Не возражаете? [...]»

«9.ІХ<20>01

[...] Очень благодарен за Ваши присылки: и за „Современность“, и за „Будувати власне життя...“ [см. KOZLIK 2001; KOZLYK 2001a] („не“ понятна, ничего страшного¹⁶). [...] Б. Е.»

«25.Ш.<20>02

[...] Чтобы хоть как-то ознакомить народ с постоянно появляющ<имися> добротными трудами, я завёл рубрику „Новинки из глубинки“ в воронежском ж<урна>ле „Филологические записки“¹⁷ и уже послал первый обзор, где на целую страницу рассказал о Ваших обоих пособиях (Ср<едние> Века и Возрождение) с пожеланием в конце — хорошо бы перевести на русский <язык> и распротр<анить> в рос<сийских> вузах. Мне очень понравились Ваши книги (см. [JEGOROV 2002, 256¹⁸]). [...] Б. Е.»

-
- 15 «*Russian Studies*» — ежеквартальник русской филологии и культуры. Издавался в Санкт-Петербурге в 1994–2001 гг. Моя статья «*Теоретические проблемы философской лирики*» не была опубликована в этом издании, поскольку оно прекратило своё существование из-за отсутствия финансирования, а была напечатана в 2002 г. в 13 номере киевского журнала «*Collegium*».
- 16 Речь идёт о следующем месте из статьи «*Будувати власне життя за книжкою просто неможливо*»: «Натомість чітке усвідомлення самоцінності мистецтва як самопідставного явища (те саме, що література як мистецтво слова), яке <не> вимагає для свого сприйняття й розуміння порівняння з нехудожньою сферою...» [KOZLYK 2001a, 30], где была пропущена частица «не», что существенно искажало смысл высказывания.
- 17 С этой целью в 2001–2006 гг. Б. Ф. Егоров опубликовал 8 обзоров под общим названием «*Новинки из глубинки*» [DMITRIEV 2016].
- 18 Здесь же на с. 256–257 содержится отзыв на книгу проф. М. В. Теплинского «*Пятнадцать литературоведческих сюжетов с автобиографическими комментариями, двумя приложениями и эпилогом*», которая увидела свет в Ивано-Франковске в 2002 г. И это не случайно, о чём Б. Ф. Егоров написал мне в письме от 31.V.2002 г.: «Марк В-ч <Теплинский> (привет ему!) прислал мне свою ценную воспоминаниями книгу <„Пятнадцать литературоведческих сюжетов...“>. Я очень-очень ратую за мемуары нашего поколения — ведь есть уникальные сведения! [...]».

В суждениях Б. Ф. Егорова о моих печатных работах содержатся не только оценки и впечатления, но затрагиваются и важные вопросы изучения тех или иных литературоведческих тем, а также состояния преподавания литературы в учебных заведениях.

«31.V. <20>02

Дорогой Игорь Владимирович, спасибо за интересное письмо и за статью „Философский контекст...“ (см. [KOZLYK 2001b]). Цветаевой я никогда толком не занимался, поэтому очень познавательно мне особенно — контекст немецкий. [...]»

«14.IX. <200>3

Дорогой Игорь Владимирович, поздравляю и благодарю! (Речь идёт об издании [KOZLYK 2003].

Очень хорошо расширили. Думаю, акцент на общении (вопросы-ответы, *rensum controle*, громадная библиография, в т. ч. важные для студентов разделы „...і Україна“) будет очень ценен в жизни учебника. [...] Б. Е.»

«5.IV. <20>05

[...] прочитал дискуссию на круглом столе (см. [KOZLYK 2005]). Спасибо, интересно. Из Ваших идей мне больше всего понравилась, относительно связи заруб<ежных> литератур с другими предметами, — „не показувати, а використовувати“ ... Это вообще важное положение¹⁹.

Господи, а как мало школьникам даётся из заруб. литератур! Единств<енный> выход — создавать в старших классах отдельные школы или профили: гуманитарный, физико-мат<ематический>, химико-биолог<ический>. А новые предметы возможны лишь при такой специализации (удивлялся впрочем — что такое кентавристика²⁰? первый раз слышу! кого же это срачивают?!)»

19 Речь идёт о следующем моём высказывании на круглом столе: «Під час вивчення зарубіжної літератури зв'язки з іншими предметами треба, на мою думку, не *показувати*, а *використовувати*, бо так звані міжпредметні зв'язки належать до технології діяльності. *Показувати* (тобто робити доступним для сприйняття) треба художній світ твору, і саме твір (завдяки і його літературознавчим дослідженням) підказує учителяві, матеріали яких інших предметів треба долучати до того, щоб створити те інформативно-комунікативне поле, яке необхідне для налагодження індивідуального контакту учнів саме з цим твором» [KOZLYK 2005, 6–7].

20 **Кентавристика** — междисциплинарное направление, культурно-философский метод и учебная дисциплина, базирующиеся на принципе дополнительности/комплементарности создателя современной физики, датского физика-теоретика Нильса Бора (1885–1962), распространившим этот принцип на все области знания и жизни. Родоначальником кентавристики как новой дисциплины является российский историк и популяризатор науки,

«28.V. <20>05

[...] Спасибо Вам за интересную статью в „Рус<ской> сл<овесно>сти“ [KOZLIK 2005]. Очень хорошо разрушаете марксистское „зеркало“, только стоило бы сразу оговориться, что в анти-мимесисе должна быть мера; в иск<усст>ве должны быть „куски“ действительности, иначе — хаос, всякие постмодернизмы. Хорошо, что Вы, хотя бы мельком, говорите о непростой сути мимесиса (хорошо бы сослаться на „Мимесис“ толкового немца — как его? — выпало имя! см. [AUËRBACH 1976²¹]). [...] Б. Е.»

«3.VI. <20>06

Дорогой Игорь Владимирович,

из-за тайфуна мероприятий в мою честь²² я продолжаю урывками читать гору присланных книг и статей [...], но всё же читать удаётся, я на прошлой неделе кончил Вашу методологическую статью [...], а тут получил Вашу вторую статью [...]

О статье по новой рус<ской> лит<ературе> на Украине (см. [KOZLIK 2006]). Хорошо. И очень хорош замысел — создать академич<ескую> историю литературы. Очень хорош и удобен термин „русскаяязычный“. Трудно будет разобраться во всём комплексе отличий русскоязы<чной> л<итерату>ры на Украине от „большой“ рус. лит. — но это интересно и важно. Очень важно также заняться и более дробными характеристиками (регионализация). Здесь много нового: скажем, еврейское влияние в Одессе.

писатель Даниил Данин (наст. фам. Плётке, 1914–2000), определивший её как «попытку науки» (вслед за названием стихотворения М. Цветаевой 1924 г. «Попытка ревности»). Кентавр как метафора сочетаемости несочетаемого, по мысли Д. Данина, относится не к варианту диалектической борьбы противоположностей и их единства, а, наоборот, касается сочетания двух ипостасей (например, художественного и научно-логического мышления) в режиме толерантности/примирения, без борьбы, без подчинения (подавления, уничтожения), без взаимоисключения («и-и» вместо «или-или»), способного порождать что-то действительно новое. Д. Данин считал, что вряд ли нужно воспитывать узких специалистов, зато очень полезно воспитывать детей кентаврически, поскольку это развивает ассоциативное мышление и самоиронию, необходимые для развития серьёзной познавательной деятельности. (См. [GORJANIN 1998]). С 1994 г. Д. Данин, будучи профессором на кафедре истории науки Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва), читал курс лекций по кентавристике, а в 1996 г. вышел в свет «Вестник РГГУ» (вып. 1), целиком посвящённый опыту «сочетаний несочетаемого». С 2000 г. в связи с кончиной Д. Данина преподавание кентавристики было свёрнуто. Здесь важен не оттенок иронии к кентаврическому новшеству в системе учебных предметов, а внимание Б. Ф. Егорова к тому, что происходит в современной сфере вузовского и школьного образования.

21 1-е изд. «Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur» вышло в 1946 г.

22 Имеются в виду мероприятия по случаю 80-летия со дня рождения проф. Б. Ф. Егорова.

Замечание одно. Вы склонны всю рус. л-ру считать „структурной составляющей укр<аинского> лит. Процесса“ (с. 149). Вряд ли так. Тот же одесский круг XX века, который, по-моему, развивался вне укр. лит. процесса. Или такие киевляне, как Булгаков. Другое дело: найти всё же влияние на них укр. культуры. Более просто найти украинское у Ушакова, Чичибабина, Заславского²³.

Теперь о методологич<еском> опусе [KOZLYK 2006]. Статья чёткая и толковая. Однако я, уже 20 лет не открывавший ни одной теоретич<еской> книги, безнадежно отстал — ведь почти все современные упоминаемые Вами имена мне не знакомы. Увы, теория и методология уже вне моей компетентности. На мой взгляд, Вы „маете рацію“ в споре с С. Абрамовичем²⁴, а я ведь ни одной строчки его не читал!

Но со стороны Ваши позитивные, творческие идеи вызывают, бесспорно, одобрение.

Приятны Ваша компетентность, живой стиль, хороший юмор („так тепер носять“).

Вообще — очень хорошо, что Вы, один из немногих, занимаетесь методологией, и крайне отраднo увидеть, что украинцы издали Хёйзингу и Гадамера (см. [HEJZÏNHА 1994; GADAMER 2000; GADAMER 2001]). [...] Б. Е.»²⁵

«Wed 18 Aug 2010 20:13:15 +0400

Дорогой Игорь Владимирович, вот когда я только добрался до Вашей книги, полученной в марте [KOZLYK 2010]²⁶. [...] Книга (брошюра) очень понравилась.

23 Имеются в виду русскоязычные писатели Украины: поэт и прозаик **Николай Ушаков** (1899–1973), последователь Тараса Шевченко и Павла Тычины, переводчик на русский язык Ивана Франко, Леси Украинки и др. украинских авторов, редактор русскоязычных изданий произведений Т. Шевченко (1939, 1949–1956), М. Коцюбинского (1951); киевский поэт **Риталий Заславский** (1928–2004), составитель первой русскоязычной антологии украинской детской поэзии и многолетний редактор отдела поэзии киевского русскоязычного журнала «Радуга». О **Б. Чичибабине** см. сноску 9.

24 Упомянутая полемика касается вопросов о содержании понятия «литература», о полифункциональности словесного искусства, об историческом сознании и основаниях дешифровки литературно-художественных произведений, о литературном постмодернизме, о восточной и западной культурных традициях. **Семён Абрамович** (род. 1945) — украинский литературовед, д-р филол. наук, проф. В 2006 г. руководил кафедрой гуманитарных наук Черновицкого торгово-экономического института Киевского национального торгово-экономического университета. В настоящее время работает на кафедре славянской филологии и общего языкознания Камянец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко.

25 Это последнее традиционное (написанное на бумаге и отправленное почтой) письмо, которое я получил от Б. Ф. Егорова. Дальше мы перешли исключительно на электронную почту.

26 **Алексей Чичерин** (1900–1989) — восточнославянский литературовед, д-р филол. наук (1957), проф. (1958). С 1948 г. работал во Львовском государственном университете имени Ивана

Честно о Виноградове²⁷, хорошо о Бахтине, очень хорошо о Лотмане. О Левидове ничего не могу сказать, не знаю его²⁸. Всегда ценил А. В. Чичерина, поэтому рад хорошей книге, да ещё снабжённой библиографией.

Обратите внимание на мелкую, но досадную оплошность на с. 9. Откуда взялся оппонент Нусиев? Нет такого! Это известный москвич И. М. Нусинов, вскоре потом попавший в ГУЛАГ²⁹.

(Знаете ли, что Ю. М. Лотман не взлюбил Чичерина за его воспоминания? Ему показалось, что Ч. лукаво замазывает своё высокое дворянское происхождение, стремясь выглядеть советским. Может быть, и не без этого...).

Всего Вам доброго! Ваш Б. Е.»

Франко заведующим (1948–1973) и профессором (1973–1989) на кафедре мировой литературы. Исследуя стиль как художественную закономерность, особое внимание уделял анализу поэтической речи. Некоторые работы вышли на немецком, румынском, французском, латвийском, арабском и др. языках.

- 27 **Виктор Виноградов** (1895–1969) — российский филолог-языковед, русист, акад. АН СССР.
- 28 **Александр Левидов** (1895–1968) — российский учёный-педагог, кандидат педагогических наук (1941; тема диссертации «Проблема методологии курса литературы XIX в.»). В 1947–1949 гг. работал в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург). Его книги «Автор — образ — читатель» (Ленинград, 1977; 2-е изд., доп. 1983) и «Литература и действительность» (Ленинград, 1987) посвящены базовым навыкам чтения художественной литературы и продолжают традицию «Руководства к чтению поэтических сочинений с приложением примечаний и краткого учебника теории поэзии для мужских и женских учебных заведений (по Л. Эккардту)» В. Острогорского (1-е изд. 1875; последнее 5-е изд. 1911). **Виктор Острогорский** (1840–1902) — российский педагог, литератор, общественный деятель. В 1878–1885 гг. был редактором санкт-петербургского журнала «Детское чтение». **Людвиг Эккардт** (1827–1871) — немецкий педагог и эстетик, доцент Университета в Берне (1848–1858). Именно ему принадлежит первоначальное авторство указанного руководства к чтению «Anleitung dichterische Meisterwerke zu lesen» (1857). В. Острогорский перевёл эту книгу, дополнил и существенно переработал её.
- 29 **Исаак Нусинов** (1889–1950) — советский литературовед, лингвист, профессор. В 1914–1917 гг. изучал литературу в Италии и Швейцарии. С 1922 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова читал курс по западноевропейской литературе и на еврейской лингвистике Второго МГУ — по еврейской литературе. Преподавал также в Институте красной профессуры, был заведующим кафедрой еврейской литературы в МППИ им. В. И. Ленина. Входил в Еврейский антифашистский комитет, в редколлегиях Литературной энциклопедии 1929–1939 гг. Выступал с активной критикой творчества М. Булгакова. Был многократно обвинён в разных «уклонах», во время борьбы с космополитизмом подвергся преследованиям: в 1947 г. при участии А. Фадеева и Н. Тихонова в прессе была организована показательная кампания против его книги «Пушкин и мировая литература» (1941), обвинённой в антипатриотизме и преклонении перед Западом. Арестован в 1949 г., умер в тюрьме во время следствия. Посмертно реабилитирован. В 1945 г. в Московском городском пединституте выступал официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации А. Чичерина «Возникновение романа в России и на Западе на рубеже XVIII–XIX веков».

«26 октября 2016, 22:45

Спасибо, дорогой Игорь Владимирович!

С благодарностью получил Вашу книгу, проверил — хорошо раскрывается [KOZLYK 2016]. Названия глав очень интересны и заманчивы (одна алгоритмизация при А. В. Чичерине чего сто́ит! [KOZLYK 2016, 48–56]). К сожалению, читать по-настоящему буду нескоро — ближайшие недели сплошь заняты завершением трёхтомника моей переписки с Ю. М. Лотманом. Но обязательно займусь. Давно ведь не погружался в украинскую речь. И очень хочется увидеть не только факты, но и настроение, душу коллеги. [...]»

«17 декабря 2016, 21:59

Дорогой Игорь Владимирович,

вот к Новому Году смог урывками прочитать большую часть Вашей книги. Очень хорошее впечатление.

Замечательно Ваше внимание к коллегам. Раскрываете для младших спадщину (хорошо звучит этот термин, ещё сильнее — спадкостность).

А сердечно мне всего ближе лирика, особенно „Мирося“³⁰. Может быть потому, что мне это очень личное, очень похожее (м<ожет> б<ыть>, Вы читали мой очерк о Тане Усакиной? [JEGOROV 2013b]³¹). [...] Б. Е.»

«17 декабря 2016, 23:07

Дорогой Борис Фёдорович! [...] Очерк Ваш о Татьяне Ивановне Усакиной я читал. [...] Читайте дальше книгу. Там есть ещё много интересного, включая последнюю статью о моём старшем друге докторе медицинских наук, профессоре Леониде Гольдштейне. Кстати, я сегодня, разбирая по просьбе его вдовы его библиотеку, нашёл брошюру театра Моссовета, подписанную Гольдштейну словами: „Лёнечке Гольдштейну от друзей голубого детства Фаины и Ростика“. И подписи: Ф. Раневская и Р. Плятт. Судя по почерку, писала Фаина Раневская. Мне казалось, что я о проф. Гольдштейне всё знал (ведь я о нём

30 Имеется в виду этюд «Мирося (Фрагмент не-спогадів)» [Козлик 2016, 181–183], посвящённый **Мирославе Медицкой** (1978–2010) — канд. филол. наук, доц. кафедры мировой литературы ПНУ имени Василя Стефаника, которая умерла в возрасте 32 лет. В 2005 г. защитила диссертацию на тему: «Творчість Станіслава Виспяньського та українська література кінця ХІХ – початку ХХ століття: рецепція і типологія» [MEDYС'КА 2005] (одноимённая монография вышла в Ивано-Франковске в 2008 г. [MEDYС'КА 2008]).

31 **Татьяна Усакина** (1931–1966) — канд. филол. наук, доц. кафедры русской литературы Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, ушедшая из жизни в возрасте 35 лет. В 1959 г. защитила диссертацию на тему: «М. Е. Салтыков-Щедрин и общественно-литературное движение 40-х годов ХІХ века». (См. также посмертное издание: [USAKINA 1968]).

выпустил книгу, из которой перепечатал указанную выше статью [KOZLYK 2011]), но оказывается, что я ещё не всё знал. [...]»

«19 декабря 2016, 17:23

Спасибо, дорогой Игорь Владимирович!

Я о Гольдштейне раньше прочёл — а Фаина и Ростик — потрясающе! Где же у них общее детство? Я не знал, что Раневская и Плятт могли начинать жизнь в Харькове³². (В целом Ваша статья мне не понравилась: ценные отрывки из писем друзей — а где же сам Гольдштейн — о нём почти ничего). Мне были бы интересны харьковские материалы — люблю Харьков, знаете ли мою статью о „душе Харькова“? [JEGOROV 2012] Писал её до жутких национальных конфликтов, поэтому у меня ни слова о русско-украинских проблемах. [...]»

«19 декабря 2016, 21:19

Дорогой Борис Фёдорович!

Целью статьи, которая Вам не понравилась, было охарактеризовать личность через круг её общения. Такова была моя первичная и единственная установка. Сначала эта статья была напечатана в книге о Гольдштейне, половину которой составляют фотографии, которые, как я понимаю теперь, крайне необходимы для понимания статьи. Там есть много Харькова. Если найду pdf книги, отправлю Вам³³. [...]»

23 декабря 2016, 18:19

Дорогой Игорь Владимирович!

С удовольствием и пользой проштудировал книгу — очень, очень хорошо! Если бы у нас больше рождалось таких историков-архивистов, как Вы, сколько бы памятей сохранило человечество!

Буду своим ученикам приводить книгу как пример тесного сочетания библиографии с биографией [...] Б. Е.»

Отдельная тема нашего общения в последние три года жизни Б. Ф. Егорова связана с личностью и трудами харьковского литературоведа-русиста Л. Г. Фризмана³⁴, с которым мы оба были хорошо знакомы. Бориса Фёдоровича и Леонида Генриховича объединял Харьков, интерес к творчеству

32 Ф. Г. Раневська (1896–1984) и Р. Я. Плятт (1908–1989) не начинали жизнь в Харькове: первая родилась в Таганроге, второй — в Ростове-на-Дону. Выражение «друзья голубого детства» касается чего-то иного, что выяснить не удалось.

33 20.XII.2016 г. Б. Ф. Егоров получил pdf этой книги.

34 **Леонид Фризмэн** (1935–2018) — украинский литературовед, специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX–XX вв., по вопросам романтизма и поэтики литературных жанров, д-р филол. наук (1977), проф. (1980). С 1965 г. работал в Харьковском

Б. Чичибабина, участие в совместных научно-издательских проектах, в том числе связанных с изданием произведений харьковского поэта и проч. Последние два года были очень плодотворными в жизни Л. Г. Фризмана и это порождало у меня новые замыслы, с которыми я делился с своим старшим коллегой. В частности, Б. Ф. Егоров поддержал мою идею написать развёрнутые аналитические рецензии на две книги Л. Г. Фризмана: книгу воспоминаний и обширную монографию о Франко-критике (см. [FRIZMAN 2017a; FRIZMAN 2017b; FRIZMAN 2017c]):

«10 декабря 2017, 20:58

[...] Хорошо, что откликнетесь на книги Л. Г. Фризмана. Я как раз читаю о Франко. Хорошо, только зря он Франко делает главным украинцем! Скажем, кто-то настаивал бы, что у нас главный не Пушкин, а Толстой. Зачем так? [...]

«31 декабря 2017, 20:16

[...] Я сейчас по толчку книги Л. Фризмана занялся Иваном Франко и нашёл у него хорошие стихи:

З Новим роком, браття милі,
В новім щастю, в новій силі
Радісно вітаю вас...³⁵

[...] З Новим роком! Б. Е.»

Однако новый год принёс печальное событие — 27 июня, на пике своей творческой активности, внезапно умер проф. Л. Г. Фризман, о чём почти сразу Б. Ф. Егоров написал проф. И. Я. Лосиевский:

«Среда, 27 июня 2018, 14:33 от Игорь Лосиевский

Дорогой Борис Фёдорович!

Час тому назад ушёл из этой жизни Леонид Генрихович.

Произошло это в бассейне, подробностей не знаю, мне только что позвонили. В бассейн Л. Г. ходил еженедельно хотя бы один раз, многие годы. Последнее

государственном педагогическом институте (теперь университет) им. Г. С. Сковороды, в частности, заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы (1994–2010). Он был первым оппонентом на защите моей кандидатской диссертации по творчеству Ф. И. Тютчева, которая состоялась 23.IV.1990 г. в Киеве, в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (теперь НАН Украины).

35 Б. Ф. Егоров цитирует первые три строчки 1-й строфы «Пролога» из поэмы И. Франко 90-х гг. XIX в. «Коваль Бассім. Арабська казка» [FRANKO 1976, 91].

время он был в отличной физической и творческой форме, весь в Коржавине³⁶: собрал уникальное количество источников, печатных и электронных, множество материалов прислали архивы, библиотеки, постоянно контактировал с дочерью поэта, в коем обнаружил выдающегося и даже великого публициста. Некоторые материалы ещё придут, почта работает исправно, а читать некому... Начал писать книгу, наверное, присылал Вам отдельные главы. Похоже, Коржавин и взял его с собой, там и наговорятся. Неделю назад — в течение нескольких дней — Лёсик не брал трубку, мы забеспокоились, но я так верил в него, что просто попросил откликнуться по электронке, предположив, что это поломка на линии. Так оно и было, но получился первый звонок. А второй — уход Коржавина. Л. Г. успел рассказать мне о том, что Вы с ним обменялись письмами на эту печальную тему. А я нашёл в старой записной книжке свой, совершенно забытый мной стих-портрет Коржавина³⁷ и вчера впервые прочитал Л. Г. И сказал Наташе³⁸, что голос у него удивительный, необыкновенно бодрый, молодой, и светлейшая голова, как у тридцатилетнего. Какая удивительно плодотворная, красивая ЖИЗНЬ! [...]

«27 июня 2018, 22:08

Дорогие коллеги!

Встрясла тяжёлая весть. Много лет общения, чуть ли не полвека. И странная, ни на что не похожая уникальность: чуть ли не единственный из близких моих коллег, которого очень сильно сопровождали негативные ореолы. В молодости жуткое очернение его (как человека) М. Г. Зельдовичем³⁹, с которым я тоже был много лет близок (неск<олько> раз я просил у Л. Г. разъяснения; в послед. мемуарах он раскрыл и своё отношение [FRIZMAN 2017b, 295–300]). Резкая

36 Последний научный проект Л. Г. Фризмана касался творчества поэта-эмигранта, киевлянина по рождению Наума Коржавина (1925–2018), который умер пятью днями ранее, 22 июня, в г. Дарем (Северная Каролина, США). Л. Г. Фризман успел завершить только первый том, который и был посмертно опубликован в виде монографии благодаря усилиям его ученицы, д-ра филол. наук, проф. Елены Андрущенко. (См. [FRIZMAN 2018]).

37 Речь идёт о посвящённом Н. Коржавину стихотворении И. Лосиевского 1994 г. *Поэт на пляже* [LOSIJEVSKIJ 2019, 20].

38 **Наталья Лосиевская** (1955–2021) — жена И. Я. Лосиевского.

39 **Моисей Зельдóвич** (1919–2008) — украинский литературовед, д-р филол. наук (1969), проф. (1972). Изучал проблемы реализма, философское и литературно-эстетическое наследие классиков марксизма-ленинизма, русских революционных демократов, вопросы теории, истории и методологии литературной критики. В 1948–1998 гг. работал на кафедре истории русской литературы Харьковского государственного университета имени А. М. Горького (ныне Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина). С 1998 г. жил Польше.

критика Ю. М. Лотманом Л. Г. как литературоведа и публикатора⁴⁰, потом ещё разные отзывы москвичей... На этом фоне я потом очень тесно стал общаться с Л. Г., усматривая в качестве минуса лишь психологические мелочи, но никак не чёрные мазки. Выводы: мир учёных творцов очень сложен, иногда неприятие коллег переходит разумные границы; а оценку личности стоит давать прежде всего, оценивая результаты его творчества. Тут Л. Г. вне подозрений и упреков. Да будем живы! Ваш Б. Е.»

«Вторник, 24 июля 2018, 12:56 +03:00

Дорогой Борис Фёдорович!

Высылаю текст статьи о мемуарах Фризмана. Прежде, чем буду вносить окончательные правки и отправлять в печать, хотел бы получить Ваши соображения о написанном.

С уважением И. Козлик»

«Четверг, 10 января 2019, 13:58 +03:00

Дорогой Борис Фёдорович! [...] Сообщаю, что наконец увидел свет в Киеве юбилейный 29–30 номер журнала „Collegium“, где на с. 340–354 есть моя большая украиноязычная статья-рецензия о двух изданиях воспоминаний покойного Леонида Генриховича Фризмана [KOZLYK 2018]. Кстати, в этом же номере на с. 37–45 опубликован и Ваш харьковский дневник. [...] И мне это очень радостно. [...]

Сейчас начал большую работу о Франко, которая будет построена на анализе эвристического опыта последней книги Л. Г. Фризмана о Франко-критике. В связи с этим прошу у Вас разрешения использовать при необходимости Ваше письмо ко мне с Вашими впечатлениями об этом труде Л. Г. Когда напишу, обязательно пришлю Вам текст. Только вот не знаю, сколько всё это потребует времени [...]

«11 января 2019, 11:01

Дорогой Игорь Владимирович! [...] Хорошо, что занялись Франко — мне кажется, его великость массово не оценена. Успехов Вам! Б. Е.»

40 В письме к Б. Ф. Егорову от 26.IX.1980 г. Ю. М. Лотман пишет по поводу подготовленного Л. Г. Фризманом в серии «Литературные памятники» издания «Северные цветы на 1832 год» (Москва, 1980): «Только что просмотрел „Северные цветы на 1832 год“ — и статья, и комментарий Фризмана огорчают: статья бессодержательна, а комментарий не повёрнут к тексту, по рецепту: выписать имена собственные и посмотреть, что о них пишут в Брокгаузе-Ефроне. Но сам выход книги приятен» [LOTMAN, MINC, JEGOROV 2018, 507]. На это место из процитированного лотмановского письма Б. Ф. Егоров обратил моё внимание в своём письме ко мне от 27.I.2019 г.

«16 января 2019, 10:32

Спасибо, дорогой Игорь Владимирович!

Прочитал с интересом и пользой. Рецензия умная (от „...а не для поминання чи заповіту“ до заключительного постскриптума), спокойная, содержательная. Хорошо, что подробно сравнили два издания. Спасибо за цитату из моего письма и за дельный комментарий. [...]»

«Четверг, 6 февраля 2020, 23:26 +03:00

Дорогой Борис Фёдорович!

Вышел сборник памяти Л. Фризмана, где есть и Ваша [JEGOROV 2020], и моя [KOZLIK 2020] публикация. [...]»

«7 февраля 2020, 09:53

Спасибо, дорогой Игорь Владимирович!

А мне уже прислали издатели полный текст. Рад и с удовольствием читал, начиная с Вашей статьи-публикации.

Замечательное введение к сборнику! Много очень ценно, скажем, поднятая Вами украинскость. И как важны сплавы научных и человеческих контактов!

К презентации книги в Харькове послал возвышенное приветствие.

Всего Вам доброго. Б. Е.»

Последний повод, в связи с которым я обращался за помощью к Б. Ф. Егорову, был связан с моей поездкой весной 2019 г. в Университет Масарика (Брно, Чехия) для чтения лекций по методологии современного литературоведения.

«Пятница, 29 марта 2019, 0:19 +03:00

Дорогой Борис Фёдорович!

В Вашей книге „Жизнь и творчество Лотмана“ [JEGOROV 1999b] Вы пишете на с. 119 о происхождении термина „вторичные моделирующие системы“ и говорите, что это словосочетание придумал В. А. Успенский. Я так понимаю, что речь идёт о ныне покойном Владимире Андреевиче Успенском, лингвисте и математике, профессоре МГУ, основоположнике математической лингвистики, учившегося у академика Колмогорова⁴¹? Или в книге ошибка и речь всё же идёт о ныне здравствующем семиотике и филологе Борисе Андреевиче Успенском, авторе книги о поэтике композиции?

Был бы Вам крайне признателен за уточнение. Это мне нужно для лекций, которые я через неделю должен читать в Университете имени Масарика в Брно.

С уважением И. Козлик»

41 **Андрей Колмогоров** (1903–1987) — российский математик, один из выдающихся математиков XX в., д-р физ.-мат. наук (1935), проф. (1931), акад. АН СССР (1937).

«29 марта 2019, 12:50

Именно покойный Владимир Андреевич!

Постарайтесь достать его мемуары: В. А. У<спенск>ий. „Труды по нема-тематике“. М<осква>, ОГИ, 2002. Во 2-м т<оме> большой раздел „Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование“ (с. 1164–1198). Летом 1964 г. перед 1-й летней школой по семиотике, общаясь на даче (были соседями) с Лотманом, В. А. предложил мудрёное название. Кстати, и открывал вступительным словом школу в Кяэрику⁴² В. А.

Расскажите потом, как прошёл визит в Брно! Б. Е.»

На основании прочитанных в Университе Масарика лекций по предложению чешских коллег я написал книгу, которая вышла в Брно в 2020 г. и pdf которой я, естественно, тут же отправил Борису Фёдоровичу.

«8 июня 2020, 13:03

Спасибо, дорогой Игорь Владимирович!

Чрезвычайно полезная Ваша книга [KOZLYK 2020a⁴³], буду её штудировать. Ведь мы очень плохо знаем современную теоретическую мысль. А, скажем, зарубежную украинскую мысль вообще не знаем. Хорошо бы издать книгу у нас в переводе. Поговорю с коллегами [...] Б. Е.»

«8 июня 2020, 15:45

[...] Я готов сделать русскоязычный вариант своей чешской книги о лите-ратуроведческом анализе, если найдётся приемлемый и надёжный издатель и источник финансирования. Это хорошая идея, я сам над ней думал. [...] С уважением И. Козлик»

«16 июня 2020, 12:12

[...] Замечательно, если переведёте. Я уже договорился со „своим“ изд-вом „Росток“ — напечатают (увы, как ныне, без гонорара), надо только добыть деньги. Я уповаю на свои успехи и способности — добуду [...] (только что мне удалось напечатать книгу доброй знакомой О. В. Сливичкой „О Толстом“ [SLIVICKAJA 2020]). Но нужен макет, поэтому приходится просить Вас перевести, чтобы я уже с реальной книгой хлопотал. [...] Вот сколько у нас впереди общих дел! Дай Бог их осуществить! Б. Е.»

42 Кяэрику — село в волости Отепя, Валгаском уезде на юго-востоке Эстонии.

43 См. также напечатанную в 2020 г. в журнале «*Slavia Orientalis*» (Краков, Польша) рецензию на неё [SVENCYC'KA 2020].

«27 июля 2020, 16:43

[...] Заканчиваю чтение русской книги⁴⁴. В самые ближайшие дни напишу введение и пришлю Вам. Попутно одна просьба: разрешите убрать слово „дореволюционной“ во фразе „В своей дор<эволюцион>ной автобиографии Чехов...“ (141, прим. 19) — оно здесь чужое!

Всего доброго! Б. Е.»⁴⁵

«2 августа 2020, 19:36

Дорогой Борис Фёдорович!

Спасибо за Ваше предисловие к моей книге. Меня всё устраивает, а главное его основная тенденция — Ваше предисловие не заменяет собой моей книги, а именно предваряет знакомство с ней (а дальше пусть читатель разбирается сам).

Единственное, что бы я Вас просил добавить, если Вы не против, конечно, так это указание на множество фотографий учёных-литературоведов, которые сопровождают текст. Я эти фото поместил для того, чтобы люди знали, чувствовали, постоянно ощущали, что за каждой научной идеей или теорией стоит живой человек, со своей судьбой, иногда очень трагической, что наука в этом отношении неминуемо человечна, а не безличностна, что носителем знания является только конкретный (живой) человек, а не какая-то иная субстанция (я уже не говорю о том, что есть люди, в устах которых даже правда превращается в ложь, как, например, недоброй памяти В. В. Ермилов⁴⁶ в литературоведческом цехе). Для меня это всегда важно (не даром я свою книгу 2016 года назвал «Профессия сквозь призму человечности»). [...] С уважением И. Козлик»

«2 августа 2020, 22:19

[...] Рад Вашему одобрению. Про фото я всегда думал, а вот как-то на финише уплыло. Обязательно вставлю. [...] Б. Е.»

44 То есть русскоязычный вариант моей чешской книги о литературоведческом анализе.

45 Вопрос об осуществлении задуманного Б. Ф. Егоровым издания русскоязычного варианта моей чешской книги в Санкт-Петербурге снят в связи с начавшейся 24 февраля 2022 г. войной России против Украины.

46 **Владимир Ермилов** (1904–1965) — российский критик и литературовед, один из главных РАППовских активистов и идеологов. Писатель Виктор Астафьев (1924–2001) цитирует примечательное высказывание своего друга А. Н. Макарова об этом одиозном советском деятеле: «Говорить по отношению к покойному Ермилову о какой-то морали, совести, порядочности просто кощунственно, где этим всем вещам следует находиться, там у него волос вырос, а уж кто-кто, но он всегда и всюду качал права за идейность» [ASTAF'JEV 1997, 261].

«4 августа 2020, 11:40

Дорогой Борис Фёдорович!

Можете в своём предисловии сделать мне ещё одно замечание, касающееся сноски 22 на с. 45–46, там, где речь идёт о Н. Зерове и украинских неоклассиках. В конце этой сноски, после информации о неоклассиках можно было бы указать работу Юрия Шереха (Шевелёва) [...] „Легенда про український неокласицизм“, напечатанную в 1944 году в берлинском украиноязычном журнале [...] „Український вісник“, а позже перепечатанную в изданиях этого автора [...] „Не для дітей“ (Мюнхен, 1964) и [...] „Пороги і запоріжжя: Література, мистецтво, ідеології“ (Харьков: Фолио, 1998, т. 1).

Я пропустил Ю. Шереха потому, что он позиционируется больше как лингвист, а также потому, что он не занимался вопросами методологии литературоведения. Но в сноске об украинском неоклассицизме указание его труда было бы, конечно, совершенно не лишним, тем более, что фигура-то в украинской филологии знаковая. [...] С уважением И. Козлик»

«4 августа 2020, 14:01

Нет, не могу! Чтобы сделать такое замечание, надо быть сведущим в зарубежной украинистике, да ещё периода великой войны. Это не для меня.

А остальные Ваши пожелания, кажется, учёл. Посмотрите в начале и в конце. Всего доброго. Б. Е.»

Последняя моя книга, которую держал в руках Борис Фёдорович (сначала в pdf, а потом и в натуральном виде⁴⁷), — это сборник моих украиноязычных переводов стихотворений Давида Самойлова, Юрия Левитанского, Булата Окуджавы, Владимира Соколова и Роберта Рождественского [KOZLYK 2020b].

«27 июля 2020, 16:43

Спасибо, дорогой Игорь Владимирович, за интересный сборник!

С большим удовольствием читаю. Мне ценна и украинская часть и русские тексты (многое читаю впервые). Соглашусь ли с отбором поэтов? В целом да, самый первый класс. Любя Б. Чичибабина, вздохнул: эх, вместо Левитанского лучше бы взял Чича! Но нельзя свои вкусы предлагать выбирающему коллеге! [...] Б. Е.»

«28 августа 2020, 21:37

Вот наконец получил Ваш подарок, большое спасибо! Теперь буду вечерами читать Ваши переводы. Б. Е.»

47 Это стало возможным благодаря усилиям проф. Луизы Оляндер из Луцка (Украина), проф. Ольги Богдановой и д-ра филол. наук Андрея Дмитриева из Санкт-Петербурга (РФ).

Как сообщил мне 11.X.2020 г. по e-mail'у его младший коллега и помощник, пушкинодомец Андрей Дмитриев, «на его столе остались лежать две книги — только что вышедший сб-к с фрагментом его Дневника 1964 г. и Ваша книга переводов поэзии с его карандашными пометками».

Уже прошла годовщина со дня ухода проф. Б.Ф. Егорова. Но актуальным остаётся наследие выдающегося учёного, нуждающееся в надлежащем освоении, осмыслении, оценке, обеспечении его активного функционирования в научном гуманитарном пространстве для сохранения, развития и приумножения тех подлинно гуманистических демократических ценностей, которым всю свою долгую и плодотворную жизнь в профессии был привержен настоящий учёный-филолог и замечательный человек Борис Фёдорович Егоров.

Библиография:

- ASTAF'JEV, V. (1997): *Zrjačij posoch*. In: ASTAF'JEV, V.: *Sobranije sočinenij*. V 15 t. T. 8. Krasnojarsk, s. 79–349.
- AUÈRBACH, È. (1976): *Mimesis. Izobraženije dejstvitel'nosti v zapadnoevropejskoj literature*. Moskva.
- ČIČIBABIN, B. (2013): *V stichach i proze*. Moskva.
- DMITRIJEV, A. (red.). (2016): *Boris Fedorovič Jëgorov: K 90-letiju so dnja roždenija: Bibliografičeskij ukazatel'. Spisok naučnych dokladov i opponirovannyh dissertacij*. Sankt-Peterburg.
- FRANKO, Ī. (1976): *Zibrannja tvoriv. U 50 t. T. 5*. Kyjiv.
- FRIZMAN, L. (2017a): *V krugach literaturovedov. Memuarnyje očerki*. Kijev.
- FRIZMAN, L. (2017b): *V krugach literaturovedov. Memuarnyje očerki*. Izd. 2-je, ispr. i dop. Moskva, Sankt-Peterburg.
- FRIZMAN, L. (2017c): *Ivan Franko: Vzgljad na literaturu*. Kijev.
- FRIZMAN, L. (2018): *Neokončënnoje značit nedoskazannoje... Kniga o Naume Koržavine*. Kijev.
- GADAMER, H.-G. (2001): *Hermenevtyka i poetyka*. Kyjiv.
- GADAMER, H.-G. (2000): *Īstyna i metod*. Kyjiv.
- GORJANIN, A. (1998): *Beseda c D. Daninyam*, èfir 4.IV.1998 g. <<https://soundcloud.com/radio-svoboda/bzb1itg35vvm>>. [online]. [cit. 10.06.2021].
- HEJZÏNHA, J. (1994): *Homo Ludens*. Kyjiv.
- JEGOROV, B. (1997): *Èlementy «imperskogo» soznaniya u Belinskogo*. In: GASPAROV, B., OSPOVAT, A., FON CHAGEN, M. (red.): *Kazan', Moskva, Peterburg: Rossijskaja imperija vzgljadom iz raznyh uglov*. Moskva, s. 132–137.

- JEGOROV, B. (1999a): *V Leningradskom universitete 1960-ch godov*. In: KOZLYK, Ī. (red.): Literatura. Literaturoznavstvo. Žyttja. Īvano-Frankivs'k, s. 376–385.
- JEGOROV, B. (1999b): *Žizn' i tvorčestvo Ĵu. M. Lotmana*. Moskva.
- JEGOROV, B. (2002): *Novinki iz glubinki. 2*. Filologičeskije zapiski 18, 2002, s. 255–260.
- JEGOROV, B. (2004): *Vospominanija*. Sankt-Peterburg.
- JEGOROV, B. (2012): *Metaurovni krajevedenija i «duša» Char'kova*. In: ANCIFEROV, N. P.: Filologija prošlogo i buduščego: Po materialam meždunar. nauč. konf. «Pervyje moskovskije Anciferovskije čtenija» (25–27 sent. 2012 g.), Moskva, s. 37–47.
- JEGOROV, B. (2013a): *Igrovyje aspekty kul'tury: koncepcii Ĵu. M. Lotmana i V. S. Vachruševa*. In: TATARU, L., GARSIIJA LANDA, Ch. A. (red.): Semiosfera narratologii: dialog jazykov i kul'tur: meždunar. sb. nauč. st. Balašov, s. 25–36.
- JEGOROV, B. (2013b): *«Uporstvuj, volnujas' i speša...» Očerok o T. I. Usakinovj*. In: JEGOROV, B.: *Vospominanija 2*. Sankt-Peterburg, s. 241–256.
- JEGOROV, B. (2020): *V Char'kove (iz dnevnika za mart 2004 g.)*. In: GLUŠAKOV, P., BURAGO, D. (red.): Homo liber: Sbornik pamjati L. G. Frizmana. Kijev, s. 52–67.
- KOZLIK, I. (1997): *V poëtičeskom mire F. I. Tjutčeva*. Ivano-Frankovsk, Kolomyja.
- KOZLIK, I. (2001): *Kategorija «sovremennost'» v analize literatury: teoretičeskije i istoriko-literaturnyje aspekty*. In: PRUS, K. (red.): *Istorija i sovremennost' v ruskoj literature 2*. Rzeszów, s. 9–25.
- KOZLIK, I. (2005): *Podražatel'na li priroda iskusstva? Suščnost' literatury i jeje otnošenija s dejstvitel'nost'ju*. Russkaja slovesnost' v školach Ukrainy, 2005, № 2, s. 2–4.
- KOZLIK, I. (2006): *Istorija russkojazyčnoj literatury Ukrainy: kakova ona?* Радуга, 2006, № 3, s. 138–149.
- KOZLIK, I. (2020): *Čto ostalos'...* In: GLUŠAKOV, P., BURAGO, D. (red.). Homo liber: Sbornik pamjati L. G. Frizmana. Kijev, s. 8–26.
- KOZLYK, Ī. (1998): *Dejaki pytan'nja podal'soho vyvčennja liryky F. Ī. Tjutčeva*. In: BOLEK, A., PIWOWARSKA, D., RAŻNY, A. (red.): Słowianie Wschodni. Duchowość — Kultura — Język: księga referatów wygłoszonych na sesji jubileuszowej z okazji siedemdziesięciolecia urodzin Profesora Ryszarda Łuźnego i Profesora Wiesława Witkowskiego. Kraków, s. 177–182.
- KOZLYK, Ī. (2001a): *Buduvaty vlasne žyttja za knyžkoju prosto nemožlyvo*. Vsesvitnja literatura v serednich navčal'nych zakladach Ukrainy, 2001, № 6, s. 29–31.
- KOZLYK, I. (2001b): *Filosofs'kyj kontekst literaturno-krytyčnych pohľadiv M. Ī. Cvjetajevoji*. Acta Polono-Ruthenica 6, 2001, s. 115–124.
- KOZLYK, Ī. (2003): *Vstup do istoriji zachidnojevropejs'koji literatury seredn'ovičnoji cyvilizaciji. Īstoryko-kul'turnyj makroetap reflektivnoho tradycionalizmu. Doba Seredn'ovičcja ta epocha Vidrodžennja*. Īvano-Frankivs'k.
- KOZLYK, Ī. (2005a): *Kruhlyj stil «Zarubižna literatura: dejaki problemy j perspektyvy»*. Zarubižna literatura v školach Ukrainy, 2005, № 1, s. 3, 5, 6–7, 8.

- KOZLYK, Ī. (2006b): *Metodolohičnyj stan sučasnoho ukrajins'koho literaturoznavstva: dejaki aspekty problemy*. Russkaja literatura. Issledovanija 8, 2006, s. 36–61.
- KOZLYK, Ī. (2010): *Metodolohični aspekty teoriji literaturnoho stylju O. V. Čyčerina: (Repetitorium do temy)*. Īvano-Frankivs'k.
- KOZLYK, Ī. (ed.). (2011): *Leonid Mychajlovyč Hol'dštejn (1919–2005): Biobibliohrafičnyj pokazčyk*. Īvano-Frankivs'k.
- KOZLYK, Ī. (2016): *Profesija kriz' pryzmu ljudjanosti*. Īvano-Frankivs'k.
- KOZLYK, Ī. (2018): *Jake napročud plidne, harne žyttja!* Collegium, 2018, № 29–30, s. 340–354.
- KOZLYK, Ī. (2020a): *Literaturoznavčyj analiz chudožn'oho tekstu/tvoru v umovach sučasnoji mižnaukovoji ta mižhaluzevoji vzajemodiji*. Brno.
- KOZLYK, Ī. (2020b): *Poetyčni intepretaciji z. Īvano-Frankivs'k*.
- KOZLYK, Ī. (2021): *Volodymyr Serafymovyč Vachrušev (vid publikatora)*. Sultanivs'ki čytannja 10, 2021, s. 61–71.
- KUZNECOV, Ju. (1987): *Mir moj neujutnyj: beseda s poëtom Ju. Kuznecovym*. Knižnoje obozrenije, 2 oktjabrja 1987, s. 3.
- LOSIJEVSKIJ, I. (2019): *Kak poslednjaja vspyška: stichi iz trech knig*. Char'kov.
- LOTMAN, Ju., MINC, Z., JEGOROV, B. (2018): *Perepiska 1954–1993*. Sankt-Peterburg.
- MEDYC'KA, M. (2005): *Tvorčist' Stanislava Vyspjans'koho ta ukrajins'ka literatura kincja XIX – počatku XX stolittja: recepcija i typolohija*. Avtoreferat dysertaciji kandydata nauk. Ternopil's'kyj nacional'nyj pedahohičnyj univërsytet imeni Volodymyra Hnatjuka.
- MEDYC'KA, M. (2008): *Tvorčist' Stanislava Vyspjans'koho ta ukrajins'ka literatura kincja XIX – počatku XX stolittja: recepcija i typolohija*. Īvano-Frankivs'k.
- ORTEGA-I-GASSET, CH. (2000): *Vosstanije mass*. In: ORTEGA-I-GASSET, X.: *Izbrannyje trudy*. Moskva, s. 43–163.
- PUŠKIN, A. (1979): *Polnoje. sobranije sočinenij. V 10 t. T. 10*. Leningrad.
- SLIVICKAJA, O. (2020): *O Tolstom*. Sankt-Peterburg.
- Sultanivs'ki čytannja: zbìrnyk statej*. <<https://journals.pnu.edu.ua/index.php/sch/about>>. [online] [cit. 10.06.2021]; <<https://kslipl.pnu.edu.ua/султанівські-читання-друкований-збі/>>. [print].
- SUPRONJUK, O. (2015): *Pro Viktora: korotki istoriji z žyttja. Rosijs'ke otočennja*. Spadščyna: Literaturene dzereloznavstvo, tekstolohija 10, s. 36–37.
- SVENCYC'KA, E. (2020): *Ī. V. Kozlyk. Literaturoznavčyj analiz chudožn'oho tekstu/tvoru v umovach sučasnoji mižnaukovoji ta mižhaluzevoji vzajemodiji*. Brno, 235 s. Slavia Orientalis 69, 2020, № 3, s. 719–723.
- TEPLINSKIJ, M. (2002): *Pjtnadcat' literaturovedčeskich sjužetov s avtobiografičeskimi kommentarijami, dvumja priloženijami i èpilogom*. Ivano-Frankovsk.
- USAKINA, T. (1968): *Istorija, filosofija, literatura. (Seredina XIX v.)*. Saratov.

VACHRUŠEV, V. (2021): *Pro metamovu humanitarnoji naukovoji dumky*. Sultanivs'ki čytannja 10, 2021, s. 35–61.

About the author

Ihor Kozlyk, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Faculty of Philology, Department of Word Literature and Comparative Literary Criticism, Ivano-Frankivsk, Ukraine, *ihor.kozlyk@pnu.edu.ua*

«Интерактив на дистанте», или как русский язык реагирует на изменения в образовательной сфере

“Интерактив на дистанте”, or How the Russian Language Reacts to Changes in Education

Людмила Владимировна Валова

(Пльзень, Чешская Республика)

Abstract:

The Covid-19 era seriously affected the education in Russia, which was instantly reflected in the language. The author of this paper focuses on such words and phrases as *дистантный*, *дистанционное/дистантное обучение/образование*, *дистант*. The present article is devoted to semantic and stylistic modification of these didactic terms under the influence of the pandemic situation. The author uses the resources of the Russian National Corpus, materials of theoretical studies and various internet resources as a material.

Key words:

didactic terms; distance learning; Covid-19; distance

Введение

Вряд ли кто возразит, что 2020-й год внес практически во все области нашей жизни большие изменения, обусловленные пандемией Covid-19. В течение последних двух лет¹ помимо сугубо медицинских научных работ на тему коронавируса и современной эпидемиологической ситуации появились социологические исследования о влиянии Covid-19 на жизнь в обществе [ARČAKOVA 2020; FILATOV 2021; KRAUS, VÍSEK 2020; NEŠPOROVÁ 2020; *Religija...* 2021 и др.]; научно-методические публикации, оценивающие перспективы онлайн-обучения, актуализировавшегося под воздействием коронавирусных ограничений [BOL'ŠAKOVA 2020; ČERNÝ 2020; FOMIČEV 2021; FROMBERGEROVÁ 2020; GUREVIČ 2020; KIREJEV 2021; KRÁTKÁ, ZEMANOVÁ 2020; UKRAINEC 2020 и др.]; а также лингвистические статьи на тему происходящих в языке изменений, обусловленных последними событиями [BASYROV 2020; GRISHCHENKO, EDGARDO, VASILIEVA 2021; JERŠOV, JERŠOVA 2021 и др.]. В период с 2020-го года в России прошло также несколько актуальных научных-практических конференций: «Первые итоги пандемии: вызовы и новые возможности для мировой системы образования» (08.07.2020; г. Москва); «Высшее образование в ситуации пандемии» (25.06.2020; г. Орел); «Образование в условиях пандемии: тенденции и ориентиры развития» (28.10.2020; г. Уфа); три международных конференции, организованные Финансовым университетом при Правительстве РФ (г. Москва): «Лингвистика дистанцирования: способы существования и эволюция языковой системы в эпоху цивилизационного слома» (25.1.2021) и «Методика преподавания иностранных языков 2.0: реальное и виртуальное» (17.06.2021), «Лингвистика дистанцирования: человек и его язык в гуманитарной ретроспективе» (01–02.02.2022). На конференциях, а также в научно-методических публикациях активно обсуждаются вопросы *дистанционного обучения*, которое, в силу определенной новизны в российском образовательном пространстве, называется по-разному: *электронное обучение, виртуальное обучение, виртуальные занятия, дистантное обучение, онлайн-обучение, онлайн-образование, обучение с использованием компьютерных технологий, дистант, интерактив* и др.

Цель данной статьи — выявить, каким образом пандемия Covid-19 повлияла на понятийно-терминологический аппарат в сфере образования. Объект исследования — методические термины, используемые по отношению к педагогической деятельности, проводимой в условиях, не допускающих осуществление обычного, т. н. контактного обучения: *дистанционный, дистантный, дистанционное/дистантное обучение/образование, дистант*.

1 Отсчет ведем от начала пандемии Covid-19 в начале 2020-го года.

Предмет исследования — семантическая модификация данных слов и выражений под влиянием пандемической ситуации. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), материалы научных и научно-методических статей, а также различные интернет-ресурсы. Рабочая гипотеза: в период с 2020-го по 2021-й годы под влиянием распространившейся по всему миру коронавирусной инфекции, повлекшей революционные изменения в области образовательных технологий, стали корректироваться термины и понятия, касающиеся форм и способов организации занятий.

Анализ проблемы

Дистанционный

Начнем с наиболее частотного в последнее время прилагательного — *дистанционный*, максимально точно и в то же время привычно (в силу своего долгого существования в системе языка) отражающего суть онлайн-обучения — обучения «на дистанции». Следует заметить, что лексема *дистанционный* обладает высокой степенью валентности и даже исключительно в рамках учебной сферы легко сочетается с такими существительными, как *курсы, программа, формат* и др.

Национальный корпус русского языка зафиксировал 5046 примеров употребления лексемы *дистанционный*: газетный корпус — 3523 вхождения, основной корпус — 1079, параллельный — 183, устный — 128, акцентологический — 119, мультимедийный — 13 и поэтический — 1 [*Nacional'nyj korpus...*], что свидетельствует о ее высокой активности. Судя по данным НКРЯ, это слово активно функционировало уже в 19-ом веке: самое раннее использование прилагательного *дистанционный*, по крайней мере зафиксированное в НКРЯ, относится к 1838-му году: «Сражение повсюду усиливалось более и более; за уничтожением форштата французы пытались открытою силой — *дистанционными* колоннами, беглым маршем стройно подведенными, атаковать наши ворота ...» (Д. В. Душенкевич. *Из моих воспоминаний от 1812-го года до 1815-го года*. 1838) [*Nacional'nyj korpus...*].

Слово *дистанционный* было зафиксировано уже в словаре В. И. Даля, однако не как самостоятельная лексема, а в качестве производного прилагательного от существительного *дистанция*. В современной версии данного словаря В. И. Даля находим следующую словарную статью: «*Дистáнция* ж. франц. расстояние; | участок протяжения, дороги, реки, под присмотром дистáночного, *дистанциóнного* начальника: иногда округ, определенное пространство вообще» [DAL' 1989, 437].

В качестве самостоятельной лексемы, обладающей определенной семантикой, слово *дистанционный*, попадает в толковый словарь намного позже: «*Дистанцио́нный*, -ая, -ое (спец.). Прил. к дистанция. *Дистанционная трубка* (приспособление в артиллерийском снаряде, при помощи к-рого регулируют момент его разрыва)» [UŠAKOV 1935, 718].

В Словаре русского языка С. И. Ожегова 1953-го года так же, как и в словаре В. И. Даля, интересующее нас прилагательное упоминается только как производное от существительного *дистанция*: «Диста́нция, -и, жен.

1. Расстояние, промежуток между чем-н. *Стрельба на большие дистанции.*

2. Участок на путях сообщения, а также участок, где происходят спортивные соревнования. *Начальник дистанции.*

[прил. *дистанционный*, -ая, -ое (к 1-му знач.; спец.)» [OŽEGOV 1953, 142].

В редакции словаря Ожегова 1977-го года лексема *дистанционный* не дается отдельной словарной статьей, однако его значение поясняется приведенным примером: «...*дистанционный*, -ая, -ое (спец.). *Дистанционная трубка* (специальный механизм, регулирующий действие артиллерийского снаряда)» [OŽEGOV, ŠVEDOVA 1977, 153].

И только в словаре 1992-го года прилагательному *дистанционный* посвящена, пусть и лаконичная, но отдельная словарная статья: «*Дистанцио́нный*, -ая, -ое. 1. см. дистанция. 2. Совершаемый на расстоянии. *Дистанционное управление*» [OŽEGOV, ŠVEDOVA 1992, 395].

Таким образом, слово *дистанционный* первоначально воспринималось или как существительное, обозначающее лицо, отвечающее за *дистанцию* (участок), или как прилагательное, обозначающее характеристику военного устройства, позволяющего приводить в действие определенный технический аппарат (в ранних фиксациях — артиллерийский снаряд, в поздних — уточнение не дается, что свидетельствует о расширении лексического значения) на расстоянии / *на дистанции*. Следует признать, что лексема *дистанционный* прежде не ассоциировалась со сферой человеческой коммуникации, передачей информации на расстоянии и уж тем более с педагогической деятельностью. И только в начале 21-го столетия в «*Новом словаре иностранных слов*» была зафиксирована «педагогическая» сема: «*Дистанцио́нный* [лат. *distantia* расстояние] — связанный с действием на расстоянии; д-ое управление — управление различными устройствами, машинами и т. п., расположенными на расстоянии от пункта управления; д-ое измерение — измерение физ. величины на расстоянии с помощью технических средств; д-ое обучение (*образование*) — обучение с использованием электронной и информационной технологий (электронная почта, аудио-, видео-, компьютерная связь) с целью получения учебной информации на расстоянии» [ZACHARENKO, KOMAROVA, NEČAJEVA 2003].

Дистантный

Параллельно с прилагательным *дистанционный* в современном русском языке используется относительно новое слово — *дистантный*, которое, несмотря на свое недолгое существование (первый пример употребления прилагательного *дистантный* относится к 1940-му году²), успело определенным образом модифицировать свое лексическое значение.

Самое раннее толкование лексемы *дистантный* находим в словаре 1998-го года под ред. С. А. Кузнецова: «*Дистантный*, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно. Действующий, осуществляющийся на расстоянии, без соприкосновения. *Д. массаж. Д. отношения* (формальные, без дружбы)» [KUZNECOV 1998].

Прилагательное *дистантный* на сайте НКРЯ зафиксировано всего 69 раз: основной корпус — 38 примеров, газетный — 19, акцентологический — 5, устный — 5, мультимедийный — 2 [*Nacional'nyj korpus...*], что свидетельствует о значительно меньшей активности по сравнению со словом *дистанционный*.

Данные НКРЯ показали, что прилагательное *дистантный* встречается преимущественно в научных или научно-популярных текстах: «Развитие *дистантных* рецепторов, увеличивая возможности отображения действительности, создает предпосылку для развития более совершенно организованных форм поведения» (С. Л. Рубинштейн. *Основы общей психологии*. 1940); «Принцип *дистантных* энергоинформационных обменов позволяет объяснить не все, но многие предсказания (В. Финогенов. *Лечить судьбу*. 1991); «...обоняние — это первый *дистантный* рецептор живых организмов, т. е. древнейшее чувство» (С. В. Рязанцев. *В мире запахов и звуков*. 1997) и др. [*Nacional'nyj korpus...*]. Следует заметить, что в приведенных примерах определение *дистантный* вряд ли поддается замене на *дистанционный*. Практика же последних лет показывает, что все большее количество контекстов такую замену допускает, из чего следует, что лексемы *дистантный* — *дистанционный* постепенно становятся взаимозаменяемыми. Подобные примеры имеют отношение именно к сфере обучения. Ср.: «Такой формой стало заочное, или, как сейчас принято говорить, *дистантное* обучение» (2006 г.); «Все больше школ (уже и на государственном уровне в различных странах) размыкают образовательную программу вовне, включая в нее программы и курсы, предлагаемые организациям дополнительного образования и *дистантными* курсами и программами, и засчитывают их как учебные достижения ученика» (2015 г.); «Важно отметить модульность Зоре-платформы, что позволяет с наименьшими усилиями организовать и осуществить процесс обучения, в том числе и *дистанционного*» (2004 г.);

2 Пример см. ниже.

«В числе возможных вариантов рассматриваются уроки с репетитором, домашнее образование, переход на *дистанционное* онлайн-обучение, эмиграция в другие страны ЕС, где образование на русском языке не находится под запретом» (2019 г.) [*Nacional'nyj korpus...*].

Следует признать, что грань, проводимая авторами толковых словарей между значениями двух созвучных прилагательных, практически неразличима: *дистантный* — «действующий, осуществляющийся на расстоянии» [KUZNECOV 1998], *дистанционный* — «совершаемый на расстоянии» [OŽEGOV, ŠVEDOVA 1992, 395]. Вполне естественно, что постепенно эти слова стали подменяться друг другом, использоваться в одинаковых контекстах, что привело к «снятию» паронимического противопоставления и формированию синонимических связей. В «Новом словаре иностранных слов» понятие *дистантный* толкуется непосредственно с опорой на лексему *дистанционный*: «*Дистантный* [см. *дистанционный*] — действующий, осуществляющийся на расстоянии, без соприкосновения, напр. д. массаж; д-ое обучение (образование) — то же, что *дистанционное* обучение (образование)» [ZACHARENKO, KOMAROVA, NEČAJEVA 2003]. Как видим, именно в сочетании со словами *обучение*, *образование* (собственно, как и с иными существительными, имеющими отношение к учебному процессу) данные прилагательные используются как синонимы.

Как известно, на формирование/модификацию лексического значения любого прилагательного влияет его функционирование в словосочетании. По утверждению Е. С. Кубряковой, изучение «простого сочетания атрибута с существительным (типа красного карандаша) приводит «к интересным результатам о строении, организации и функционировании этих единиц в теоретическом отношении» [KUBRAKOVA 2004, 153]. В этой связи интересным представляется анализ контекстов, которые и обусловили формирование у лексем *дистанционный* и *дистантный* сем, имеющих отношение к педагогической деятельности. Нацелимся прежде всего на активно используемые сегодня словосочетания *дистанционное/дистантное образование/обучение*.

Дистанционное образование

В НКРЯ мы насчитали 220 случаев использования словосочетания *дистанционное образование*: в газетном корпусе — 129 вхождений, в основном — 35, в устном — 32, в акцентологическом — 22, в мультимедийном — 2 [*Nacional'nyj korpus...*]. Первый зафиксированный пример относится к 1999-му году: «*Дистанционное образование* на основе современных информационных технологий является для многих стран, и для России тоже, единственным шансом подготовить людей для жизни и работы в информационном мире

XXI века» (Концепция формирования информационного общества в России. 1999) [*Nacional'nyj korpus...*].

К сожалению, самые «свежие» ресурсы Национального корпуса ограничиваются 2019-м годом и не могут отразить реальной картины, соответствующей современному периоду, по этой причине в данной статье мы будем приводить статистику, предлагаемую ресурсом «Яндекс. Подбор Слова». Этот сервис помогает выявить количество запросов в интернете того или иного слова или словосочетания и дает, таким образом, представление о степени его популярности и востребованности. Приведем данные, наглядно демонстрирующие, как менялось количество запросов в интернете выражения *дистанционное образование* с августа 2019-го по настоящее время [*Yandex. Podbor slova*].

НОВАЯ РУСИСТИКА [№ 1/2022 (XV)]

[СТАТЬИ]

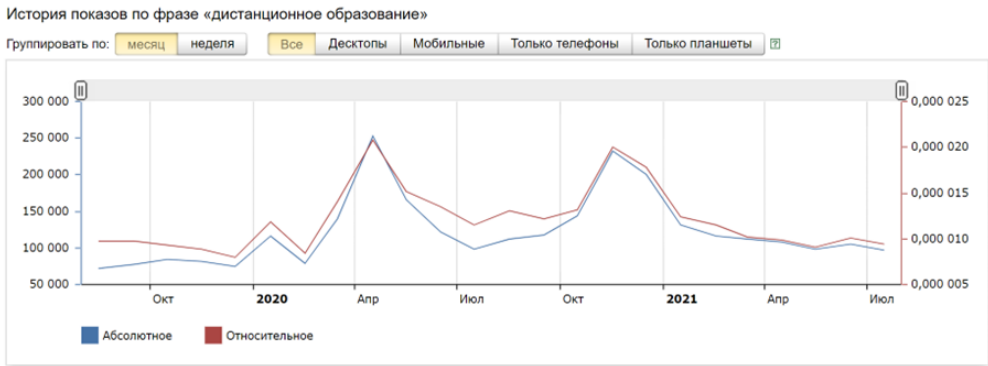

Рис. 1³

Период	Абсолютное	Относительное	Период	Абсолютное	Относительное
01.08.2019 - 31.08.2019	72 672	0,000 009 799 228	01.08.2020 - 31.08.2020	111 624	0,000 013 115 896
01.09.2019 - 30.09.2019	78 047	0,000 009 728 744	01.09.2020 - 30.09.2020	117 009	0,000 012 141 843
01.10.2019 - 31.10.2019	84 254	0,000 009 265 920	01.10.2020 - 31.10.2020	143 841	0,000 013 166 986
01.11.2019 - 30.11.2019	81 162	0,000 008 875 254	01.11.2020 - 30.11.2020	232 797	0,000 019 992 011
01.12.2019 - 31.12.2019	75 278	0,000 007 961 920	01.12.2020 - 31.12.2020	200 181	0,000 017 843 207
01.01.2020 - 31.01.2020	116 756	0,000 011 800 974	01.01.2021 - 31.01.2021	131 592	0,000 012 411 163
01.02.2020 - 29.02.2020	78 404	0,000 008 383 529	01.02.2021 - 28.02.2021	116 567	0,000 011 485 940
01.03.2020 - 31.03.2020	140 303	0,000 014 040 808	01.03.2021 - 31.03.2021	112 341	0,000 010 170 860
01.04.2020 - 30.04.2020	252 955	0,000 020 847 089	01.04.2021 - 30.04.2021	108 335	0,000 009 900 986
01.05.2020 - 31.05.2020	165 591	0,000 015 186 438	01.05.2021 - 31.05.2021	98 057	0,000 009 045 994
01.06.2020 - 30.06.2020	122 475	0,000 013 523 759	01.06.2021 - 30.06.2021	105 282	0,000 010 080 401
01.07.2020 - 31.07.2020	98 463	0,000 011 518 717	01.07.2021 - 31.07.2021	96 388	0,000 009 414 988

Рис. 2

График и статистика показывают, что скачок популярности данного методического понятия приходится на апрель 2020-го года (начинается активная

3 Статистика на «Яндекс Подбор слова» представлена как в абсолютных значениях, так и в относительных. Относительное значение — это отношение к общему числу показов в сети.

практика онлайн-обучения во всем мире), а также на ноябрь того же года (после летних каникул и после очередной волны коронавируса большинство школ и вузов вновь переходят на т. н. дистант).

Дистанционное обучение

Ресурсы НКРЯ приводят 340 примеров употребления данного выражения: в газетном корпусе — 232 вхождения, в основном — 71, в устном — 21, в акцентологическом — 15 и в мультимедийном — 1 [*Nacional'nyj korpus...*].

Выражение *дистанционное обучение* впервые было зафиксировано в 2000-м году, то есть на год позже, нежели *дистанционное образование*, однако, судя по всему, является сегодня более востребованным и актуальным. На наш взгляд, этот факт можно объяснить тем, что в эпоху пандемии активно обсуждается именно методика преподавания в новых условиях, анализируется конкретный учебный процесс, протекающий с помощью интернет-технологий, чему и соответствует выражение — *дистанционное обучение*. Разницу понятий *образование* и *обучение* демонстрирует следующий пример: «В регионе, рассказал, развивается система *дистанционного обучения*, так что *образование* можно получить, не выезжая из деревни Старо-Югино» (Е. Иванкова. *Шок по-нашему*. 2000) [*Nacional'nyj korpus...*].

Сервис «Яндекс. Подбор слова» также доказывает высокую степень популярности, а следовательно, и востребованности понятия *дистанционное обучение*: в апреле 2020-го года зафиксировано рекордное количество запросов в интернете — 4 378 766 [*Jandeks. Podbor slova*].

История показов по фразе «дистанционное обучение»

Группировать по:

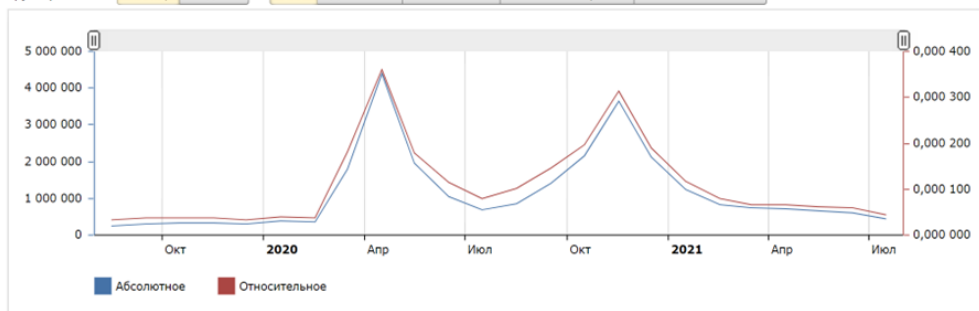

Рис. 3

Период	Абсолютное	Относительное	Период	Абсолютное	Относительное
01.08.2019 - 31.08.2019	239 331	0,000 032 271 838	01.08.2020 - 31.08.2020	862 444	0,000 101 337 758
01.09.2019 - 30.09.2019	299 881	0,000 037 380 879	01.09.2020 - 30.09.2020	1 397 668	0,000 145 033 841
01.10.2019 - 31.10.2019	339 966	0,000 037 388 111	01.10.2020 - 31.10.2020	2 146 197	0,000 196 459 598
01.11.2019 - 30.11.2019	334 531	0,000 036 581 746	01.11.2020 - 30.11.2020	3 643 994	0,000 312 936 888
01.12.2019 - 31.12.2019	315 092	0,000 033 326 302	01.12.2020 - 31.12.2020	2 132 288	0,000 190 062 273
01.01.2020 - 31.01.2020	393 477	0,000 039 770 220	01.01.2021 - 31.01.2021	1 246 810	0,000 117 593 488
01.02.2020 - 29.02.2020	355 693	0,000 038 033 298	01.02.2021 - 28.02.2021	815 689	0,000 080 373 993
01.03.2020 - 31.03.2020	1 809 128	0,000 181 048 301	01.03.2021 - 31.03.2021	734 105	0,000 066 462 635
01.04.2020 - 30.04.2020	4 378 766	0,000 360 872 577	01.04.2021 - 30.04.2021	718 800	0,000 065 692 792
01.05.2020 - 31.05.2020	1 947 755	0,000 178 629 639	01.05.2021 - 31.05.2021	671 506	0,000 061 948 043
01.06.2020 - 30.06.2020	1 041 460	0,000 114 998 603	01.06.2021 - 30.06.2021	612 876	0,000 058 680 839
01.07.2020 - 31.07.2020	677 951	0,000 079 310 258	01.07.2021 - 31.07.2021	447 751	0,000 043 735 425

Рис. 4

Дистантное образование

На сайте НКРЯ нами был найден только 1 пример использования данного словосочетания: «Сейчас входит в моду так называемое *дистантное образование*» (Д. Синюков. *Краткие курсы высшего образования*. 2001) [*National'nyj korpus...*]. К сожалению, ресурсы НКРЯ, как было замечено выше, ограничиваются 2019-м годом, следовательно, основная масса контекстов, приходящихся на эпоху Covid-19, в Национальном корпусе русского языка не отражена. Безусловно, прилагательное *дистантный* и выражение *дистантное образование* используется сегодня намного чаще, о чем и свидетельствует статистика Яндекс [*Yandeks. Podbor slova*].

История показов по фразе «дистантное образование»

Группировать по: месяц неделя Все Десктопы Мобильные Только телефоны Только планшеты

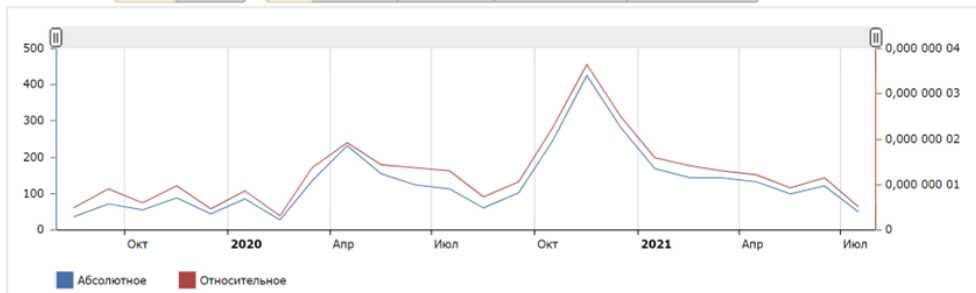

Рис. 5

Период	Абсолютное	Относительное [?]	Период	Абсолютное	Относительное [?]
01.08.2019 - 31.08.2019	36	0,000 000 004 854	01.08.2020 - 31.08.2020	62	0,000 000 007 285
01.09.2019 - 30.09.2019	72	0,000 000 008 975	01.09.2020 - 30.09.2020	103	0,000 000 010 688
01.10.2019 - 31.10.2019	54	0,000 000 005 939	01.10.2020 - 31.10.2020	246	0,000 000 022 518
01.11.2019 - 30.11.2019	88	0,000 000 009 623	01.11.2020 - 30.11.2020	425	0,000 000 036 498
01.12.2019 - 31.12.2019	43	0,000 000 004 548	01.12.2020 - 31.12.2020	281	0,000 000 025 047
01.01.2020 - 31.01.2020	86	0,000 000 008 692	01.01.2021 - 31.01.2021	168	0,000 000 015 845
01.02.2020 - 29.02.2020	29	0,000 000 003 101	01.02.2021 - 28.02.2021	143	0,000 000 014 091
01.03.2020 - 31.03.2020	136	0,000 000 013 610	01.03.2021 - 31.03.2021	143	0,000 000 012 947
01.04.2020 - 30.04.2020	232	0,000 000 019 120	01.04.2021 - 30.04.2021	133	0,000 000 012 155
01.05.2020 - 31.05.2020	156	0,000 000 014 307	01.05.2021 - 31.05.2021	100	0,000 000 009 225
01.06.2020 - 30.06.2020	124	0,000 000 013 692	01.06.2021 - 30.06.2021	121	0,000 000 011 585
01.07.2020 - 31.07.2020	112	0,000 000 013 102	01.07.2021 - 31.07.2021	51	0,000 000 004 982

Рис. 6

Как видно из приведенного графика и статистической таблицы, пик актуальности выражения *дистантное образование* приходится на ноябрь 2020-го года — 425 запросов в поисковике. В то же время не можем не заметить, что словосочетание *дистантное образование* по своей популярности в разы уступает выражению *дистанционное образование* — 232 797 запросов в интернете в ноябре 2020-го года.

Дистантное обучение

В НКРЯ выражение *дистантное обучение* встретилось всего 5 раз, причем самый ранний пример относится к 2001-му году: «Для них будут открываться экстернаты, надомные, семейные школы, системы *дистантного обучения* по компьютерным программам» (А. Плешакова. *В столице вводится 11-летняя программа обучения*. 2001) [*Nacional'nyj korpus...*]. Так как такое малое количество употреблений не может считаться достаточным для выводов, вновь обратимся к статистике последних двух лет сервиса «Подбор слова» [*Jandeks. Podbor slova*].

График и таблица показывают, что наиболее актуальным данное выражение было в апреле 2020-го года — 2 030 запросов в поисковике, однако, как мы уже отмечали выше, рекордным в аналогичное время все же является востребованность понятия *дистанционное обучение* (4 378 766 запросов) [*Jandeks. Podbor slova*].

В словаре методических терминов понятия *дистанционное обучение* и *дистантное обучение* трактуются практически как синонимичные: «*Дистанционное обучение*. То же, что *дистантное обучение*. Форма получения образования (наравне с очной, заочной, очно-заочной и экстернатом), при которой

История показов по фразе «дистантное обучение»

Группировать по: месяц неделя Все Десктопы Мобильные Только телефоны Только планшеты

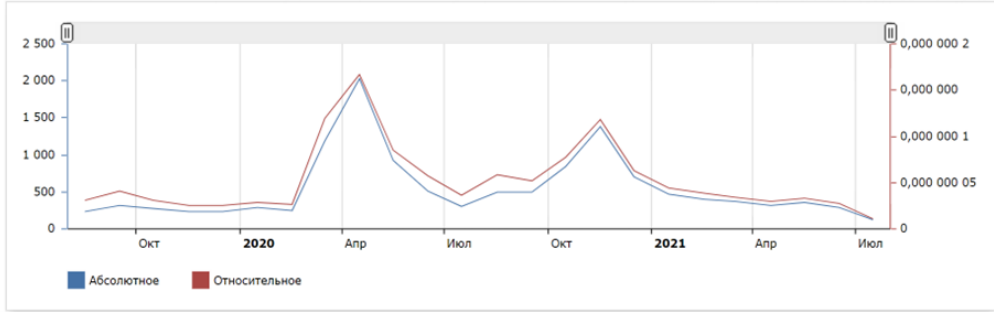

Рис. 7

Период	Абсолютное	Относительное	Период	Абсолютное	Относительное
01.08.2019 - 31.08.2019	228	0,000 000 030 744	01.08.2020 - 31.08.2020	494	0,000 000 058 045
01.09.2019 - 30.09.2019	324	0,000 000 040 387	01.09.2020 - 30.09.2020	503	0,000 000 052 196
01.10.2019 - 31.10.2019	281	0,000 000 030 903	01.10.2020 - 31.10.2020	848	0,000 000 077 625
01.11.2019 - 30.11.2019	230	0,000 000 025 151	01.11.2020 - 30.11.2020	1 375	0,000 000 118 081
01.12.2019 - 31.12.2019	239	0,000 000 025 278	01.12.2020 - 31.12.2020	710	0,000 000 063 286
01.01.2020 - 31.01.2020	286	0,000 000 028 907	01.01.2021 - 31.01.2021	470	0,000 000 044 328
01.02.2020 - 29.02.2020	243	0,000 000 025 983	01.02.2021 - 28.02.2021	398	0,000 000 039 217
01.03.2020 - 31.03.2020	1 189	0,000 000 118 989	01.03.2021 - 31.03.2021	379	0,000 000 034 313
01.04.2020 - 30.04.2020	2 030	0,000 000 167 301	01.04.2021 - 30.04.2021	322	0,000 000 029 428
01.05.2020 - 31.05.2020	928	0,000 000 085 107	01.05.2021 - 31.05.2021	357	0,000 000 032 934
01.06.2020 - 30.06.2020	516	0,000 000 056 977	01.06.2021 - 30.06.2021	294	0,000 000 028 150
01.07.2020 - 31.07.2020	307	0,000 000 035 914	01.07.2021 - 31.07.2021	118	0,000 000 011 526

Рис. 8

в образовательном процессе используются традиционные и специфические методы, средства и формы обучения, основанные на компьютерных и телекоммуникационных технологиях. [...]» [AZIMOV, ŠTUKIN 2009, 65]. Однако на основании того, что словарная статья все же относится к термину дистанционное обучение, можем предположить, что именно данный термин авторы считают основным, что, как показало наше исследование, соответствует реальной ситуации⁴.

4 В данном словаре приводится также термин «дистантная речь», который толкуется как понятие, противопоставленное речи контактной [AZIMOV, ŠTUKIN 2009, 65] и термин «дистанционный курс», под которым авторы видят курс, «размещенный в Интернете» [AZIMOV, ŠTUKIN 2009, 65–66]. Других терминологических выражений с интересующими нас прилагательными в словаре не дается.

Дистант

Не может остаться незамеченным еще одно слово, ставшее весьма популярным в последнее время — *дистант*, которое образовано в результате универбации от словосочетаний *дистанционное/дистантное образование/обучение*. Эта лексема, без сомнения, новая, появившаяся около десяти лет назад и по этой причине пока не вошедшая в словари русского языка. В этой связи могут возникать вопросы и по поводу точного лексического значения данного слова, и относительно его произношения (постановки ударения).

На сайте НКРЯ приведен всего один пример с интересующим нас словом:

«При этом поиском подходящих кандидатур на должность помощника настоятеля займется епархиальный Миссионерский отдел, а работа *дистанта* (удаленного обучения) по подготовке помощников будет запущена уже в конце марта» (Е. Таскина. *К православным батюшкам Урала приставят «советников» по делам молодежи*. 2011) [*Nacional'nyj korpus...*]. В научной статье Л. А. Зайцевой мы обнаружили еще один, более ранний пример, относящийся к 2010-му году: «Принято постановление правительства области о финансовом обеспечении *дистанта*» [ZAJCEVA 2015, 13].

В связи с малым количеством «официальной» статистики вновь обратимся к ресурсам «Яндекс. Подбор слова» [*Jandeks. Podbor slova*].

История показов по фразе «дистант»

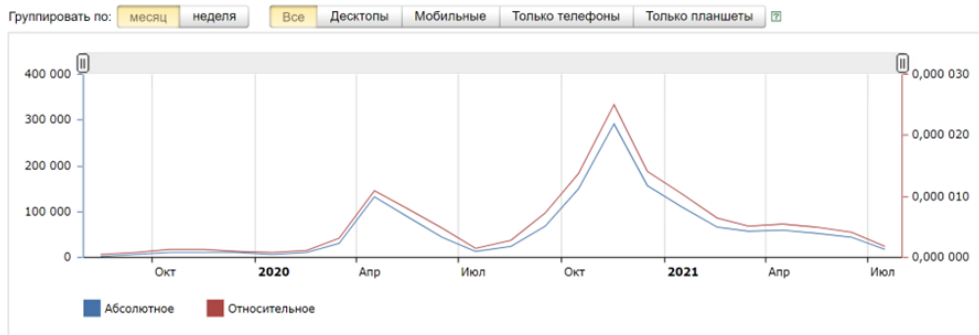

Рис. 9

На графике явно видно, что интерес к понятию *дистант* проявляется в апреле 2020-го года, в ноябре же актуальность данного слова достигает своего пика.

Принято считать, что слова-универбаты принадлежат к разговорной лексике, «в отличие от стилистически нейтральных словосочетаний, на базе которых они образованы; ср.: дистант (разг.) — дистанционное обучение/образование (нейтр.)». [ZAJCEVA 2015, 12–13]. В то же время нельзя не признать тот факт,

Период	Абсолютное	Относительное ⁵	Период	Абсолютное	Относительное ⁵
01.08.2019 - 31.08.2019	3 084	0,000 000 415 852	01.08.2020 - 31.08.2020	23 294	0,000 002 737 061
01.09.2019 - 30.09.2019	7 121	0,000 000 887 650	01.09.2020 - 30.09.2020	69 533	0,000 007 215 332
01.10.2019 - 31.10.2019	11 613	0,000 001 277 152	01.10.2020 - 31.10.2020	150 332	0,000 013 761 162
01.11.2019 - 30.11.2019	11 824	0,000 001 292 982	01.11.2020 - 30.11.2020	292 376	0,000 025 108 503
01.12.2019 - 31.12.2019	10 003	0,000 001 057 986	01.12.2020 - 31.12.2020	157 225	0,000 014 014 308
01.01.2020 - 31.01.2020	7 596	0,000 000 767 757	01.01.2021 - 31.01.2021	111 494	0,000 010 515 610
01.02.2020 - 29.02.2020	11 141	0,000 001 191 277	01.02.2021 - 28.02.2021	65 789	0,000 006 482 525
01.03.2020 - 31.03.2020	31 428	0,000 003 145 154	01.03.2021 - 31.03.2021	57 011	0,000 005 161 525
01.04.2020 - 30.04.2020	132 025	0,000 010 880 737	01.04.2021 - 30.04.2021	59 720	0,000 005 457 949
01.05.2020 - 31.05.2020	87 383	0,000 008 013 941	01.05.2021 - 31.05.2021	53 136	0,000 004 901 922
01.06.2020 - 30.06.2020	43 813	0,000 004 837 856	01.06.2021 - 30.06.2021	43 695	0,000 004 183 650
01.07.2020 - 31.07.2020	13 191	0,000 001 543 152	01.07.2021 - 31.07.2021	17 949	0,000 001 753 222

Рис. 10

что лексема *дистант* весьма быстро прошла путь своей стилистической модификации. Как показал анализ, новый универбат *дистант* сегодня уже не используется как разговорный вариант нейтрального *дистантное образование/обучение*. Лексема, в силу своей краткости, удобства и актуальности, весьма востребована в ходе учебного процесса, активно используется в научно-методических публикациях и даже включается авторами научных статей в список ключевых слов. Так, на сайте elibrary.ru мы насчитали 104 статьи⁵, только в названии которых был использован универбат *дистант*, причем почти все статьи были написаны в течение последних двух лет, только одна публикация относится к 2019-му году и две — к 2017-му: «E-learning: заменит ли *дистант* традиционные методы обучения?» (2017); «Опыт реализации дополнительных образовательных программ профессиональной переподготовки «ВБК — *дистант*» с использованием дистанционных образовательных технологий» (2017); «Контакт vs *дистант* vs онлайн: как возможна гармония методологических и методических подходов» (2019) и т. д. [*Naučnaja èlektronnaja biblioteka...*]. Судя по количеству употреблений в научной сфере, у лексемы *дистант* есть все шансы стать методическим термином.

Выводы

В данной статье мы нацелились лишь на некоторые, наиболее актуальные, на наш взгляд, терминологические понятия, семантическая и стилистическая модификация которых была продиктована сугубо экстралингвистическим фактором — пандемией Covid-19, повлекшей за собой серьезные изменения в сфере образования. В связи с тем, что в России, впрочем, как и в других странах

⁵ Дата обращения — 26.8.2021.

мира, в 2020-м году т. н. контактное обучение стало трудно осуществимым, активизировалось обучение с применением различных интернет-технологий, что не замедлило отразиться на методическом глоссарии. Анализ показал, что в последние два года в образовательной сфере стали весьма востребованы такие слова и словосочетания, как *дистанционный*, *дистантный*, *дистанционное/дистантное обучение/образование*, *дистант*. В то же время следует заметить, что в языке существуют определенные предпочтения в использовании отмеченных единиц. Так, несмотря на активизацию в последнее время прилагательного *дистантный* и даже сформировавшиеся синонимические отношения прилагательных *дистанционный* — *дистантный*, активнее во всех сферах, в том числе и в учебной, продолжает использоваться традиционное прилагательное *дистанционный*. В сочетании со словами *образование* и *обучение* прилагательные *дистантный* и *дистанционный* функционируют сегодня параллельно (при заметном преимуществе последнего). Появившийся на их фоне универбат *дистант* очень быстро прошел путь от разговорного слова до методического термина, используемого в научно-методических публикациях. Все сказанное позволяет утверждать, что под влиянием пандемии Covid-19, повлекшей революционные изменения в системе российского образования, стал корректироваться и соответствующий понятийно-терминологический аппарат. Вполне логично предположить, что в ближайшее время назреет острая необходимость очередного редактирования словаря методических терминов, с тем чтобы данная терминосистема соответствовала состоянию, сложившемуся к настоящему времени.

Библиография:

- ARČAKOVA, M. A. (2020): «Fejky» i temu COVID-19: neumestnaja smečoterapija ili celitel'nyj optimizm? In: *Kommunikologija: èlektronnyj naučnyj žurnal*, 2020, tom 6, č. 4, s. 61–68.
- AZIMOV, E. G., ŠTUKIN, A. N. (2009): *Novyj slovar' metodičeskich terminov i ponjatij (teorija i praktika obučenija jazykam)*. Moskva.
- BASYROV, Š. R. (2020): *Leksika perioda pandemii koronavirusa v sopostavitel'nom aspekte*. In: *Sovremennyje problemy filologii i metodiki prepodavanija jazykov: voprosy teorii i praktiki*. Jelabuga, s. 36–39.
- BOLŠAKOVA, A. S. (2020): *Technologii organizacii zanjatij studentov v uslovijach distanta*. In: *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija*, 2020, č. 68–4, s. 24–27.

- ČERNÝ, M. (2020): *Univerzitní vzdělávání a jeho reakce na pandemii COVID-19*. e-Pedagogium, 2020, č. 20, s. 32–45. <<https://e-pedagogium.upol.cz/pdfs/epd/2020/03/02.pdf>>. [online] [cit. 01.09.2021].
- DAL', V. I. (1989): *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka. Tom 1*. Moskva.
- FILATOV, T. V. (2021): *Izmenenije vosprijatija bytija v Rossii v èpochu kovid-postapokalipsisa*. In: Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo techničeskogo universiteta. Serija: Filosofija, 2021, č. 3, s. 6–16.
- FOMIČEV, Je. A. (2021): *Distancionnoje obučenije v uslovijach novoj paradigmy obrazovanija (primenitel'no k sfere prepodavanija RKI)*. In: Slavanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvije. XXII Kirillo-Mefodijevskije čtenija. Moskva, s. 485–490.
- FROMBERGEROVÁ, A. (2020): *Distanční vzdělávání v době pandemie pohledem čtyř účastníků vzdělávacího procesu*. In: Pedagogická orientace 30, 2020, roč. 30, č. 2, s. 221–230.
- GRISHCHENKO, N., EDGARDO, W., VASILIEVA, D. (2021): *Covid-language of a «New Normal»*. In: Modern Studies of Social Issues, 2021, tom 13, č. 1–3, s. 92–98.
- GUREVIČ, L. S. (2020): *Fors-mažornyj distant v uslovijach neštatnoj situacii: častnyje uroki Covid-19*. In: Ligvistika i lingvodidaktika v svete sovremennyh naučnych paradig. Irkutsk, s. 255–262.
- Janeks. Podbor slova*. <<https://wordstat.yandex.ru/>>. [online]. [cit. 26.08.2021].
- JERŠOV, N. N., JERŠOVA, Ju. N. (2021): *Neologizmy perioda pandemii kovid-19 na urokach russkogo jazyka*. In: Vestnik naučnych konferencij, 2021, č. 5, s. 27–29.
- KIREJEV, Je. V. (2021): *Distancionnoje vysšeje obrazovanije: blago dla strany, ili ugroza jejo nacional'noj bezopasnosti*. In: Innovacionnoje razvitije professional'nogo obrazovanija, 2021, č. 1, s. 12–21.
- KRÁTKÁ, J., ZEMANOVÁ L. (2020): *Distanční výuka na druhou*. In: Pedagogická orientace 30, 2020, roč. 30, č. 2, s. 249–254.
- KRAUS, A., VÍŠEK, P. (2020): *Čtvrtá průmyslová revoluce, trh práce a Covid-19*. In: FÓRUM sociální politiky 14, 2020, roč. 14, č. 4, s. 27–30.
- KUBRAKOVA, Je. S. (2004): *O netrivial'noj semantike v sočetajemosti prilagatel'nych s suščestvitel'nymi*. In: Sokrovennyje smysly: Slovo. Text. Kultura. Moskva, s. 148–153.
- KUZNECOV, S. A. (red.). (1998): *Bol'šoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Sankt-Peterburg. <<https://gufo.me/dict/kuznetsov/дистантный>>. [online]. [cit. 01.09.2021].
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka*. <<http://www.ruscorpora.ru/new/>>. [online]. [cit. 01.09.2021].
- Naučnaja èlektronnaja biblioteka e-library.ru*. <<https://elibrary.ru/defaultx.asp>>. [online]. [cit. 26.8.2021].
- NEŠPOROVÁ, O. (2020): *Pandemie covidu-19 a osoby bez domova*. In: FÓRUM sociální politiky 14, 2020, roč. 14, č. 5, s. 35–37.

- OŽEGOV, S. I. (1953). *Slovar' russkogo jazyka*. Moskva.
- OŽEGOV, S. I., ŠVEDOVA, N. Ju. (red.). (1977). *Slovar' russkogo jazyka*. Moskva.
- OŽEGOV, S. I., ŠVEDOVA, N. Ju. (red.). (1992). *Slovar' russkogo jazyka*. Moskva.
- Religija v sovremennoj Rossii: sobytija i diskursy pandemii*. (2021). Moskva.
- UKRAINEC, I. A. (2020): *Problemy prepodavaniya inostrannogo jazyka v professional'noj dejatel'nosti v period pandemii*. In: *Jazyk i text*, 2020, tom 7, č. 4, s. 61–70. <<https://psyjournals.ru/langpsy/2020/n4/Ukrainets.shtml>>. [online]. [cit. 01.09.2021].
- UŠAKOV, D. N. (red.) (1935). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Tom 1. Moskva.
- ZACHARENKO, Je. N., KOMAROVA, L. N., NEČAJEVA, I. V. (2003): *Novyj slovar' inostrannyh slov*. Moskva. <<https://www.slovari.ru/default.aspx?p=232>>. [online]. [cit. 15.8.2021].
- ZAJCEVA, L. A. (2015): *Aktual'naja leksika obrazovatel'noj sfery sovremennoj Rossii. Avtoreferat dissertacii na soiskanije učennoj stepeni kandidata filologičeskich nauk*. Orol.

About the author

Liudmila Valova, University of West Bohemia, Faculty of Education, Department of Russian Language, Pilsen, Czech Republic, lvalova@krf.zcu.cz

Изображение войны в творчестве Виктора Астафьева (на материале романа «Прокляты и убиты»)

The Depiction of War in the Work of Victor Astafyev (Based on the Novel *The Cursed and the Slain*)

Ганна Паулоуская

(Брно, Чешская Республика)

Abstract:

The article is devoted to the study of the concept of war in Victor Astafyev's novel *The Cursed and the Slain* and to the revealing author's attitude to this phenomenon, expressed in repetitive images and ideas, discovering the specifics of the composition artistic world in the context of the writer's work. Various aspects of the depiction of war based on the material of the novel *The Cursed and the Slain* are analyzed. As a result, a conclusion was drawn about the features of Astafyev's late prose and the image of war in his novel.

Key words:

Viktor Astafyev; war; the literature of war; Great Patriotic War; novel *The Cursed and the Slain*

Введение

Виктор Петрович Астафьев вошел в историю русской литературы, прежде всего, как автор, создававший произведения так называемой «деревенской прозы», для которой характерно реалистичное описание сибирской деревенской жизни. Однако писатель также внес весомый вклад и в развитие военной прозы. В статье мы бы хотели остановиться на военной прозе В. П. Астафьева, она занимает важное место в творчестве автора.

Военная проза Виктора Астафьева продолжает традиции, заложенные Л. Н. Толстым и В. М. Гаршиным, также она близка «лейтенантской прозе» — военной прозе, созданной участниками Великой Отечественной войны, отличающейся высоким уровнем правдивости и автобиографизма. Астафьеву было принципиально показать войну глазами не генерала и даже не лейтенанта, а простого рядового солдата. В авторском видении войны значимое место занимают бытовые детали и особенности фронтовой жизни. Уже в ранний период творчества Астафьев включал в произведения на военную тему натуралистичные и жестокие описания боя («Звездопад», «Пастух и пастушка»), однако ему не была чужда и сентиментальность: писатель часто делал акцент на любовной истории, возникшей не в то время и не в том месте. Позднее творчество автора отличается пессимизмом, откровенностью, установкой на открытие всей правды о «своей» войне («Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат»). Это стремление было воплощено и в последнем романе Астафьева — «Прокляты и убиты», который считается самым значимым произведением позднего периода его творчества.

Наша цель — проанализировать различные аспекты изображения войны в романе «Прокляты и убиты», выявить авторское отношение к этому явлению, выраженное в повторяющихся образах и идеях, раскрыть специфику художественного мира произведения. «Прокляты и убиты» представляет интерес для литературоведов, работы, посвященные роману, создавали такие исследователи, как Н. Н. Архангельская, П. А. Гончаров, А. И. Разувалова и другие. Однако стоит заметить, что данному произведению уделяется меньше внимания, чем произведениям на «деревенскую» тематику, по нашему мнению, роман является недостаточно изученным. Научная новизна статьи заключается в выявлении особенностей изображения войны в произведении: исследуются описания военных действий и тыла, классифицируются виды насилия в романе, рассматриваются значимые повествовательные точки зрения.

Роман «Прокляты и убиты» в ряду произведений Астафьева о войне

Первая часть романа была опубликована в 1992 году в журнале «Новый мир», вторая — в 1994 году. Роман Астафьева разительно отличается от ранних повестей автора категоричностью оценок, натурализмом, публицистичностью. По мнению А. И. Разуваловой, произведение отличается тем, что «в романе травма не просто задает траекторию повествования», но становится предметом осмысления и изображения» [RAZUVALOVA 2013]. В романе сильны автобиографические мотивы (автор служил в пехотном полку вблизи Бердска, участвовал в форсировании Днепра, был связистом, как один из героев).

Смысл названия романа — «Прокляты и убиты» — проясняет рассказ одного из героев произведения, крестьянина Коли Рындина. Герой говорит, что бабушка-старообрядка Секлетинья часто повторяла стихирю, принесенную в Сибирь оконниками — людьми, которые молились природе: «писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» [ASTAFJEV 1997, 109]. Таким образом, любой человек, участвующий в войне, замешан в тяжком грехе и будет наказан. Эпиграфы к каждой из частей романа продолжают мысль, заложенную в названии. Эпиграф «Чертовой яме» взят из Послания к Галатам (5:15) — книги *Нового Завета*, написанной апостолом Павлом: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» [Poslanije k Galatam]. Действительно, в «Чертовой яме» нет кровавых боев с противником, преобладают сцены насилия советских командиров над солдатами, а также солдат над солдатами. Источник эпиграфа ко второй книге — *Евангелие от Матфея* 5:21–22: «Не убивай. Кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» [Jevangelije ot Matfeja]. Этот эпиграф обнаруживает целую этическую пропасть между христианскими ценностями и событиями, происходящими в «Плацдарме». Автор подчеркивает: грешно даже гневаться на ближнего, но при этом герои второго тома романа участвуют в настоящей бойне. Таким образом, человечество, ведущее братоубийственную войну, будет наказано: где-то смертью, а где-то и жестокой памятью, с которой ему жить до конца.

Удачен ли выбор формы?

Астафьев достаточно редко обращался к крупным эпическим жанрам — до «Прокляты и убиты» у него были написаны только роман «Тают снега» (1958), посвященный послевоенной жизни в уральской глубинке, и роман «Печальный детектив» (1986), в центре которого сложный жизненный путь экс-милиционера Леонида Сошнина. В. Астафьев предпочитал малые и средние

прозаические формы; в военной прозе писателя преобладали повести. Почему же Виктор Астафьев решил обратиться к жанру романа? Вероятно, в поздний период творчества автору хотелось в полной мере раскрыть темы, о которых он молчал долгие годы, высказать накопившиеся мысли, подробно изобразить не только военные действия, но и жизнь солдат, отношения между ними. Как пишет Н. Н. Архангельская в своей статье «Книга-память о войне Виктора Астафьева», «жанровые возможности романа позволяют писателю, совместив художественное повествование и публицистические рассуждения, не только воссоздать батальные эпизоды, но и попытаться постичь механизм действия государственной военной и – шире – управленческой машины, соотнести мощь этой машины с судьбой конкретного человека, определить его место и значение в происходящем» [ARCHANGEL'SKAJA 2000]. В статье «Роман В. П. Астафьева как текст-травма» А. И. Разувалова высказывает мнение, что автор выбирает эпическую романную форму, которая восходит к «Войне и миру» Толстого: «Изображение Астафьевым картин «мира» и «войны», наличие обширных авторских отступлений, значимость семантики «роя», поиск сверхсмысла убийственного противостояния сближают «Прокляты и убиты» с романом Л. Толстого» [RAZUVALOVA 2013]. Однако исследователь считает, что толстовская традиция повествования не была в силах передать весь травматический опыт, для этого Астафьеву необходимо было искать более оригинальные романские формы. Вместо того, чтобы проводить эксперименты с композицией, повествовательными стратегиями, автор словно проживает травму с помощью языка, включения в текст натуралистических описаний смерти. Роман отчасти выполняет терапевтическую функцию, автор облекает пережитое в слова, чтобы снять с себя психологический груз.

Исследователи романа называют его композицию коллажной, калейдоскопической и мозаичной. Мы считаем, что композицию «Прокляты и убиты» можно назвать свободной: это связано и с использованием различных композиционных приемов, и с особенностью связи книг между собой. Каждую из них можно воспринимать как отдельное произведение. Также нужно вспомнить, что задумка автора предполагала появление третьего тома, однако и без него роман в какой-то мере закончен. Концовка «Плацдарма» выглядит смазанной. Возникает чувство, что автор просто устал от своего романа и поэтому решил ограничиться лишь наброском: события в будущем времени перечисляются одно за другим, появляется ощущение недосказанности и схематичности. Виктора Астафьева нельзя назвать мастером эпопеи, панорамного изображения действительности. Несмотря на большой объем, роман отличается композиционной несбалансированностью: развитие действия часто прерывается развернутыми ретроспекциями, масштабными нравоучительными авторскими

отступлениями. Таким образом, автор не вполне удачно выбрал традиционную романную форму.

Одной из главных особенностей романа как жанра является синкретизм — сочетание в произведении разнородных элементов. Это вполне соответствовало целям Астафьева. Писатель активно использует эту черту романа, включая в его состав объемные размышления публицистического характера, тексты песен, которые помогают создавать атмосферу, и многое другое. Особую роль в романе играют авторские отступления, так как они неразрывно связаны с задумкой романа, важностью дидактической составляющей творчества. Автор постоянно присутствует в тексте, в том числе, он достаточно часто вторгается в нейтральное повествование или повествование с точки зрения того или иного героя. Отступления в романе носят философский, публицистический, поучительный характер. Некоторые из них наполнены глубоким лиризмом, например, отступление, посвященное хлебному полю. Автор открыто и бескомпромиссно высказывается о войне как грехе, о богоотступничестве и вере, о крестьянстве и русском характере, он критикует не только Октябрьскую революцию и советскую систему, но и любую власть, иерархию в целом.

Синкретизм проявляется и в стилистике. В романе «Прокляты и убиты» автор активно использует стилистически окрашенную лексику русского языка: от грубых ругательств до церковнославянизмов, включает в состав произведения тексты молитв, стихотворений, песен, пословицы и поговорки, устойчивые выражения, лозунги и цитаты из известных классических литературных произведений, тексты на русском, немецком, казахском языках. Виктора Астафьева достаточно сильно критиковали за то, что в романе он смешивал высокий и низкий стиль, не избегал употребления субстандартных элементов (диалектных слов, жаргона, просторечия, обсценной лексики).

Крайне неоднородный стиль произведения привел к неоднозначным оценкам критиков. Так, В. Зеленков считает, что «„Прокляты и убиты“ – неудачный эксперимент, содержащий искажение правды о Великой Отечественной войне и в вопросе исторической достоверности, и в описании деталей» [ZELENKOV 1997, 71]. Среди критиков, дающих негативную оценку произведению, можно также выделить Ксению Мяло [MJALO 1995, 186]. Е. Ермолин высоко оценивает творчество Астафьева, называет роман портретом эпохи: «Это вовсе не военный роман в узком смысле, это портрет эпохи. Астафьев пишет не о войне как таковой, а о времени, пораженном злом, о человеке, искусившемся и наказанном за это Богом» [JERMOLIN 1999]. Валентин Курбатов называет «Прокляты и убиты» самой мучительной книгой в русской литературе и отмечает гуманистический, антивоенный пафос романа [KURBATOV 2009]. Павел Басинский посвятил Виктору Астафьеву цикл очерков «Контуженная муза». Критик описывает

позднюю прозу Астафьева как «бесконечную вражду множества голосов», отмечает отсутствие «художественного плана и расчета», неясность авторского замысла, однако не игнорирует и главное достоинство творчества автора — «способность дарить слезу» [BASINSKIJ 1993, BASINSKIJ 1998, BASINSKIJ 2002]. Таким образом, сложно отрицать, что публикация диологии стала заметным событием в русской литературе последнего десятилетия XX века. Однако неоднозначность оценки критиков связана с объективными причинами: несоответствием традиционной формы и экстраординарного содержания, недостаточной проработанностью композиции при обилии сюжетных линий, не всегда органичным сочетанием лексики различной стилистической окраски.

Описания военных действий в романе

Описание военных маневров «сверху» встречается в рамках авторского повествования или повествования с точки зрения командиров, однако, в целом, в романе доминирует изображение боя глазами его участников. В «*Чертовой яме*» повествуется о казарменной жизни в тылу, однако описания сражений есть в воспоминаниях уже побывавших на фронте младшего лейтенанта Щуся и сержанта Яшкина, в том числе, и не соответствующие официальному изображению войны эпизоды, например, расстрел советских солдат, попавших в окружение, своим командиром. Сцены боев в изобилии присутствуют во второй книге «*Плацдарм*»: начинается наступление советских войск и форсирование Днепра. В произведении отражены различные виды боев от лица их участников или непосредственных наблюдателей: воздушный бой, бомбардировка, обстрел, переправа, атака, отступление. Автор, цель которого — рассказать о своей войне, не избегает трагических эпизодов, которые часто скрывались: ошибочного огня по своим войскам, расстрела невинных, работы заградительных отрядов, попадания солдат в окружение.

Если говорить о характере военных действий, то в романе преобладают описания воздушных боев и бомбежек, то есть не контактного боя, а сражения на расстоянии (так как герои, с точек зрения которых передаются события, не являются пилотами, они становятся либо жертвами бомбежек, либо наблюдателями).

Поскольку сцены боя, в основном, отражены с точки зрения его участника, визуальные образы и сравнения используются, только когда у героя есть возможность хорошего обзора. К примеру, воздушные бои подвергаются сравнению с карнавалом («Ашот Васконян глядел в ночное небо, где вроде бы свершался праздничный карнавал — то его, небо, просекало и обшаривало голубыми, белесо рассыпающимися в выси прожекторами, простреливало

разноцветно мелькающими, на жемчуг похожими пузырьками пуль» [ASTAF'JEV 1997, 350]). Специфика военных действий обуславливает доминирование звуковых описаний. Звуковая картина включает самые разнообразные звуки: гул («послышался слитый, все нарастающий гул, будто не по небу, по булыжной мостовой накатывались, все убыстряя ход, грозно, чудовищно звучащие машины») [ASTAF'JEV 1997, 564], вой («завыли самолеты»), треск («что-то громко треснуло в земле или на земле»), стрельбу («застрочили пулеметы»), свист, рычание («свистя продырявленными крыльями, сипя и рыча плохо тянущими моторами»), крики боли и ужаса («и залилась, запела, завопила передовая сотнями голосов»), взрывы («коротко взвизгнув, взорвались две мины»). Отмечается и привыкание человека на войне к жизни в таких условиях, где гул и грохот становятся будничными звуками («шум и гул были так привычны, так соединились со слухом, что требовалось что-то включить в себе, чтобы заставить себя услышать их» [ASTAF'JEV 1997, 700]).

Значимое место в романе занимает описание переправы войск через Днепр, ей посвящена глава «Переправа», а также несколько сцен в других главах. Изображение переправы носит апокалиптический характер: «А пулеметы секли их и секли, поливали разноцветными смертельными струйками. Хватаясь, друг за друга, раненые и нетронутые пулями люди связками уходили под воду, река бугрилась, пузырясь, содрогалась от человеческих судорог, пенилась красными бурунами» [ASTAF'JEV 1997, 380]. На «своем» берегу работает заградительный отряд, «громadne, безглазые, клешнерукие люди», которые отправляют чудом выплывших людей обратно в воду, на верную гибель.

Атака намеренно изображена антигероически, автор явно вступает в полемику с официальной литературой: «без криков «ура», подстегивая себя и ближнего товарища лишь визгливой матерщиной», «не было никаких киношных, патриотических криков, никакого «ура», только хрип, только кашель, только вскрики тех, кого находила пуля или осколок» [ASTAF'JEV 1997, 720].

Особую роль в романе играют описания эмоций участника боя, подчеркивается бессознательность, некоторая абсурдность действий солдата, потеря связи с реальностью: «Щусь, кого-то хватал, тащил к острову, бросал на твердое, кого-то отталкивал, кого-то, берущего его в клещи руками, оглушал пистолетом и, себя уже не слыша, не помня, не понимая, вопил: „р-р-е-от, ре-о-от!“» [ASTAF'JEV 1997, 375]. В произведении в большом количестве встречаются детали физиологического плана, описания смерти и мертвых людей, рисуется символический образ войны как безголовой, безглазой твари, состоящей из желтой жижи: «безголовая, безглазая белым привидением ползла, вилась червь, не иначе, как из самой преисподней возникающая. Состояла она из сплошного

хвоста, из склизкой кожи, увязнув, валяясь в грязи, тварь хлопалась по вязкому месту, никак и никуда не могла уползти, маялась в злом бессилии».

Изображение тыла в «Прокляты и убиты»

Слово «тыл» имеет несколько значений, и в романе присутствует тыл как территория за боевой линией (на территории позади фронта, в Бердске, готовят солдат-новичков), как части, обслуживающие воюющую армию, (феномен «тыловики»), как вся страна в противоположность фронту (село Осипово, куда солдат направляют помочь с уборкой урожая).

Военный тыл с описаниями казарменного быта (Бердск) доминирует в первой книге «*Чертובה яма*». Нечеловеческие условия жизни солдат в тылу шокируют не меньше, чем сцены боя. И в этом тоже особый подход Астафьева к изображению войны: нельзя показывать яркие картины боя, забывая про то, что солдаты страдают от паразитов, голодают и болеют. За такой взгляд на Великую Отечественную войну автора часто критиковали. Военный тыл по Астафьеву это — неприятные запахи, тюремная атмосфера, грязь, вши, болезни, деградация, насилие.

В романе «*Прокляты и убиты*» изображен и еще один вид тыла — тыл бюрократов, чиновников, надзорных войск. Эти люди не участвуют в боях, однако обладают властью, принимают решения, заведуют пропагандой. Для «тыловики» характерны безразличие, жажда комфорта и наживы, демагогия. К ним крайне негативно относятся фронтовики.

Описание деревни Осипово разительно контрастирует и с картинами казарменного полутюремного быта, и со сценами сражений и переправы. Это мир, пусть и хрупкий, пусть и с отпечатками войны, это спокойные сельские пейзажи, это простые добрые люди, любовь и новая жизнь. Отчаянным символом войны становится погибшее, необработанное поле, вид которого производит на солдат неизгладимое впечатление: «Осиповское хлебное поле, разоренное, убитое, — как оно похоже сейчас на смутной охваченную отчизну свою, захиревшую от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, от холостого разума самоуверенных вождей, так и не выростивших ни идейного, ни хлебного зерна, потому как на крови, на слезах ничего не растет» [ASTAF'JEV 1997, 233].

Однако несколько раз в романе повторяется мысль, что война, фронт — это не только смерть, но и жизнь. Ее высказывают персонажи, которым автор неоднократно доверял доносить свои мысли до читателя — Васконян и Щусь: «люди на войне не только работали, бились с врагом и умирали в боях, они тут жили собственной фронтовой жизнью, той жизнью, в которую их

погрузила судьба» [ASTAF'JEV 1997, 347], «Щусь давно уже усвоил закон жизни, последовательный и никем не отменяемый, — военный человек на войне не только воюет, выполняет, так сказать, свое назначение, он здесь живет» [ASTAF'JEV 1997, 481]. Таким образом, контраст мирного и военного незначительно ослабляется, т. к. и одно, и другое — это часть жизни.

Виды насилия на войне

Связь таких явлений, как насилие и война очевидна, так как боевые действия предполагают применение физической силы. Поэтому важное место в романе занимает проблема насилия: внутреннего (между людьми, воюющими на одной стороне) и внешнего (между солдатами и их противниками). Ко внутреннему насилию можно отнести отношения типа:

- «государство — народ». Проблема насилия в формате «государство — народ» затрагивается в контексте довоенных репрессий, а также приказа 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» 1942 года, который также называли «Ни шагу назад». Приказ предполагал формирование штрафных частей, наличие заградительных отрядов, а также соблюдение строгой дисциплины. По сути, этим приказом государство сделало легитимным расправу над своими же солдатами;
- «командир — солдат». В романе такие эпизоды встречаются достаточно часто, однако в большинстве своем они носят достаточно безобидный характер, но есть и чрезвычайные случаи (убийство «доходяги» Попцова, а также расстрел братьев Снегиревых);
- «солдат — командир». Из-за того, что в армии существует строгая субординация, эпизодов насилия солдат над командирами значительно меньше: эпизод избития Зеленцовым капитана Дубельта, убийство начальника политотдела дивизии Мусенка комбатом Щусем (инсценировка аварии);
- «солдат — солдат». Насилие между солдатами возникает, так как окружающая обстановка к этому располагает. Постоянно чувствуется дефицит продуктов питания и отсутствует комфорт, люди неизбежно попадают в экстремальные ситуации. Насилие может быть умышленным (к примеру, чтобы занять чье-то место в казарме), и вынужденным (чтобы вернуть другого солдата в реальность во время переправы). Многие солдаты готовы охотнее воевать со своими, чем с противниками: «обнаружилось: тех, кто жаждал воевать не с фашистом-врагом, а со своими братьями по фронту, гораздо больше, чем на противоположном берегу боеспособных людей» [ASTAF'JEV 1997, 62]. Речь, безусловно, идет об участниках заградотрядов;

- «мужчины — женщины». На войне женщины, как среди мирного населения, так и среди медперсонала и военнослужащих, могли подвергаться сексуальной эксплуатации или изнасилованиям. В романе описывается сцена изнасилования санитарки Фаи: насилие совершает пожилой командир. Порой женщине легче найти постоянного партнера, «шефа», чтобы защититься от посягательств других («походно-полевые жены»).

Внешнее насилие — это отношения типа «советские солдаты — немцы», «немцы — советские солдаты». Это самый естественный и логичный вид насилия, который встречается на войне — бой, насилие над противником.

Война через призму образов героев: от бывшего заключенного до особиста

Повествование в романе ведется от третьего лица, но с разных точек зрения (связиста Шестакова, командира роты Щуся, уголовника Зеленцова-Шорохова, сержанта Яшкина, интеллигента Ашота Васконяна, медсестры Нельки Зыковой, немцев Янгеля, Лемке, Мезингера и многих других). Судьба некоторых героев прослеживается на протяжении двух книг. Автор рассказывает подробные предыстории таких персонажей, многие из которых воплощают конкретные типы советских людей: Шестаков — обычный солдат, человек из народа, Васконян — интеллигент, Рындин — крестьянин-старообрядец, Скорик — человек из еврейской семьи, репрессированной до войны, Феликс — художник. В романе отражено, как социальное неравенство солдат на войне постепенно сглаживается: к примеру, изнеженный интеллигент Васконян чувствует, что его место — рядом с товарищами. Астафьев показывает войну с точки зрения военнослужащих, занимающих различные места в армейской иерархии: перед читателями предстают не только рядовые солдаты, но и младшие офицеры (Яшкин, Щусь), старшие офицеры (Зарубин, Лахонин). Наиболее яркими фигурами в первой книге являются Ашот Васконян и Коля Рындин. Исследователь П. А. Гончаров в статье «Снятие покровов: специфика позиции автора в романе „Прокляты и убиты“» высказывает мнение, что и Васконян («в его сентенциях ощутим взгляд В. Астафьева на войну с высоты прожитых десятилетий. По сути, это персонифицированный опыт писателя» [GONČAROV 2001]), и Рындин (в этом образе «сконцентрировано религиозное начало романа, плоды, результаты этико-христианских размышлений писателя» [GONČAROV 2001]) — это функциональные фигуры, помогающие транслировать авторские мысли.

А. И. Разувалова проводит параллель между «деревенской» и военной прозой Астафьева, говоря о том, что их объединяет «идеологическая деколонизация»

[RAZUVALOVA 2013], то есть стремление восстановить память народа, искаженную режимом. Имеется в виду описание исторических событий с точки зрения угнетенных групп: если сначала Астафьев был голосом крестьянства, то в позднем творчестве от стал голосом красноармейца, простого солдата. Особый интерес представляет изображение войны глазами стигматизированных групп: бывших заключенных (Жердяков-Зеленцов-Шорохов), женщин (медработницы Фая и Нелли), немецких солдат (Гольбах, Куземпель, Лемке).

Заключение

Роман В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» является наиболее значимым произведением, созданным в поздний период творчества писателя. Чрезмерная откровенность, обсуждение неудобной темы, причем часто языком, близким к вульгарному, яркий антивоенный пафос — все это причины неоднозначной оценки романа критиками. Однако сложно отрицать, что публикация диалогии стала заметным событием в русской литературе последнего десятилетия XX века. По мнению критика В. Я. Курбатова автор привнес в современную военную прозу христианскую оценку Великой Отечественной войны: «Прозаик хотел судить мир Божьим судом, перед которым войне нет оправдания. Да и не хотел, а само сердце, генетика русская просила христианской оценки войны... Для человека, для страны победа может быть высокой, быть исторической гордостью на века, но как когда-то Лев Николаевич [Толстой], так и Астафьев уже не о человеке и не о стране говорил, а о человечестве» [KURBATOV 2009].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что роман Астафьева отличается синкретизмом, сочетанием контрастных стиливых элементов, физиологизмом и жестокостью описаний, обилием точек зрения и авторских отступлений, христианским пониманием войны (как греха и преступления против человечества). Это достаточно мрачное и пессимистичное, вполне характерное для позднего творчества Астафьева произведение, с помощью которого писатель поделился своим военным опытом, результатами духовных исканий, а также рефлексией над историей Советской страны.

Библиография:

- ARCHANGEL'SKAJA, N. N. (2000): *Kniga-pamjat' o vojne Viktora Astaf'jeva*. Vestnik TGU 19, 2000, № 3, с. 35–43. <<https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-pamyat-o-voynе-viktora-astafieva/viewer>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- ASTAF'JEV, V. P. (1997): *Sobranije sočinenij: V 15 t. T. 10. Prokljaty i ubity. Roman*. Krasnojarsk.
- BASINSKIJ, P. V. (1993, 1998, 2002): *Kontuženaja muza. Tri očerka o Viktorе Astaf'jeve*. <<https://lit.wikireading.ru/34929>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- GONČAROV, P. A. (2001): *Snjatije pokrovov: specifika pozicii avtora v romane V. Astaf'jeva «Prokljaty i ubity»*. Vestnik TGU 21, 2001, № 1, с. 58–63. <<https://cyberleninka.ru/article/n/snyatie-pokrovov-spetsifika-pozitsii-avtora-v-romane-v-astafieva-proklyaty-i-ubity/viewer>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- JERMOLIN, Je. A. (1999): *Mestoroždenije sovesti. Zametki o Viktorе Astaf'jeve*. Kontinent, 1999, № 10, с. 371. <<https://magazines.gorky.media/continent/1999/100/mestorozhdenie-sovesti-zametki-o-viktore-astafeve.html>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- KURBATOV, V. Ja. (2009): *Slovo pri vručenii Literaturnoj premii Aleksandra Solženicyna V. P. Astaf'jevu*. <<https://www.rp-net.ru/book/premia/2009/kurbatov.php>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- MJALO, K. G. (1995): *Mertvyh prokljat'je*. Naš sovremennik, 1995, № 6, с. 186. *Novyj Zavet. Jevangelije ot Matfeja*. <<https://azbyka.ru/biblia/?Mt.5:21–5:22>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- Novyj Zavet. Poslanije k Galatam*. <[https://allbible.info/bible/sinodal/ga/5/#!prettyPhoto\[iframes\]/14](https://allbible.info/bible/sinodal/ga/5/#!prettyPhoto[iframes]/14)>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- RAZUVALOVA, A. I. (2013): *Roman V. P. Astaf'jeva kak tekst-travma*. Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V. P. Astaf'jeva 24, 2013, № 2, с. 195–199. <<https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-p-astafieva-proklyaty-i-ubity-kak-tekst-travma/viewer>>. [online]. [cit. 01.06.2021].
- ZELENKOV, V. (1997): *Komu vojna, a komu mat' rodna*. Naš sovremennik, 1997, № 9, с. 71.

About the author

Hanna Paulouskaya, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, 487941@mail.muni.cz

Проблема иностранной (русской) филологии/богемистики и Сергей Никольский

Иво Поспишил

(Брно, Чешская Республика)

[маргиналии]

Известен незаменимый вклад иностранной филологии в исследование отечественного языка и литературы; в случае литературоведческой богемистики речь идет, например, о немецких, английских, польских, французских, русских и других исследователях, которые вносят в свои попытки анализа и синтеза свой культурный, общенаучный и методологический опыт и смотрят на иностранную литературу через призму своей отечественной литературы.

С этой точки зрения следует отметить, что, как правило, именно иностранные филологи-литературоведы, может быть, по врожденной вежливости и, кажется, вследствие тактичного подхода, повторяют оценки отечественного литературоведения, не желая вступить в конфликт. Судьба Сергея Никольского (1922–2015) показывает, что намного плодотворнее самостоятельный, полностью независимый подход, как можно больше отличающийся от приемов и оценочных иерархий отечественной, т. е. в данном случае чешской богемистики. В 50-е годы 20 века — разумеется, в результате счастливого случая, стечения обстоятельств или намеренного подхода некоторых просвещенных чешских богемистов и чапковедов, он посредством своего послесловия, оперативно переведенного на чешский в форме отдельной брошюры, оказал принципиальное воздействие на своего рода реабилитацию Карела Чапека.

Его предисловие о Кареле Чапеке было сразу же переведено на чешский язык, и, таким образом, была реабилитирована личность Чапека и он снова стал избирательно издаваться в Чехословакии; до этого времени после 1948 г. его произведения были частично запрещены и не издавались (см. [NIKOLSKIJ 1952]). Речь шла о предисловии к избранному Карела Чапека, которое вышло

в 1950 г. в Гослитиздате. Это, однако, далеко не все. Он заново посмотрел на доминантные пласты творчества Карела Чапека и в последнее время использовал новые сравнительные и документальные подходы к произведениям Чапека и Гашека и превзошел, таким образом, и чешскую богемистику. Он и другие русские богемисты служат примером незаменимости иностранной филологии в процессе изучения отечественных художественных произведений и, в общем, восприятия, интерпретации и оценки литературы как таковой (Из его книг о Чапеке: [NIKOLSKIJ 1966; NIKOLSKIJ 1967; NIKOLSKIJ 1968; NIKOLSKIJ 2009]. Он открыл и новые подходы к роману Ярослава Гашека *Бравый солдат Швейк*, см. его книгу [NIKOLSKIJ 1997]. См. нашу рецензию [POSPÍŠIL 2002]).

В нашем журнале *Новая Русистика* мы в 2012 г. в честь 90-летия со дня его рождения опубликовали выдержку из его книги о Чапеке, Булгакове и Гашеке под названием *Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей* [POSPÍŠIL 2021, 55–67].

Типичен в этом случае выбор Никольским именно этих двух писателей. Оба относятся к канону мировой литературы, это несомненно, может быть, это были первые чешские писатели с мировой репутацией. Кроме того, они обладали чутьем и визионерскими способностями. Между тем как Ярослав Гашек, особыми узами связанный с судьбами России, подчеркивал чешскую реакцию на мировые катастрофы, Чапек сумел показать и будущие угрозы, так что я в одной статье охарактеризовал его как аналитика угроз и катастроф. Знатокам его творчества не надо напоминать о том, в чем дело и каких произведений это касается — по-моему всех, хотя в нескольких случаях, например в романной трилогии или в «карманных» рассказах, это скорее в притушенной форме личных провалов. Именно Карел Чапек является тем, кто связывает меня с Сергеем Никольским наиболее прочно.

Судьба Карела Чапека как писателя странная. В 10-е годы 20 века его поколение стало во главе новой чешской литературы и сам писатель после коротких стажировок в довоенном Париже и Берлине стал вместе с братом наиболее заметным писателем младшего поколения. Они — в отличие от предыдущих поколений, ориентированных на позитивизм и немецкую философию воли — Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, в литературе на скандинавскую драматургию Генрика Ибсена, — указывали на значительную роль французского модернизма, т. е. декаданса и символизма. В годы первой мировой войны Чапек переводил эту поэзию с французского как выражение особого протеста против центральных держав под названием *Французская поэзия нового времени (Francouzská poezie nové doby)*. Ведущая личность чешской поэзии последующего поколения Витезслав Незвал назвал этот том в 30-е годы 20 века по случаю нового издания стержневым произведением, которое

образовало весь язык современной чешской поэзии. Братья Чапеки (Йосеф был прозаиком и живописцем) — оба, но главным образом Карел, были новаторами чешской литературы: поэзия, лиризованная проза, современная драма, научная фантастика, дистопические романы-предостережения. Карел Чапек был, сверх того, журналист и политик, своего рода связанный с президентом Масариком — его считали центром так называемого крыла Пражского Кремля («Hradní křídlo»), т. е. умеренно левого либерального течения демократической ориентации — демократия есть дискуссия, необходимо принять возможность существования других взглядов — к которому принадлежал, например, ведущий чешский журналист Фердинанд Пероутка, которому президент дал деньги на основание журнала *Настоящее* (Přítomnost). Именно в анкете этого журнала *Почему я не коммунист?* Чапек, близкий упомянутым умеренным левым тенденциям, объяснил свое отличие от коммунистической идеологии с ее тяготением к насилию, манипуляции массами и их злоупотреблением и культом власти. Его критика правильна, но он нигде не проводит выход из общественного положения, не советует, как решать проблемы, от которых он сам как интеллектуал страдает, которые типичны для тогдашнего общества, он констатирует, что есть бедные и богатые, но советует благотворительность, филантропию, которая, как мы видим и сейчас, ничего не решает. Периферийное замечание: в анкете принял участие и известный чешский католический поэт и романист Ярослав Дурых, поклонник путча генерала Франко в Испании, один из немногих в чешской культуре, кто был против испанских республиканцев. Он выразил — поразительно — свои симпатии к коммунизму, именно то, что критикует Чапек; его удовлетворяет массовость, экзальтация, фанатическая вера. Демократ Пероутка решился — вопреки демократическим принципам, необходимости принять возможность существования других взглядов — его ответы не опубликовывать, так что они стали известны только в томе публицистики Дурыха, в издании которого принимал участие его сын.

Я обращался к Карелу Чапеку несколько раз в разных статьях, некоторые из них стали составными разделами отдельных книг. В 1990 г. я познакомился с чешкой, Богуславой Брэдбрук (Bohuslava Bradbrook, 1922–2019), живущей в эмиграции в Англии, она тогда стала работать над книгой о Чапеке, так как ее обеспокоило то, что самый популярный европейский писатель в США и в англосаксонском мире вообще теперь никому не известен и все к нему совершенно равнодушны. Английский богемист Джеймс Нотон (James Naughton, скончался 2014), с которым мы с Богуславой Брэдбрук, моей женой и младшим сыном встретились в Оксфорде, где Нотон преподавал чешский, в разговоре с нами подчеркивал именно значение новых переводов на

английский. Книга была издана в 1998 г., несколько лет спустя и благодаря редактору Дане Покорной в Праге в чешском переводе.¹ Она была, как она сама ожидала, раскритикована (это очень личная история) известным английским богемистом Робертом Пинсентом (Robert Pynsent, рожд. 1943), который, как он всегда пишет, знает только одного Чапека чешской литературы, а именно чешского натуралиста Карела Матея Чапека-Хода, так как Карел Чапек лишь журналист и публицист — книга, по его мнению, методологически слишком старомодна.

В сравнительно далеком прошлом я занимался Чапеком лишь немного² в рамках литературной критики, в конце 80-х гг. 20 века я опубликовал статью и прочитал в Брно доклад на эту тему о Кареле Чапеке в присутствии известного словацкого компаративиста Диониза Дюришина, членом исследовательского коллектива я тогда числился, и написал статью о Чапеке на фоне тендряковской повести *Шестьдесят свечей* (1980, чешский перевод 1985), в которой он цитирует рассказ Чапека *Убийственна атака / Покушение на убийство из Рассказов из одного кармана*.

Карел Чапек шокирующим образом предвидел, предвосхищал разные угрозы: кроме врожденного человеческого эгоизма, антигуманизма, геноцида, корыстолюбия — это и тенденция к собственному самоубийству, самоуничтожению, утрата инстинкта самосохранения, что проявляется еще в его ранних пьесах, напр. *Из жизни насекомых*.

Литература угроз и катастроф является и у К. Чапека результатом ужасного кризиса и разрухи под влиянием войны или лицом к лицу с безмерным эгоизмом и антагонистическими отношениями между поколениями. От идеалов и иллюзий шиллеровской драмы *Разбойник* или *Адам-творец/сотворитель* дорога ведет Чапека к таким дистопическим прозаическим структурам, как, например, *РУР*, *Фабрика Абсолюта* или *Кракатит*.

В творчестве Карела Чапека есть и несколько полузабытых артефактов, которые, может быть, еще более интенсивно подчеркивают упомянутую красную нить угроз и катастроф, например, *Скандальная афера Йозефа Голоушека* (*Skandální aféra Josefa Holouška*, 1927). Сюжеты зачастую связаны с технологическим прогрессом и его темными аспектами и теневыми сторонами. *Фабрика Абсолюта* (*Továrna na absolutno*, 1922), *Кракатит* (*Krakatit*, 1922), драма *Средство Макропулоса* (*Věc Makropulos*, 1922), проблематика оружия массового уничтожения и несправедливого общественного строя в *Фабрике*

1 См. [BRADBROOK 1998], [BRADBROOKOVÁ 2005].

2 [POSPÍŠIL 1990, 257–265]. В новой версии приводится и в нашей книге [POSPÍŠIL 1998], [POSPÍŠIL 1999a, 225–233], [POSPÍŠIL 1999b, 99–100], [POSPÍŠIL 2008, 109–118], [POSPÍŠIL 2010, 131–142].

Абсолюта (*Továrna na absolutno*, 1922), когда речь идет об угрозе его внутреннего изменения, его тотального преобразования или, как сейчас говорится, рестарта. Проблематика бессмертия, ее философские и экзистенциальные последствия в *Средстве Макроплулос* связаны с вопросами, которые тогда были совсем новыми, но сейчас они являются нашим хлебом насущным, как и биологические средства массового уничтожения в *Белой болезни*, шокирующим образом предвосхищающей современные события. Актуально предостережение, что человек не сможет преодолеть свой эгоизм, корыстолюбие, любовь к власти и господству над людьми даже вопреки тому, что ему угрожает тотальное истребление.

Кажется, что вершиной этой темы в его творчестве является роман *Война с саламандрами* (*Válka s mlouky*, 1936), ужасающая картина истребления человечества, которое само виновато в этой катастрофе. С морфологической точки зрения это, в основном, модернистская структура, своего рода коллаж, пародия на все и травестия всего, сатира и сарказм на незрелость человечества и его самоубийственную сущность, на преступный общественный строй, на продажность журналистов; интересно то, что и конец человечества связан с Чехией, Богемией, с появлением головы саламандра в Влтаве. Начало, таким образом, связано с концовкой, подобно как в древних мифах змей пожирает свой собственный хвост. Чапек, как в эпилогах и незавершенных концовках романов Достоевского, вынужден сделать что-то в этом роде. Что будет с человечеством?

Из-за суггестивности и поразительной точности и злободневности я привожу здесь фрагмент сравнительно объемной выдержки из эпилога с названием *Автор беседует сам с собой* (русский перевод А. Гурович), которую я впервые привел как рекомендацию (немного — по образцу Карела Чапека — провокативно, так как выдержка, несомненно, не способствует спокойствию) рождественского чтения читателям русского журнала *Парус*: «— Не спрашивай, чего я хочу. Думаешь, по моей воле рушатся континенты, думаешь, я хотел такого конца? Это простая логика событий; могу ли я в нее вмешиваться? Я делал, что мог; своевременно предупреждал людей; ведь Икс — это отчасти был я. Я зывал: не давайте саламандрам оружия и взрывчатых веществ, прекратите отвратительные сделки с саламандрами и так далее — ты знаешь, что получилось... Все приводили тысячи безусловно правильных экономических и политических доводов, доказывая, что иначе поступить нельзя. Я не политик и не экономист; я не мог их переубедить. Что делать, по-видимому, мир должен погибнуть; но по крайней мере это произойдет на основании общепризнанных экономических и политических соображений; по крайней мере это совершится с благословения науки, техники и общественного мнения, причем будет пущена

в ход вся человеческая изобретательность! Никакой космической катастрофы — только интересы государственные и хозяйственные, соображения престижа и прочее... Против этого ничего не поделаешь.» [Kruglyj...].

Text příspěvku za nepřítomnosti autora přečteného na „kulatém stole“ v Moskvě věnovaném stému výročí narození Sergeje Nikolského, bohemisty, který se v 50. letech 20. století zasloužil o znovuvydávání díla Karla Čapka v tehdejší Československu.

Библиография:

- BRADBROOK, B. (1998): *Karel Čapek. In Pursuit of Truth, Tolerance, and Trust*. Brighton.
- BRADBROOKOVÁ, B. (2005): *Karel Čapek. Hledání pravdy, poctivosti a pokory*. Praha.
- Kruglyj stol «Roždestvenskije čtenija». Čto čitat' zimoj?* Parus, 2015. <<http://parus.ruspole.info/node/6870>>. [online]. [cit. 26.04.2022].
- NIKOLSKIJ, S. V. (1997): *Istorija obraza Švejka. Novoje o Jaroslave Gaške i jeho geroje*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1952): *Karel Čapek*. Praha.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1967): *Karel Čapek — fantast i satirik. Fabrika Absoljuta. Belaja bolezň*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (2009): *Nad stranicami antiutopij K. Čapeka i M. Bulgakova. Poëtika skrytych motivov*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1968): *Roman Karela Čapeka Vojna s salamandrami: struktura i žanr*. Moskva.
- NIKOLSKIJ, S. V. (1966): *Fantastičeskije proizvedenija Karela Čapeka*. In: ČAPEK, K.: R.U.R. Sredstvo Makropulosa. Vojna s salamandrami. Fantastičeskije rassказы. Moskva, s. 5–23.
- POSPÍŠIL, I. (2002): *Zasvěcené knihy nestárnoucího bohemisty (Sergej Nikolskij)*. KAM-příloha, 2002, č. 9, s. VIII–IX.
- POSPÍŠIL, I. (2012): *Poëtika zašifrovanných motivov i paralel'nych semantičeských polej*. Novaja Rusistika, 2012, 1, s. 55–67.
- POSPÍŠIL, I. (1990): *Jedna česko-ruská literární spirála (Dostojevskij — Čapek — Těndrjakov)*. Čs. rusistika, 1990, 5, s. 257–265.
- POSPÍŠIL, I. (1998): *Genologie a proměny literatury*. Brno.
- POSPÍŠIL, I. (1999a): *Dva poljusa bytija: anglo-amerikanskij ěmpirizm-pragmatizm i «rususkaja tema» u Karela Čapeka*. In: KOWALCZYK, W. (red.): *Związki między literaturami narodów słowiańskich w XIX i XX wieku*. Lublin, s. 225–233.
- POSPÍŠIL, I. (1999b): *Potíže s Karlem Čapkem*. In: DOROVSKÝ, I. (ed.): *Studie z literár-něvědné slavistiky*. Brno, s. 94–100.

POSPÍŠIL, I. (2008): *Karel Čapek — przypadek prawie zapomnianego mistrza człowieczeństwa i tolerancji*. In: GAZDA, G., HÜBNER, I., PŁUCIENNIK, J. (red.): *Dyskursy i przestrzenie (nie)TOLERANCJI*. Łódź, s. 109–118.

POSPÍŠIL, I. (2010): *Singularity and the Czech Interwar Essay among the Currents: František Xaver Šalda, Karel Čapek, and Jaroslav Durych*. *Primerjalna književnost* 33, 2010, št. 1, s. 131–142.

Summary

The Problem of Foreign (Russian) Philology/Czech Studies and Sergey Nikolsky

The author of the present treatise deals with the role of foreign and domestic philology in the reception of literature in relation to the inventive role of Sergey Nikolsky, a Russian specialist in Czech literature, prevalently in the work of Karel Čapek and Jaroslav Hašek. The author accentuates the importance of his choice of the Czech authors he occupied himself with in accordance with their leading position in world literature and demonstrates Karel Čapek as a visionary or, as he calls him, “an analyst of threats and disasters” Čapek confirms by nearly all his prose and dramatic works probably except some of his detective stories or a novel trilogy, though even they represent threats and catastrophes, but rather hidden ones. In the end, the author of the present treatise quotes a short passage from the explicit of Čapek’s novel *War with the Newts* (1935–36).

About the author

Ivo Pospíšil, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, ivo.pospisil@phil.muni.cz

<https://doi.org/10.5817/NR2022-1-6>

Рецензия на словарь М. С. Добровой «Так говорят в русском Интернете»

ДОБРОВА, М. С.: *Так говорят в русском Интернете*. Оломоуц: Изд-во Оломоуцкого университета, 2020. 480 с. ISBN 978-80-244-5820-5.

Премия ректора Университета им. Палацкого за лучшее издание 2020 г. получила книга преподавателя кафедры славистики М. С. Добровой, к. ф. н. Словарь «Так говорят в русском Интернете» (2020) такой высокой оценки вполне заслуживает, так как отражает новейший словарный запас русского языка, зафиксированный в сети Интернет. В словаре приводится «более 3500 слов и выражений, представляющих собой как собственно русский интернет-сленг (*аффтар жжот, превед, в башор!*) и наименования типичных интернет-явлений (*бан, блог, твитить, твичер, стрим, разбанить*), так и слова и устойчивые обороты субкультурных образований, чья коммуникация протекает в Интернете: геймеров (*афкашить, гамать, дотер*), компьютерщиков и программистов (*топтать батоны, варез*), а также википедистов, „мамочек“ и мн. др.» [DOBROVA 2020, 7]. Включены в Словарь и распространенные компьютерные термины и квазитермины, которые не всегда возникли непосредственно в Сети, но были в ней актуализованы (*программное обеспечение, маршрутизация, видеокарта*).

Автор справедливо отмечает, что цель создать словарь «языка Интернета» — это почти невыполнимая задача: настолько неуловим и текуч сам материал живой речи пользователей Интернета. При отборе материала М. С. Доброва должна была прежде всего решить вопрос: какие слова и выражения можно отнести к «сетевым» языковым единицам? По мнению автора, понимание «сетевой» лексики и фразеологии как единиц, возникших и функционирующих только в Сети, не совсем корректно, ведь «слова и фразеологизмы, возникшие в Сети (*аффтар жжот; что головного мозга* и мн. др.), часто выходят и за ее пределы, демонстрируя широкую востребованность и другими дискурсивными пространствами (например, и несетевыми средствами массовой информации, разговорной речью), но в то же время существует и обратный процесс, при котором слова и обороты несетевого происхождения получают актуализацию именно в Сети (*духовные скрепы, упоротый лис* и мн. др.)» [DOBROVA 2020, 7].

М. С. Доброва проделала огромную работу по извлечению новых слов и выражений из открытых источников Интернета, по оценке их частотности (у каждой единицы приводится минимум три контекста, которые должны продемонстрировать аутентичность ее употребления). Здесь необходимо

вспомнить, что М. С. Доброва обладает немалым опытом лексикографической обработки лексических и фразеологических неологизмов: в 2018 г. она издала получивший прекрасные отзывы «Словарь русских неологизмов» (совм. с Л. Степановой [DOBROVA, STEPANOVA 2018]). Ею также издана научная монография «Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект» [DOBROVA 2019], которая была удостоена нескольких похвальных рецензий. Мы уверены, что и ее новый словарь найдет своих благодарных читателей.

Преимуществом Словаря является приведение ударений (это особенно важно для иностранных пользователей). Грамматические и стилистические пометы не приводятся, что вполне оправданно, так как часть вошедшей в Словарь лексики и фразеологии находится лишь в фазе становления и представлена многими вариантами, лишь жизнь покажет, какие из них станут основными, а какие будут преданы забвению. В контекстах (закономерно) сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Словарные единицы располагаются в Словаре в алфавитном порядке под заголовочным словом и сопровождаются толкованием. Парадигматические варианты в словарной статье приводятся в круглых скобках, а синтагматические варианты — в квадратных, напр.: *Ф Бобруйск [, животное (животнае)]!* Затем следуют примеры из Интернета, демонстрирующее функционирование слова или выражения в контексте, с приведением источника. Омонимы отмечены цифрой в верхнем регистре. Например:

КИЛО

кило¹. *Тысяча (обычно в компьютерных играх).*

- Ежедневно от 5 до 10 шмоток висит на аук. р. 6–7 ранга по ценам до 400 кило. <<https://forum.gamexp.ru>>.
- Под бафами Имел под 10Кило ХП, Стан проходил в 90 % и пика была ненужна. <<https://forum.gamexp.ru>>.
- Каким видом урона он снимает 2 кило ХП при ударе косой? <<http://grimdawn.ru>>.

кило². *Килобайт.*

- В хорошей партии его полный аналог по железу но на 4 кило Flash стоит меньше 20 руб. <<https://vk.com>>.
- Ну не так чтобы богато. 4 кило памяти есть, 256 кб под прошивку (я не видел ещё результатов компиляции, не могу сказать насколько это много или мало для этого функционала). <<https://boud.livejournal.com>>.

- Что-то страшно американское. У меня до сих пор мамка как раритет хранится: 640 кило памяти (впаянной) и проц 8088. Было 10 МБ винча, ЕГА-шный моник... <<https://sheva-vet.livejournal.com>>.

Важно, что автор включает в словарь также новые значения существовавших прежде в русском языке слов и выражений, закономерно приводя лишь новые значения и те значения, которые связаны с сетевой и компьютерной сферами. Так, известно общелитературное значение *баня* «постройка или помещение, где моются и парятся», в словаре мы найдем семантический неологизм:

БА́НЯ

ба́ня. *Бан; запрет, применяемый на интернет-сайтах и заключающийся в блокировке аккаунта пользователя или ограничении его прав на отправку сообщений на некоторый срок.*

- Поэтому если вы заходите в мой ЖЖ чтобы хамить, гадить, писать непотребности, то почти гарантировано отправитесь в «баню». <<http://gusev-a-v.livejournal.com>>.
- А я после этого смогу писать в чат? Бить? Юзать все? Нет, только в баню попадешь если спалят что ты на свободе. <<https://zhyk.ru>>.
- Но давайте без оскорблений и захлебовани в восторгах по поводу разных теорий.) Я еще знаю такую теорию, как «управление стадом». И знаю как рулят. Если тут призывы начнутся «айда в окопы» — презывальщик отправится в баню мыться. Это всем предупреждение. <<http://nemoold.livejournal.com>>.

Фразеологические единицы и другие типы устойчивых словосочетаний в соответствии с традицией Петербургской и Оломоуцкой фразеологических школ помещаются под первым существительным, за неимением существительного — под первым прилагательным, наречием и т. д. Таким образом, фразеологизм *сам себе злбный буратино* кто будет приведен на существительное БУРАТИНО, а *сбрасывать / сбросить на мыло* — на существительное МЫЛО:

БУРАТИ́НО

сам себе злбный буратино кто. *О том, кто сам виноват в собственных проблемах.*

- Ещё один аспект вопроса счастья — это «человек — сам себе худший враг» (или злобный Буратино — смотря каким источником пользоваться). <<http://nastyushca.livejournal.com>>.
- Нет, блин, слушают каких-то идиотов, которые сами в этом ничего не соображают. Что ж, каждый сам себе — злобный буратино. <<http://nach-dvor.livejournal.com>>.

- Дали задачу и делай, сразу не спросил все или хотя бы что-то — сам дурак и сам себе злобный буратино, жди новое окно возможности. И хорошо, если это будет не момент, когда к тебе пришли спрашивать результат и поздно уже шевелиться, в общем-то. <<http://ptichkavelichka.livejournal.com>>.

МЫЛО

Сбрасывать / сбросить на мыло. *Отправить, послать по электронной почте.*

- Я тоже лет 6–7 сюда не заходила, а недавно С310 сбросил на мыло сообщение, что ребята хоккуют понемножку. <www.reshetoria.ru>.
- Информацию сбросил на мыло. Звоните. <www.ruslom.ru>.
- Даже не знаю: спасибо ему за это или не травил бы душу раньше времени, но менеджер сбросил на мыло фото авто на автовозе (вот это сервис!). <www.drive2.ru>.

С помощью системы отсылок автор успешно справилась также с лексикографическим описанием большого количества эрративной лексики и фразеологии, например, *превед, аццкий (аццкая) сотона, ржунимагу (ржу ни магу)* и мн. др., которая еще не имеет параметров фиксации в словарях. Напр.:

СОТОНА

сотона́. *Искаженное от «сатана» (шутливо).*

- До Сотоны вы ещё не доросли, но, в принципе, и не стремитесь. <<https://eniki-beniki.livejournal.com>>.
- Появилось у нас чудище огородное, пепельное, вислоухое, в нем сидит сам сотона. <<https://kotofoto.livejournal.com>>.
- Не иначе Сотона мешает в Екатеринбурге построить новый Храм. <<https://zabriski.livejournal.com>>.

а́ццкий (а́ццкая) сотона́. *Искаженное от «адский сатана» (шутливо); используется одобрительно для положительной оценки чего-либо, вызывающего восхищение.*

- От этого зрелища у меня невольно вырывается возглас «Аццкий сотона, ну и местечко!» <<https://akisun.livejournal.com>>.
- Если Аццкий Сотона дьявольски умён, то вы дьявольски красивы. <<https://rezoner.livejournal.com>>.
- Выражаясь на популярном молодежном сленге, «аццкий сотона» мерещится на каждом углу. <<https://newizv.ru>>.

Самостоятельную ценность представляет собой небольшой раздел со списком популярных сокращений в латинице, часто встречающихся в русскоязычном

Интернете и касающихся веб-коммуникации в целом: AFK, BBS, DND, HTML и т. д., ср.:

AI

AI. Сокращение, означающее «искусственный интеллект» (от «*artificial intelligence*»).

- AI боты Facebook создали свой язык для общения. <<https://pikabu.ru>>.
- Тренер команды Team Empire Егор «JotM» Сурков показал, как нужно обыгрывать бота Open AI в матчах один на один. <<https://gamebet.news>>.
- В некоторых конструкторах ботов присутствуют такие удобные и нужные инструменты как: NLP (Natural language processing – распознавание запросов на естественном языке) и AI (Artificial Intelligence – искусственный интеллект). <<https://spark.ru>>.

Новый словарь М. С. Добровой «Так говорят в русском Интернете» дает читателям богатейший материал современной русской (чаще всего нелитературной) речи, которая, однако, известна всем современным пользователям русского Интернета, который может быть использован как для изучения языка, так и для написания научных работ, направленных на изучение самых разных сторон современного русского языка. За Словарем стоит поистине гигантская кропотливая работа автора, стремящегося показать чешским читателям живые процессы в современном языке.

Людмила Степанова

Библиография:

- DOBROVA, M. S. (2019): *Russkije frazeologizmy v internet-diskurse: funkcional'nyj aspekt*. Olomouc.
- DOBROVA, M. S. (2020): *Tak govornjat v russkom Internete*. Olomouc.
- DOBROVA, M. S., STEPANOVA, L. (2018): *Slovar' russkich neologizmov*. Olomouc.

<https://doi.org/10.5817/NR2022-1-7>

Ruské 18. století jako klíč a jeho přesahy

VLČEK, R.: *Impérium – stát – společnost. Proměny Ruska v 18. století*. Praha: Historický ústav AV ČR, 2021. 700 s. ISBN 978-80-7286-368-6.

Téma Ruska nabývá zvláště dnes znovu na důležitosti a nejde jen o aktuální, často brizantní situace, ale také o skutečně hlubinné poznání a pochopení ruského fenoménu. To je jistě významné právě pro strategické rozhodování, která by měla mít trvalejší platnost.

Ruská federace vzpomínala v uplynulých letech, a to různě, u příležitosti výročí, na události, které jsou součástí jejich dějin nebo dějin jiných, širších celků, jejichž bylo Rusko jádrem. Roku 2017 to bylo sté výročí dvou ruských revolucí roku 1917, zejména však té Říjnové/bolševické z 25. října (podle gregoriánského kalendáře to tehdy bylo 7. listopadu); i když po roce 1991 mnozí Rusové říkali a psali, že skutečnou revolucí byla únorová/březnová, zatímco říjnová byla pouhým pučem (je to srozumitelné v tom smyslu, že únorová revoluce byla republikánská a nevedla k diktatuře, ačkoli měla i podobné peripetie, ale k jisté formě demokracie a politické plurality), je zřejmé, že počátek sice pučem nebo palácovým převratem byl, ale rozvinul se v obrovský proces, který ovlivnil a změnil celý svět, trval více než sedmdesát let a jeho důsledky jsou vidět dodnes, a to často v nečekaných souvislostech, prostředích a institucích, ať už si o ní a o nich myslíme cokoli a hodnotíme ji/je jakkoli. Dnes již jen staré a ještě starší generace, pokud se v tomto světě dožily, pamatují na oslavy této revoluce v celém sovětském bloku, u nás např. na lampionové průvody školáků. Mladá generace narozená již v jiném režimu o tomto datu neví zhora nic, bolševiky klade do 16. století a plete si je s opričníky a ani vzdělanější netuší, že to bylo radikální křídlo Sociálnědemokratické strany Ruska a že VI. sjezd této strany, kde byli přítomni víceméně jen členové bolševické, nikoli menševické frakce, mimo jiné Zinovjev, pozdější šéf Kominterny zlikvidovaný v roce 1936 Stalinem, nebo Ordžonikidze, donucený v roce 1937 k sebevraždě, se konal roku 1912 v Praze a že ho spoluorganizovali čeští sociální demokraté Jáchym Havlena (1871–1958) a František Modráček (1871–1960), později známý sociolog a politolog, socialistický teoretik, autor řady podnětných knih, jehož pravnučkou je svého času známá česká sociálnědemokratická politička Petra Buzková (nar. 1965). Modráček fungoval ve vrcholné politice do roku 1938, po válce napsal brožuru *Družstevnictví a socialismus* [MODRÁČEK 1947] a jako spoluautor s Havlenou – po rozhovorech s novináři z Rudého práva – vzpomínky na organizaci a průběh tzv. Všeruské socialistické konference a na Lenina [MODRÁČEK, HAVLENA 1946]. Nikdo – kromě historiků, a to spíše jen těch, kteří se tím zabývají – neví, co to byly sověty, kde se ten název vůbec vzal

apod. Samozřejmě čím jdeme dále do minulosti, tím je to se znalostmi o Rusku horší. Chybí nejen faktografie, kterou lze nyní lehce dohledat, když víme, co hledáme, ale hlavně vědomí souvislostí. Což jsme se snažili výše uváděnými fakty doložit. To další jubileum je spojeno s oficiálním vyhlášením Ruského impéria (Rossijskaja Imperija) 2. listopadu 1721, dvanáct let po bitvě u Poltavy (1709), v níž Rusko porazilo vítěze třicetileté války Švédsko a vyřadilo ho ze seznamu evropských velmocí. V roce 2022 to je ovšem sté výročí vzniku SSSR, vlastně dalšího impéria, jehož dominantní součástí Rusko bylo.

Klíčem k současné podobě Ruska, ale také k peripetiím jeho vývoje v 19.–21. století, a tedy i k pochopení této země, její politiky, tradic, představ, proměn ideologie apod. je 18. století. Český historik, který se Ruskem soustavně zabývá, doc. Radomír Vlček (nar. 1957) se Rusku věnoval v řadě publikací, a to jako autor, spoluautor a editor a koeditor, mimo jiné rusistické historiografii (J. Macůrek), postavě Lenina, ruským revolucím a také ruskému 18. století. To je v Rusku dokonce považováno za celou epochu, neboť v něm začala skutečná evropeizace, jako v Rusku vždy, svrchu, tedy od panovníka. Reflektovaná kniha je pro pochopení dnešního Ruska podstatná; řekl bych, že by měla být nejen povinnou četbou odborníků na dějiny obecné a evropské či přímo ruské, východoevropské nebo východoslovanské, ale také kulturologů, literárních vědců, politologů, filozofů a ekonomů, ale vlastně všech humanitně orientovaných studentů a hlavně praktických politiků a novinářů, abychom nemuseli poslouchat a číst tolik nepřesností, neznalostí, krátkých spojení a zjednodušení, a to používám jen eufemismy.

Někdy se 18. století obecně v evropských dějinách pokládá za klíčové: ve střední Evropě a dál na východě pomalu končí baroko (u nás je ještě kolem roku 1730), které však svými podněty ovlivňovalo další vývoj umění, zejména romantismus a jeho modernistické pokračování, probleskuje tu rokoko a nastupuje klasicismus nebo ve variantě osvícenský klasicismus jako poslední velký evropský návrat k antice, takřka souběžně preromantismus zahájený anglickým sentimentalismem a hlavně po nizozemské a anglické revoluci stojíme už v předdveří Velké francouzské revoluce, která změnila Evropu a svými podněty a – sama ovlivněna americkou revolucí – ovlivnila revoluce 19. a 20. století a zasahuje i do dneška (povšimněme si jen nomenklatury: komisař, franc. commissaire, vzniká za Velké francouzské revoluce, později zasahuje Pařížskou komunu roku 1871 a po bolševické revoluci, kdy se nová vláda na návrh Trockého zbavovala „buržoazních“ pojmů ministerstvo nebo ministr, pojmenovala „rada lidových komisařů“). V EU byly, jak známo, zavedeny funkce komisařů. Sám bych viděl počátek velkých proměn na evropské geopolitické scéně už v 17. století: na nejzazším evropském západě v Anglii zuřila válka krále a parlamentu a Karel I. byl nakonec popraven (1649), což musel, často marně, obhajovat sekretář Olivera Cromwella, jinak skvělý básník John Milton, v latinských listech, které rozesílal

na evropské královské dvory – šlo přece o královraždu a v tom se různé evropské země příliš nelišily. Na kontinentě probíhala třicetiletá válka, která devastovala (nikoli náhodou vzniká tehdy slovo „plundrovat“) celou populaci, uvedla do pohybu velké masy lidí a změnila charakter Evropanů: stačí srovnat literaturu 16. a 18. století, abychom právě v 17. století uviděli onen zásadní zlom. A na východě Evropy, v Rusku, které se už od pádu Byzance v 15. století pokládalo za říši, vypukla na konci 16. století všeobecná, původně dynastická krize, občanská válka a boje s polsko-litevskou unií zvané „smuta“ nebo „smutnoje vremja“, tedy „rozbouřená doba“, což skončilo 1613 nástupem nového vládnoucího rodu – po skandinávských Rurikovcích – Romanovců, kteří přišli snad z Pruska už na počátku 14. století, nebo byli domácími bojary z Novgorodu: v roce 1913 Rusko slavilo třísetleté jubileum a car vyhlásil rozsáhlou amnestii; zejména se týkalo politických emigrantů, kteří museli z Ruska odejít po porážce první ruské revoluce 1905–1907.

To, co Radomír Vlček ve své fundamentální knize líčí, je tedy do jisté míry důsledkem procesů, které začaly probíhat již v 17. století, hlavně za vlády druhého Romanova Alexeje Michajloviče: ekonomický vzestup, územní expanze, podpora kultury (dvorské divadlo), církevní reforma. Je však jisté, a v tom má autor pravdu, že bez Petra I. a jeho nástupců, zejména Kateřiny II., by tento ruský vzestup měl mnohem pomalejší a především jiný postup. Myslitel a anglofil Petr Čaadajev, který ve svých Filozofických listech sepsaných ve 30. letech 19. století a v Apologii šilencově ukázal nejen na barbarství ruských dějin a nutnost přiblížit se Evropě, ale také na nezbytí vlastního vývoje, jehož základní veličinou je velikost, našel řadu následovníků, mezi nimiž nejefektivnější a nejkoncentrovanější byl Fjodor Tjutčev ve slavné básni *Ruský zeměpis*, kde rozměry říše vidí mezi Labem, Nilem a Gangou, a to právě v roce 1848, pro Evropu tak osudovém.

Vlčkova kniha se skládá ze sedmi kapitol a závěru. Po první kapitole, kritickém rozboru dosavadní literatury předmětu, se v druhé kapitole autor věnuje právě onomu přechodnému období na cestě od Moskevské Rusi k impériu, třetí kapitola je už o Petrovi I., čtvrtá a pátá analyzují popetrovské Rusko a šestá se věnuje vládě Kateřiny II. Následuje pak období po Kateřině II., zejména poněkud pitoreskní vláda Pavla I. s jeho lavírováním mezi Napoleonem a Británií, jež končí vysláním kozáckých oddílů proti britské Indii, které zastavil až palácový puč s carovraždou, kdy mezi spiklenci byl možná i sám budoucí car, Pavlův syn Alexandr I. (spojení s Dostojevského noční můrou otcovraždy je známé), jenž později vyřadil z pretendentů na trůn svou matku Marii Fjodorovnu. To jsme však již na počátku nového 19. století a v očekávání reformy Alexandra I.

To, co znalce Ruska nepřekvapí, je klíčová pozice slov „stát“ a „impérium“. Důležitost státu a říše, stejně jako geopolitická rozpínavost říše, na které bychom si v novověku vzpomněli – a že takové říše jsou – se zračí i v nejoblíbenějších, esteticky hodnotných

dějninách N. M. Karamzina, který je nazval *Dějiny ruského státu*, tedy nikoli národa, jak zní název klasické práce o české historii z pera Moravana Františka Palackého, z jejichž titulu nám často záměrně zmizela druhá část (*Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*). Rozpor mezi zbožněním státu, pevné represivní organizace, v to době autokracie, v Evropě tehdy už dosti raritní, a následnými výbuchy vzpour a revolucí, anarchismu a terorismu, je ovšem jen zdánlivý.

Očekával bych v této knize možná podrobnější rozvahu o Petrově tabulce hodnostních tříd, což byl, podle mého soudu, zásadní krok, snad i zevrubnější analýzu západních vlivů na Rusko ve smyslu administrativy, armády, loďstva, ale také podpory umění a studia v zahraničí, jimž se ovšem Vlček věnuje i zde a věnoval se i dříve v samostatných pracích, např. o N. M. Karamzinovi. Kniha má všechny náležitosti klíčové vědecké práce, ale současně dokládá autorovo umění vyprávět, je tedy do jisté míry přístupná širšímu okruhu čtenářů. Navazuje na tradici české a slovenské rusistické a sovětské historiografie, kterou vytvářeli mimo jiné Pavel Josef Šafařík/Šafárik, Václav Hanka, T. G. Masaryk, Jan Slavík, Zdeněk Sládek, Emil Voráček (nedávno vydal s kolektivem knihu o československo-sovětských vztazích [VORÁČEK 2021]), Milan Švankmajer, Václav Veber aj. Bohužel nemáme v současné době důkladné akademické dějiny Ruska, ale i z toho, co existuje, nutno od sebe oddělovat vědecké přístupy od spíše novinářských a popisných. Vlčkova kniha nepokrývá samozřejmě celé dějiny Ruska, ale vybírá z nich klíčové období, kdy se Rusko staré, sakrální, středověké (středověk v Rusku trval v řadě ohledů skutečně až do 18. století) mění v Rusko moderní, i když si zachovává, a to dodnes, jisté specifické rysy. Masaryk v úvodu k své německy psané práci *Russland und Europa* vypráví o ruském mnichovi, který uzavřen v kyjevsko-pečerském klášteře/lavře se jeho jako cizince vyptával na hlavní ruská města; jak je to tam „v miru“, tedy ve světském životě: byl zvědavý, jaký je ten svět za klášterními zdmi: to je myslím, neboť jde už o počátek 20. století nebo o konec předcházejícího věku, pro Rusko přímo symbolické.

Zdálo by se, že Vlčkova kniha je uzavřena oním 18. stoletím, ale není tomu tak. Již první kapitola rýsuje most od středověké Rusi k Rusku modernímu, ale také závěr ukazuje na další vývoj, k němuž dalo podnět právě 18. století. Zde sehrály nezastupitelnou roli takové osobnosti jako Petr Čaadajev, Vissarion Bělinskij, Alexandr Gercen/Herzen, bratři Aksakovové a Kirejevští, západníci, slavjanofilové, revoluční demokraté čili ruští radikální pozitivisté, počvenici (bratři Dostojevští), narodníci, marxisté, euroasiaté a další. Právě v tomto století se rodí jedna z mnoha ruských dualit, kterou Nikolaj Danilevskij, Vladimir Solovjov a také Tomáš Masaryk označili slovy „Rusko a Evropa“, dilema, které každý ze zmíněných směrů řeší jinak, včetně euroasiatů žijících v meziválečném Československu, ale později i v SSSR a postsovětském prostoru. Bylo by možné knihu problémově a časově rozevírat ještě do větší šíře, například ve směru historické komparatistiky, tedy srovnávat dějiny východní, střední, jižní

a západní Evropy, ale to by bylo už příliš rozbíhavé. Doufejme jen, že kniha tak nasycená fakty, ale také výklady a interpretacemi, nebude pochopena jen jako akademický pohled na minulost, ale že se stane četbou těch v české i slovenské komunitě, které rozhodují o charakteru mezinárodních vztahů v současnosti.

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

MODRÁČEK, F. (1947): *Družstevnictví a socialismus*. Praha.

MODRÁČEK, F., HAVLENA, J. (1946): *Lenin v Praze*. Praha.

VORÁČEK, E. a kol. (2021): *V zájmu velmocí – Československo a Sovětský svaz 1918–1948*. Praha.

<https://doi.org/10.5817/NR2022-1-8>

Fundamentální práce o klíčovém literárním vědci 20. století: badatelské rozpětí Dmytra Čyževs'kého

MNICH, R.: „Рецептивная эстетика“ Дмитрия Чижевского. Siedlce: Instytut kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego we współpracy z Deutsche Comenius-Gesellschaft, 2021. 588 s. ISBN 978-8364884-70-2.

Když jsem kdysi učil na tehdejší Letní škole slovanských studií (1976) a vykonával zde současně pod vedením druhého ředitele školy (LŠSS) polonisty a bulharisty doc. Jiřího Krystýnka blahé paměti (prvním ředitelem byl prof. Josef Hrabák) funkci tajemníka, setkal jsem se se studenty z SRN (byli to mimochodem Chorvati, patrně z místních jugoslávských gastarbeiterů), jejichž univerzitním profesorem byl právě Dmitrij/Dmytro Čyževskij/Čyževs'kyj (dále ho budu psát spíše nedokonale, tj. bez měkkého znaku, ukrajinsky Čyževskyj, ale, jak patrně vzhledem k jeho původu a působení, jsou také jiné možnosti). To, co jim utkvělo v hlavě, když jsem se na něho ptal, neboť jsem některé jeho dostupné práce už znal, zejména ty, které zůstaly z minulosti v našich knihovnách nebo přišly jako nově publikované z Německa, zejména jeho německy psané dějiny ruské literatury 19. století rozdělené na můj vkus dost schematicky na dva díly – Romantismus (Die Romantik) a Der Realismus¹ – bylo jeho podivínství. Za zhruba tři čtvrtě roku po této rozmluvě s jeho žáky tento

1 [TSCHIŻEWSKIJ 1964; TSCHIŻEWSKIJ 1967].

všestranný vědec zemřel právě v Heidelbergu, svém posledním působišti. Tuto nebo podobnou charakteristiku vycházející z pamětnických výroků najdeme i v této skvělé, brilantní, naprosto zásadní práci varšavského badatele Romana Mnicha, muže, který se svým vědeckým rozpětím, pevným metodologickým ukotvením a hlubinným ponorem Čyževskému pomalu, ale jistě blíží. Mnoho let poté, na konci 90. let minulého století jsem jel s prof. Reinhardem Iblerem z Magdeburgu (v staré češtině Děvín), hlavního města Saska-Anhaltska, kde tehdy na univerzitě nově vytvořené z bývalé pedagogické fakulty, jak bylo tehdy všude zvykem, působil, do Halle (Saale), dříve Halle an der Saale, za prof. Angelou Richter(ovou) na Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, kde se nacházela knihovna Dmytra Čyževského, tehdy – eufemisticky řečeno – poněkud neuspořádaná; to vše je nyní ovšem jinak, vše je s německou důkladností uspořádáno a lze v soukromé knihovně D. Č. hledat a snad i nacházet. V roce 2003 vyšla v redakci Angely Richterové kniha *Dimitrij I. Tschizewskij und seine hallesche Privatbibliothek* v řadě *Slavica Varia Halensia* (Bibliographische Materialien, eingeführt von André Augustin, bearbeitet von A. Augustin und A. Richter). Co všechno musel Roman Mnich prozkoumat a jak o tom se zaujetím a současně s exaktní elegancí píše, si dokážeme jen stěží představit. Ukrajinci Čyževského objevují teprve nyní, resp. před pár lety: narodil se koneckonců na území dnešní Ukrajiny, dříve sovětské, předtím v Ruské říši a působil v Kyjevě, kde se zabýval – alespoň podle publikační činnosti soudě – levicovou politickou publicistikou. Vykonal v tom dost práce – kromě jiných – kyjevský profesor Mychajlo Najenko.² Poté jsem se seznámil s Oxanou Blaškiv (její předek byl zjevně Čech), absolventkou Drohobyčské univerzity (později se zaměstnala na nově etablované univerzitě v polských Siedlcích u Varšavy), která mě navštívila za mém tehdejší působišti na Katedře slovanských jazyků později úspěšně zlikvidované Filologické fakulty v Banské Bystrici, a pozval ji do Brna: měla za sebou různé zahraniční stáže, včetně pobytu v USA – vše po stopách Romana Osipoviče Jakobsona, profesora Masarykovy univerzity, kde ovšem nemohla nenarazit také na Čyževského: z toho vytěžila doktorskou disertaci o Jakobsonovi, kterou jsem spoluposuzoval, později publikovanou coby monografie, a srovnávací analýzy Jakobsona a Čyževského (spolu s Romanem Mnichem). Z těchto střípků se pomalu sestavoval můj celistvější obraz tohoto dříve skoro zapomenutého slavisty (dílem i tím, že vlastně „nikam nepatřil“, tedy k žádné skupině, metodologické nebo vlivové či obojí), filozofa a historika filozofie, literárního vědce, teologa a religionisty, lingvisty a kulturologa. Problém je již Čyževského původ: byl, jak některé prameny o tomto rodákovi z Alexandrije (ukraj. Oleksandrija) v Chersonské gubernii (nyní snad Kirovohradská oblast, pokud nebyla přejmenována), kde se roku 1894 narodil

2 Viz Najenkovy vzpomínky a analýzy mezinárodních vztahů jeho kyjevského pracoviště: [NAJENKO 2018]. Viz naše recenze: [POSPÍŠIL 1998; POSPÍŠIL 2003].

(Roman Jakobson byl vlastně jeho vrstevník, ročník 1896, ale osobně se neměli rádi), že byl polsko-ruského původu; jiní upozorňují na jeho ukrajinské pozadí, a tedy se k němu hlásí kromě Rusů i Němci, kde dlouho a na různých místech působil, a Ukrajinci, na jejichž nynějším území se narodil a kde byl v Kyjevě aktivní na přelomu 10. a 20. let 20. století). Psal různými jazyky (rusky, ukrajinsky, německy, anglicky, snad i slovensky), jeho práce vycházely v řadě jazyků. Ani spoluvydavatelství této knihy německou Společností Komenského není náhodné: zejména v Praze se Čyževskij tímto filozofem zabýval a Němci a Poláci se v posledních desetiletích v tomto smyslu chopili hlavní iniciativy.³

Narodil se v rodině dělostřelce, který pocházel z polské šlechtické rodiny, jeho matkou byla ruská šlechtična Marija Dmitrijevna Jeršovová; byl to typický kosmopolita (jeden z jeho výroků se týká relativně malých států a národů, kde někdy žil – konkrétně uvádí, že se z Ruska dostal mimo jiné do Polska, Německa, Československa, Švédska a Holandska – a uvádí, že úzký horizont těchto relativně malých národů a států vede k tomu, že se nemohou plně rozvíjet a že se to dá změnit jen ve větším celku při zachování národního myšlenkového svérázu). Nejsm si v tomto případě jist, zda to chápat jako směřování k evropské integraci nebo jako projev imperiálního myšlení. Jeho působiště byla různá: v Ruské říši to byla tehdejší metropole a Kyjev, poté Polsko, Praha, v Německu Halle a Heidelberg, také Mnichov, Bratislava a americký Harvard.

Úvodní partii této recenze nelze nevěnovat alespoň základní informaci o tomto badateli (jak jsme se snažili již výše), který byl dlouho pomíjen a někde tato situace trvá dodnes.⁴ Po absolvování gymnázia v roce 1911 začal studovat na univerzitě v Sankt-Petěrburgu, ale ze zdravotních důvodů se přesunul do Kyjeva, kde v roce 1919 dokončil studium na historicko-filologické fakultě. Inklinaci k filozofii kultury a literatury v něm patrně probudily přednášky Nikolaje Losského (1870, Kraslava, lotyšsky Krāslava, latgalsky Kruoslova, německy Kreslau, bělorusky Краслаўка, polsky Krasław, rusky Краслава nebo Креславль) u Vitěbska/Vicebska, nyní v Lotyšsku – 1965 Paříž). Za občanské války byl podporovatelem hetmana Skoropadského, po bolševickém převratu v Kyjevě měl být Čyževskij popraven, ale byl jako menševik omilostněn – obecně je v jeho životě řada nerozluštěných záhad... Z Kyjeva, kde na univerzitě posléze přednášel, prchl do Polska. Ve 20. letech už přednáší jako profesor na Ukrajinské svobodné univerzitě v Mnichově, od roku 1932 v Halle (této univerzitě pak odkázal svou privátní knihovnu). V Německu byl silně ovlivněn přednáškami a díly Edmunda Husserla, Karla Jasperse a Martina Heideggera, stýkal se s Hansem-Georgem

3 Viz naši recenzi [POSPÍŠIL 2017a]. Dále viz [POSPÍŠIL 2010a].

4 Viz naše studie: jedna je příspěvkem z mezinárodní pražské konference [POSPÍŠIL 2004], druhá z polského sborníku [POSPÍŠIL 2010b]; dále viz naši recenzi na srovnávací studii Romana Mnicha a Oxany Blashkiv [POSPÍŠIL 2017b], a na dílo Mychaila Najenka: [POSPÍŠIL 2005]. Dále viz monografii Oksany Blaškiv [BLAŠKIV 2010].

Gadamerem (1900–2002), Maxem Vasmerem (1886–1962), Georgijem Florovským (1893–1979) a dalšími. Postupně přednášel v Halle, Jeně, Marburgu, Heidelbergu a stával se vůdčí osobností mezinárodní, zvláště pak německé slavistiky; od r. 1926 se zúčastňoval činnosti Pražského lingvistického kroužku. Nacismus se podepsal na jeho rodinné historii. Jeho originalita se projevila ve všem, co kdy dělal, mimo jiné v jeho zvláštním modelu vývoje umění (tzv. Čyževského kyvadlo – „маятник Чижевского“, koncept předpokládající vývoj umění ve střídajících se dvojicích epoch, např. renesance – baroko, klasicismus – romantismus apod.; kolem toho vznikala řada i polemických studií); od roku 1929 přednášel na Ukrajinském pedagogickém institutu M. P. Drahomanova a také na Ukrajinské svobodné univerzitě v Praze. V USA se neshodl s Romanem Jakobsonem (o tom názorně píšou R. Mnich a O. Blashkiv⁵: ale patrně ani s Reném Wellkem, který popisuje jeho diskuse v rozhovoru s Peterem Demetzem z přelomu 80. a 90. let minulého století⁶ – Čyževskij přednášel ve 40. a 50. letech 20. století na Harvardu). Někdy se kritici pokoušejí vystihnout politické názory Čyževského, ale pro jejich proměnlivost většinou bez úspěchu.

Roman Mnich napsal knihu, která má 588 stran, přičemž jen bibliografické přílohy a rejstříky čítají 191 stranu. Autor „vyhmátl“ jen jeden aspekt Čyževského díla, tedy jeho inklinaci k recepční estetice, jak se projevila ve filozofii H. G. Gadamera a v kostnické škole (Konztanzer Schule). Čyževskij se většinou chápe jako filozofující literární vědec, estetik, ale právě tento aspekt zůstává poněkud stranou. To je první objev R. Mnicha. Další je hned v první kapitole *Дмитрий Чижевский и европейская культура*, kde ukázal jak na jeho již výše zmíněné modelování kulturních epoch (Čyževského kyvadlo), ale také na jeho formování filozofické literární vědy. Jádrem knihy je právě kapitola druhá *Проблема читателя в научном наследии Дмитрия Чижевского*, kde analyzuje psychologii čtenáře a čtení a Čyževského jako čtenáře a interpreta. Třetí část pojednává o poetice a hermeneutice a je s předcházejícími částmi organicky spjata; pak následují závěry, anglické resumé a zmíněné přílohy bibliografické a rejstřík. Nejen samotný výklad a jeho objektivnost, ale také tyto

5 Autoři této brilantní knihy, kteří se nebojí formulovat ostře a přesně, uzavírají své dílo partií „Místo závěru“ (Vместо итогов) a právě tam lze najít tuto pasáž: „В сегодняшнем гуманитарном дискурсе славистика, к сожалению, осталась на периферийных путях. Даже отдельные национальные филологии в своих странах переживают своеобразный кризис, связанный с потерей праксеологического интереса со стороны молодого поколения, не говоря уже о славистике немецкой, французской или американской. Р. Якобсон и Д. Чижевский жили в этом отношении в совершенно другое время – время расцвета славистики и интереса к славянским языкам и литературам, а наша книга в какой-то степени этот интерес отражает.“ [BLASHKIV, MNICH 2016, 205]. Jakobson byl pragmatik, byl komunikativní, znal svůj cíl a vhodně k němu volil prostředky; Čyževskij byl oproti tomu mnohem méně pragmatický, byl naopak nekompromisní badatel, což mu v běžném životě pochopitelně škodilo, zjevně nebyl taktik a stratég, ale o to originálnější vědec. Viz naši recenzi [POSPÍŠIL 2017b].

6 Viz [POSPÍŠIL 2015]. Česky (přel. I. Pospíšil) in: [POSPÍŠIL, ZELENKA 1996], [DEMETZ 1990].

materiálové náležitosti činí z díla jedinečnou encyklopedii díla Dmytra Čyževského, i když mnoho témat zůstává ještě otevřeno, ale Mnichova kniha v jistém smyslu je vyčerpávající studnicí znalostí, koncepcí a interpretací díla tohoto filozofujícího literárního vědce, jenž ovšem byl i reprezentantem dalších odborností.

Mnich ukazuje Čyževského jako zcela výjimečnou osobnost světové vědy a kultury 20. století s přesahy k nám, jako člověka, jehož život a dílo jsou plny záhad, jehož dílo je někdy téměř nedostupné a jeho zkoumání představuje nezměrnou práci archivní a textologickou, nemluvě o nezbytné šíři znalostí, neboť patrně není všestrannějšího literárního vědce. Možná by se s tím mohlo a mělo polemizovat, že totiž ani jiní nebyli méně všestranní: sám jeho soupeř Roman Jakobson byl přece lingvistou/fonologem, ale také historikem, textologem, politologem, teoretikem verše, znalcem a teoretikem dětské řeči, medievistou, rusistou, bohemistou, germanistou apod. Jiní v tom byli možná méně rozsáhlí, ale když vezmeme např. Reného Wellka a jeho tvorbu od pražských, harvardských a londýnských počátků až k Harvardu 40.–90. let 20. století, kdy v roce 1995 badatel umírá, není toho také nijak málo, jak jsme dokázali s prof. Milošem Zelenkou v knize *René Wellek a meziválečné Československo* (Brno 1996). Nicméně v něčem je Čyževskij nepřekonatelný, a to zejména v hlubině myšlení a v originalitě koncepcí, někdy opravdu až podivínských. Ostatně, jak mi říkal po mnoho let jeden český výtvarník, jistá pošetilost, jak tomu říkal, je vlastností každého tvůrčího člověka. Čyževského dílo, které Mnich důkladně analyzuje, je velmi rozsáhlé a nemělo by smyslu jednotlivé položky vypočítávat, neboť tam najde svá blízká témata ukrajinista, rusista, ale také slovakista, nemluvě o výše uvedených oborech pokrývajících vlastně v podstatě většinu humanitních a sociálních věd (kniha o filozofii L. Štúra: na Slovensku se objevila jediná recenze, a to ve 40. letech minulého století, kdy kniha vyšla, a když jsem ji v souvislosti s nedávným Štúrovým výročím na Slovensku připomínal, nereagoval nikdo).⁷ Jako pro Rusa, Poláka a potažmo Ukrajince

7 Jen jako ilustraci uvádíme několik snad nejvýznamnějších děl D. Čyževského v němčině: *Hegel in Rußland* (Halle 1934), *Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Kiever Epoche* (Frankfurt am Main 1948), *Hegel bei den Slaven* (Reichenberg 1934, 2. vydání Bad Homburg 1961), *Europa und Rußland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses* (Darmstadt 1959), *Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen* (Berlin 1968, in zwei Bänden). Ale těch děl o různém rozsahu je velké množství a jsou tematicky vskutku šokující: první je z roku 1912, vyšla tam, kde Č. studoval, tedy v Sankt-Petěrburgu, a týká se proměnných hvězd; Čyževskij začínal vlastně jako astronom, který tuto vědu spojoval s fyzikou, psychologii, principem relativity, psal o Jupiteru. Po příchodu do Kyjeva se začal zabývat politikou, psal politologické recenze z levicových pozic sociálnědemokratických (sám tehdy byl, jak už uvedeno, menševik). Stejně jako Masaryk napsal pojednání o logice. Jinak řečeno: Roman Mnich s neobyčejnou pilí a vynalézavostí shromáždil (takřka) kompletní bibliografii za krajně nepříznivých okolností, když uvážíme slabou dostupnost některých edic. Každá nová „štace“ byla u Čyževského spojena s jiným tématem a jinými problémy od filozofie k estetice a dějinám literatury, ke komparatistice a modelu vývoje kulturních a uměleckých epoch apod. Tu nesmíme zapomínat ani na jiné

spojeného nějakou dobu s Kyjevem je zajímavé tihnutí k systémové filozofii (Hegel, fenomenologové a hermeneutikové), protože slovanský východ zasažený náboženskou filozofií příliš systémům německého ražení nevěřil (Dostojevského parafrázovaný výrok, podle kterého „Я шваховат в философии, но не в любви к ней, в любви к ней я силён.“). K tomu, co si Mnich vytyčil a naplnil, nelze nic zásadnějšího připomenout. Autor navíc vidí Čyževského nejen jako člověka kosmopolitního, holistického vidění člověka a světa nikoli ve smyslu všestírající globalizace, ale naopak jako toho, kdo se zhlíží v detailech kulturních projevů, neboť teprve ony vytvářejí onen vnitřně propojený a myšlenkově rozvrstvený celek.

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

- BLAŠKĪV, O. (2010): *Čes'ka i slovac'ka kul'tura v žytti ta naukovij spadščyni Dmytra Čyževskoho*. Siedlce.
- BLASHKIV, O., MNICH, R. (2016): *Dmitrij Čiževskij versus Roman Jakobson*. Siedlce.
- DEMETZ, P. (1990): *A Conversation with Rene Wellek*. Cross Currents 9, 1990, pp. 135–145. <<https://quod.lib.umich.edu/c/crossc/ANW0935.1990.001/145:8?rgn=author;view=image;q1=Demetz%2C+Peter>>. [online]. [cit. 20.04.2022].
- MNICH, R. (2021): „Receptivnaja èstetika“ *Dmitrija Čiževskogo*. Siedlce.
- NAJENKO, M. (2018): *Pislja skazanoho... i poza zapysom*. Kyjiv.
- POSPÍŠIL, I. (2015): *Central Europe: Substance and Concepts*. Nitra.
- POSPÍŠIL, I. (2010a): *Chudožestvennosť starinnych tekstov, Komenskij i teorija istorii literatury*. In: SITARSKA, B., MNICH, R. (red.). (2010): *Jan Amos Komeňski w kontekście kultury i historii europejskiej XVII wieku*. Jan Amos Komenský

publikace. Kromě uvedené *Logiky* (ukrajinsky, 1924) jsou to *Dostojevskij-Studien* (1931), *Geschichte der altrussischen Literatur* (1948), americký (původně německý) přehled *Outline of Comparative Slavic Literatures* (1952), práce o slovanském romantismu *On Romanticism in Slavic Literatures* (1957), kniha o problematice Ruska a Evropy, Západu a Východu, mj. *Das heilige Russland* (1959) a *Russland zwischen Ost und West* (1961) a – last but not least – již klasickou dvojdielnou učebnici *Russische Literaturgeschichte des 19 Jahrhunderts* (1964–1967), o kterém jsem dvakrát psal. Nezapomínám ani na uvedenou knihu o filozofii L. Štúra *Štúrova filozofia života. Kapitola z dejín slovenskej filozofie*. Spisy Slovenskej učenej spoločnosti (to je ta spoločnosť, ktorá v Bratislavě na jaře 1939 nahradila Šafaříkovu učenou spoločnosť, ktorá bola zakázaná, rozpuštená a její majetek, mimo jiné finanční dar prezidenta Československa T. G. Masaryka, byl klérofašistickým Slovenským štátem zabaven ve prospěch této společnosti – pozn. IP). Sväzok 2. Redaktor Univ. Prof. Dr. Ľudovít Novák (Bratislava 1941), jsou tu textové různé varianty a variace publikované v různých zemích, které v překladech přecházejí z němčiny do angličtiny, z ukrajinštiny do němčiny a naopak; mnoho z Čyževského bylo vydáno v překladech do ukrajinštiny od 90. let 20. století.

im Kontext der europäischen Kultur und Geschichte des 17. Jahrhundert. Siedlce, s. 237–248.

POSPÍŠIL, I. (2004): *Neskol'ko zamečanj o koncepcii ruskoj literatury v knige Dmitrija Čiževskogo Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts, 1964–1967*. In: Dmytro Čyževskij. Osobnost a dílo. Sborník z mezinárodní konference k 25. výročí úmrtí. Praha, s. 257–265.

POSPÍŠIL, I. (2017a): *Polsky psaná monografie o Komenském: polsko-německý pohled a problémy*. Philologia XXVII, 2017, 1, s. 117–121.

POSPÍŠIL, I. (2005): *Styl literatury a Dmytro Čyževskij*. Opera Slavica, 2005, č. 1, s. 55.

POSPÍŠIL, I. (2003): *Užitečný přehled ukrajinské literární vědy*. Filologická revue, 2003, č. 2, s. 49–51.

POSPÍŠIL, I. (1998): *Vznik a vývoj ukrajinské literární vědy*. Slavica litteraria X, 1998, č. 1, s. 116–118.

POSPÍŠIL, I. (2010b): *Zamečanija po povodu istoriko-literaturnych koncepcij Dmitrija Čiževskogo*. In: MNICH, R., URBAN, J. (red.): *Dmitrij Čiževskij i jevropskaja kul'tura. Dmytro Čyževskij i jevropska kul'tura*. Drohobyč–Siedlce, s. 131–140.

POSPÍŠIL, I. (2017b): *Důkladná revize, srovnání a rehabilitace jako záloha pro budoucnost (Roman Jakobson a Dmytro Čyževskij)*. Novaja rusistika, 2017, č. 1, s. 98–103.

POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M. (1996): *René Wellek a meziválečné Československo*. Brno.

TSCHIŽEWSKIJ, D. (1964): *Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. I. Die Romantik*. München.

TSCHIŽEWSKIJ, D. (1967): *Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. II. Der Realismus*. München.

<https://doi.org/10.5817/NR2022-1-9>

Tajemný Gončarov a geneze jeho poetiky: smysl literárního života

ГРОДЕЦКАЯ, А. Г.: *Гончаров в литературном доме Майковых*. Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, «Полиграф», 2021. 430 s. ISBN 978-5-91868-023-0.

Literární život byl v ruském prostředí vždy chápán jako základní prvek bytí krásné literatury: literární salony a kroužky byly stálým předmětem zájmu a zkoumání a brněnské studenty rusistiky v 70. letech 20. století v tomto smyslu vzdělával docent Jaroslav Mandát (1924–1986), který upozorňoval zejména na knížku o literárních

salonech a kroužcích vydanou koncem 20. let 20. století.¹ Nebyla náhoda, že svazek byl redigován a doprovázen předmluvou Borise M. Ejchenbauma, jenž mezitím od radikálního formalismu (vzpomeňme jeho studii Mladý Tolstoj nebo na Iluze skazu, kde se střetl s kolegou Viktorem Vinogradovem), kam se dostal od filozofující literární vědy, např. v reflexi o N. M. Karamzinovi, přešel k studiu literárního života (rusky: „literaturnyj byt“) a v tomto duchu napsal dvoudílnou práci o Lvu Tolstém. Koncem 20. let 20. století byl v sovětské literatuře ve znamení postupného potlačování esteticky samostatných literárních skupin a seskupení, nástup uniformity vedoucí až k vytvoření jednotného Svazu sovětských spisovatelů a závazné metodě tvorby, tzv. socialistického realismu. Byl tedy příklon k literárnímu životu formalisty, který už od něho směřoval k dějinám literatury, příznačný. Nicméně to nic nemění na tom, že tento taktický krok se ruské literární vědě a literární vědě obecně vyplatil.

Autorka – stejně jako její předchůdci – vidí literární život jako dominantní složku geneze literárního artefaktu. Zatímco u Lva Tolstého a Fjodora Dostojevského lze stopy literárního života odhalovat poměrně snadněji, neboť oba zanechali po sobě dosti stop záměrně akcentovaných svědectví, u Gončarova, který byl přece jen větší tajnostkář („скрытый“, tj. uzavřený, introvert) a také za sebou stopy spíše zametal, byť ne tak demonstrativně jako jiní před ním a hlavně po něm, zejména ve 20. století, což ovšem mohlo mít i politické důvody, tomu bylo jinak. Gončarov byl především úředník a toužil po zaměstnání – stejně jako v mnoha případech později novináři apod. – poskytující klid na práci (novináři ještě nebyli investigativní, seděli v redakcích a vinárnách nebo pivnicích, život úředníků na ministerstvech/departamentech známe z mnoha dobových svědectví). Gončarov byl později i cenzorem, a to osvěcencem, jak ukazují četné doklady archívni, např. dokumentace cenzurního úřadu s jeho hodnocením, zdůvodňováním i škrty, například také u Sebraných spisů A. S. Puškina.²

O životě Ivana Gončarova v domě Majkovových jsou různá vyjádření, koncepce, pojednání, dokumenty, korespondence, která už byla dílem zpracována, ale zdaleka ne všechna. Na tom se podíleli různí badatelé – co jméno, to pojem, např. Jevgenij (Evžen) Ljackij, náš známý pražský emigrant běloruského původu, André Mazon, známý z historie *Slova o pluku Igorově*, A. P. Rybasov, B. M. Engelgardt nebo A. G. Cejtin. Autorka tedy měla významné předchůdce. Hlavně zůstala nezpracovaná literární díla připisovaná Gončarovovi, která v té době vznikala a která vysvětlují jeho další spisovatelský vývoj a formování jeho poetiky. A. Gončarov přijíždí do Sankt-Petěrburgu roku 1835, aby se ujal funkce v ministerstvu zahraničí (departament

1 [ARONSON, REJSER 1929] dnes lze najít na: <https://imwerden.de/pdf/aronson_reiser_literaturnye_kruzki_i_salony_1929_ocr.pdf>.

2 Viz brněnský svazek *Ivan Gončarov i jevropskij klasicizm i neoklasicizm* (2021), naši předmluvu *Vstuplenije* [POSPÍŠIL 2021, 5–6] a studii „Edle Einfalt, stille Größe“: *Ivan Gončarov v kontekste tradicij klasicizma* [POSPÍŠIL 2021, 157–175], kde se o jeho cenzurní praxi také píše.

vnešních děl). V domě Majkovových (Apollon, Valerian, manželka Nikolaje Majkova Jevgenija Petrovna, rozená Gusjatnikova, z moskevské kupecké rodiny, sama literárně činná). Autorka rozšiřuje terminologii literárního života: ke kroužkům, a salonům připojuje „dům“, neboť tam se vskutku odehrával život literární, ale i skutečný, a vznikaly literární opusy, jež poznamenaly dílo všech zúčastněných, někoho více někoho méně. Možná právě odtud pramení tíhnutí Ivana Gončarova k idyle, ke klidu, jejíž potvrzení našel u Johanna Joachima Winckelmanna. Také protrahovaný, původně romantický kult přátelství, který se tu přesouvá do realističtějších poloh, má u Majkovů svou obdobu. Zde poznává Gončarov například V. A. Solonicyna, jenž s Osipem Senkovským sdílel redaktorství časopisu *Biblioteka dlja čtenija*, tedy, jinak řečeno, v domě Majkovových pronikl Gončarov do tajů literárního života a navazoval důležité styky, které potom zužitkoval v dalším životě a tvorbě. „Domácí tvorba“, která se tu vyvíjela, zahrnovala mimo jiné časopis *Sněžinka (Podsnežnik, 1835, 1836, 1838)* a almanach *Měsíční noci (Lunnyje noči, 1839)*. Analýza těchto periodik a odhalování Gončarovova skrytého autorství patří k nejúspěšnějším výsledkům přítomné knihy. Autorka sleduje genezi některých výtvorů, které se potom objevují v Gončarovově prozaické tvorbě, neboť poezie byla v důsledku vývoje čtenářství za realismu vytlačována na okraj: Gončarov a podobně Turgeněv umisťovali své básně často do svých prozaických děl jako dílka svých postav (viz podobný postup Borise Pasternaka v *Doktoru Živagovi*, ale zde byly důvody jistě jiné). Gončarovovy básně v *Sněžence* předznamenaly proslulou elegii Alexandra Adujeva z *Všedního příběhu*, povídka *Lichaja bolest (Těžká nemoc/bolest)* už kultivuje známou polaritu klid a neklid, žánrové pohyby zase povídka *Ščastlivaja ošibka (Šťastná chyba)* korespondující s povídkou ze života vyšší společnosti, stejně jako celá sémantika a poetická struktura v těchto „domácích“ dílech nacházejí svá pokračování později. Literární tvorba v domácích periodikách, debat kolem nich, jejich přenášení apod. se postupně vyvíjela do svérázné literární tvorby, zejména po odjezdu Nikolaje a Apollona Majkových do Itálie na podzim 1842, např. do novin *Spletnja (Pomluva/Klep nebo Klepy)*. Na to navazují večery v Kateřinském institutu (Jekatěrinskij institut), pedagogickém zařízení řádu sv. Kateřiny, jež bylo v hlavním městě založeno roku 1798 a fungující od roku 1807 v budově na Fontance (nyní je tam Ruská národní knihovna – Российская национальная библиотека). „Pátky“ v institutu navštěvuje Gončarov spolu s celou širokou Majkovovou rodinou a dalšími. Na stránkách Klepu nachází autorka řadu Gončarovových textů, které je třeba dešifrovat a potvrdit jejich autorství. Zde se také rýsuje jeho opozice ideálu a reality a propojování poezie a prózy, např. v eseji *Chorošo ili durno žít na svete? (1841–1842)* a v tzv. institutské črtě *Pepiňjerki/Пепиньерки* (z franc. pépinière, čes. chovanky, odchovankyně, absolventky, v současné francouzštině je to „líheň“ nebo to znamená lesnický termín „školka“, tedy obecněji „pěstírna“): šlo o děvčata, která absolvovala Jekatěrinský institut a byla tu ponechána na praxi. Ta

měla asi dost času na různé koketerie a lechtivé hrátky i v rámci „pátků“. Tato hravost, jistě i skrytě nebo otevřeně erotického rázu nás u Gončarova, jehož dílo je jakoby zcela jiné, může překvapit. Integrita masky přísného cenzora, kterou si nasazoval, střídmeho a střízlivého konzervativce, který dává přednost klidu a nehybnosti, by tím byla značně narušena. Vrhá tedy studium „domu Majkovových“ na osobnost Ivana Gončarova řadu záhad a tajemství a jejich postupná dešifrace vede k výzkumu geneze jeho zralého díla. Závěrečné oddíly přítomné knihy se zabývají autorstvím tvorby, jež je Gončarovovi připisována, jež je dílem ztracena, dohledána nebo dosud nenalezena, ale o níž se ví nebo jejíž autorství je určeno jen s jistou mírou pravděpodobnosti. Finální kapitola se týká literárního domu Majkovových v perspektivě studia Gončarovy tvorby. Jde jednak o poetiku domácího kruhu, posluchačstva, atmosféry literárních večerů a také o žánrové typologie, např. rybářských syžetů v kontextu ruské literatury (zde nemusím ani uvádět *Zapiski ob užen'je ryby* S. T. Aksakova, jak jsme je analyzovali před čtyřiceti lety v souvislosti s ruskou románovou kronikou, včetně jeho Rodinné kroniky, neboť literární život v domě Majkovových měl, jak autorka uvádí, kronikový ráz, měl své kronikáře, a tak se projevoval i na stránkách zmíněných „domácích“ periodik). Přílohy obsahují lyrickou prózu Jekatěriny Pavlovny Majkovové, ženy Valeriana Majkova, známé jako spisovatelka pro děti, pravděpodobně prototyp Olgy Iljinské z *Oblomova* a Věry Berežkovové ze *Strže*; jde o lyrickou poezii a povídku *Marija* (1835). Poté následuje fejetonová próza Apollona Majkova, například extrémně zajímavá *Cesta na Měsíc (Puteštvije na Lunu, 1835)*, dále anonymní prózy ze *Sněženky*, dílo V. A. Solonicyna *Tak oni nanjali daču* (1839), dílo Apollona Majkova *Pokorenije strany Semi pagod jevropejcamy* (1839) a Solonicynův *Epilog*. Další přílohy zahrnují obsahy *Sněženky* (Podsnežnik) a *Měsíčních nocí* (Lunnyje noči). Celkově je kniha výborně strukturně rozvrstvena a funkčně opatřena obrazovými a jinými přílohami. Jde o důležitý materiál, analýzu a soubor tezí a hypotéz, které napomáhají pochopení často komplikovaných kontextů Gončarovova díla.

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

- ARONSON, M., REJSER, S. (1929): *Literaturnyje kružki i salony*. Leningrad. <https://imwerden.de/pdf/aronson_reiser_literaturnye_kruzhki_i_salony_1929__ocr.pdf>. [online]. [cit. 06.05.2022].
- GRODECKAJA, A. G. (2021): *Gončarov v literaturnom dome Majkovych*. Sankt-Peterburg.
- POSPÍŠIL, I. (ed.). (2021): *Ivan Gončarov i jevropejskij klassicizm i neoklassicizm*. Brno, s. 157–175.

<https://doi.org/10.5817/NR2022-1-10>

Vzpomínka na profesora Romana Mrázka

V roce 2021, kdy jsme si připomněli 100 let od zahájení výuky na brněnské filozofické fakultě, připomněli jsme si také 100. výročí od narození významného brněnského jazykovědce, rusisty a slavisty prof. PhDr. Romana Mrázka, CSc.

Narodil se 21. listopadu 1921 v Letovicích. Jako začínající univerzitní student zažil násilný zákrok německých okupantů proti českým vysokým školám. Ve vynucené studijní přestávce působil převážně jako učitel na různých místech a teprve po válce ukončil studium oboru ruština–dějepis na brněnské filozofické fakultě. Velmi brzy se osvědčil jako mimořádně talentovaný žák svých učitelů. Když nastoupil v roce 1954 po několikaleté učitelské praxi a po krátkém lektorském působení na JAMU na tehdejší katedru rusistiky filozofické fakulty, měl za sebou již první uveřejněné stati, svědčící o tom, že z něho vyrůstá badatel mnohostranného zájmu o jazykovou problematiku a širokého pracovního záběru. Už zvěsti přicházející z jeho dřívějších pracovišť dávaly tušit, že jde o pedagoga nevšedních didaktických kvalit. O tom se později přesvědčily desítky jeho posluchačů, kteří po letech a s vděkem vzpomínají na hodiny strávené na jeho přednáškách a seminářích. Mrázkovy didaktické schopnosti byly podloženy jeho rozsáhlou a hlubokou vědeckou

erudiicí. Jeho mnohostranný zájem o lingvistickou problematiku a široký pracovní záběr vyústil k tomu, že hlavním polem jeho výzkumné činnosti se stala ruská větná skladba, k jejímuž studiu přistupoval od počátku z hlediska důsledného porovnání s češtinou a získal si tak punc uznávaného teoretika konfrontační lingvistiky.

Východiskem jeho badatelských zájmů byly jednočlenné věty slovesné. Na toto téma navazovalo vyšetření jednočlenných vět infinitivních, vět s podmětem všeobecným a neurčitým. Jeho badatelskému zájmu v oblasti větné skladby neušel snad ani jediný dílčí problém: věnoval jí i jiným sféram jazykovědného výzkumu přes půldruhého sta studií a článků i samostatnou rusky napsanou monografii *Синтаксис русского творительного* (1964). Tato syntetická studie se srovnávacími výhledy byla vyústěním jeho výzkumu syntaxe pádů substantiv. Pro tuto práci stejně jako pro řadu jeho zevšeobecňujících statí teoretického rázu a vůbec všechny jeho publikace je charakteristické, že se spolehlivě opírají o rozsáhlý předchozí výzkum jazykového materiálu.

Soustředil se i na několik jiných problémů gramatické stavby ruské věty, jmenovitě na skladbu číselných výrazů a zvláštnosti ve struktuře věty v hovorové mluvě. Soustavně se zajímal o modální a emocionální stránku ruské a slovanské věty, o vyjadřování hodnotících postojů mluvčího. Sféru emotionality studoval obecně a ve srovnávacím aspektu i se zvláštním zřetelem

k výpovědím zvolacím a příslušným výrazovým prostředkům, dále vzhledem k výrazům intenzifikujícím a k použití částic v citových větách.

Další příznačnou vlastností Mrázkova vědeckého usilování je průmyselný záměr dospět od dílčích analyticky konfrontujících sond k široce pojatému a teoreticky fundovanému popisu věty ve slovanských jazycích. Tento úmysl splnil v I. díle své monografie o srovnávacím popisu slovanské jednoduché věty (*Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения*, 1990), obsahující syntézu komparatistických výzkumů slovanské syntaxe. Jejího vydání se autor už nedočkal. Zemřel 17. listopadu 1989. Zůstalo jen tak torzo rozsáhlého životního díla, jehož druhá část měla být věnována problematice souvětí. Svůj suverénní rozhled po problematice ruštiny uplatnil jako spoluautor encyklopedického díla *Ruský jazyk v přítomnosti a minulosti* (1991), které zpracoval spolu s pražskými lingvisty H. Běličovou-Křížkovou a O. Leškou. Od studia současného jazyka se obrátil k historii ruštiny, přechodně i k staroslověnině a odtud ke srovnávacímu studiu všech slovanských jazyků. Ze staroslověnině zpracoval syntax dativu. Vývojově jsou pojaty srovnávací příspěvek k aktuálnímu členění větnému v bulharštině a pojednání o prostředcích modality v bulharštině. Plodem jeho zájmu o problematiku historického vývoje ruštiny je vysokoškolský ruský napsaný učební text (skriptum) *Historický*

vývoj ruštiny, zpracovaný ve spolupráci s G. V. Popovovou z Běloruské státní univerzity v Minsku, vysoce ceněný a žádaný u nás i v zahraničí, a vydaný proto od roku 1982 třikrát. Mj. se mu dostalo v roce 1983 ocenění od rektora brněnské univerzity jako nejlepšího skripta roku, které však nebylo pro ediční problémy vydáno knižně.

Obraz odborné činnosti prof. Mrázka doplňuje několik příspěvků, jimiž zasáhl do akcentuace ruského substantiva a slovesa, jakož i do morfolohie; psal o vokalických alternacích v synchronní a diachronní morfolohii ruštiny.

Nutno také zdůraznit sepětí Mrázkovy činnosti s potřebami praxe. Bylo známo, že byl na hony vzdálen kabinetnímu učenectví. Naopak, v jeho činnosti se šťastně pojila rozsáhlá a hluboká vědecká erudice s didaktickým mistrovstvím. Rád se zanícením přednášel, psal do metodických časopisů a pečoval o jasné podání a jazykovou vytríbenost svých textů. Jeho výrazným metodologickým rysem badatelské činnosti bylo to, že své teoretické záběry vždy důsledně konfrontoval s jazykovými fakty a že s jistou nedůvěrou přijímal ty tendence v lingvistice, které podle jeho mínění preferovaly spekulativní závěry před sepětím s bohatým materiálem živého jazyka. Víval naopak postupy, v kterých se uplatňuje spojení syntaxe se sémantikou a poukazoval v tomto směru na souvislosti nových proudů s názory našich starších lingvistů. Zdůrazňoval také vždy, že je svrchovaně žádoucí, aby výsledky lingvistického výzkumu

maximálně přispívaly ke zdokonalení praktického jazyka. Výsledky svých výzkumů syntaxe současné ruštiny v porovnání s češtinou uložil zčásti do několika kolektivních publikací. V letech rozkvětu ruštiny v poválečném období byla naléhavým společenským požadavkem potřeba vychovat v brzké době učitelské kádry ruštinářů pro výuku předmětu nově zavedeného na všech typech škol. V této souvislosti je třeba s uznáním připomenout jeho podstatnou část na kolektivních publikacích: byl spoluautorem *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba*, přispěl i do prvního dílu této mluvnice, věnovanému především hláskosloví a tvarosloví. Šlo o první vědecky konfrontačně pojatou mluvnici u nás, která vyšla od roku 1960 celkem třikrát. Autorsky se také podílel na vypracování *Školní mluvnice ruského jazyka*, vydané od roku 1968 celkem jedenáctkrát.

Z řady Mrázkových zásluh o rusistiku a slavistiku nutno připomenout jeho hlavní účast na založení a budování obšírné bibliografie jazykovědných slavů na katedře, které věnoval přes čtvrt století svého života a která dobře sloužila diplomantům, doktorandům a vůbec odborníkům, a to i z ciziny, a dále jeho výrazný podíl na organizování čtyř brněnských syntaktických symposií s mezinárodní účastí v šedesátých a sedmdesátých letech minulého století, jež si získala široký ohlas v naší i zahraniční odborné veřejnosti.

Rozsáhlý akční rádius vědecké, pedagogické, redakční i organizační činnosti

řadil prof. Mrázka k předním českým jazykovědcům. Svou rozsáhlou publikační činností patřil k nejplodnějším a k nejoriginálnějším lingvistům-slavistům u nás. Do dějin slovanské filologie se vepsal jako výrazná osobnost. Přitom zůstal skromný a přátelský ke všem, ochotně vždy pomáhal každému, kdo se na něj obrátil. Nebyl snad nikdo na žádném rusistickém pracovišti v Čechách, na Moravě a na Slovensku, kdo by mu nebyl nějak zavázán za jeho pomoc a podporu. Všichni kolegové si u prof. Mrázka cenili jeho obrovskou erudici, soustavnost, pracovitost, vědeckou i lidskou poctivost, otevřenost v projevování názorů odborných i občanských. Celé generace Mrázkových žáků i kolegů, jimž vedl nebo oponoval diplomové a disertační práce, vděčně vzpomínají na jeho výraznou pomoc a příspěví k jejich odbornému růstu. Prof. Mrázek byl uznáván a vážen na všech rusistických pracovištích u nás, ale měl i velké mezinárodní renomé v zahraničí. Jeho přednášková turné a studijní pobyty ve slovanských a neslovanských zemích i jeho vědecké styky s řadou lingvistů mu zjednali známost v celém slavistickém světě. Pro úplnost nutno uvést, že byl dlouholetým členem a funkcionářem našich různých vědeckých institucí: Jazykovědného sdružení ČSAV, České asociace ruštinářů, redakční rady *Československé rusistiky* a *Spisů filozofické fakulty brněnské univerzity*. Výrazná byla jeho mezinárodní pozice; byl členem Societas Linguistica Europea a Societé linguistique de Paris.

K Mrázkovu profilu patří jeho vnitřní vztah k literatuře, zvláště ruské, nejen jako k objektu lingvistického výzkumu, ale i k součásti kultury. Z mnoha schopností, jež mu byly dány do vínku, je třeba vzpomenout jeho vřelého vztahu k hudbě, který projevil mj. ještě za středoškolského působení jako úspěšný dirigent velkého žakovského pěveckého sboru, a jeho interpretačního nadání ve hře na klavír. Umění věnoval i část své produkce: v raném období své publikační činnosti přeložil z ruštiny knihu o pěveckém umění a studii o dějinách španělského divadla.

Přestože se prof. Mrázek již za života dostalo uznání zahraničních institucí (např. z Bulharska), zčásti i našich, nebylo mu v důsledku jeho politického profilu umožněno dosáhnout hodnosti doktora filologických věd, kterou by si jako výrazná vědecká osobnost v oboru slovanské filologie zasloužil. Ústav slavistiky FF MU ocenil jeho zásluhy při různých příležitostech: vzpomněl především jeho nedožitých osmdesátin a devadesátin uspořádáním konferencí pod názvem *Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí*, ale ohlasu nedošel bohužel dvojí návrh na udělení Zlaté medaile Masarykovy univerzity u příležitosti 75. a 80. narozenin.

Můžeme říci, že prof. Mrázek se zásadním způsobem podílel na formování vědeckého profilu brněnské univerzitní rusistiky a slavistiky. Ta ho pokládá za jednu ze sloupových osobností. K jeho pracím a myšlenkám se s uznáním

vracíme a v trvalé paměti si zachováme i jeho lidský profil vědce, učitele a kolegy.

Aleš Brandner

Autor přítomné vzpomínky zemřel náhle 1. března 2022. K jeho osobnosti se vrátíme nekrologem ve druhém čísle Nové rusistiky za rok 2022.

<https://doi.org/10.5817/NR2022-1-11>

Odešla významná ruská slavistka a bohemistka. In memoriam Ljudmily Norajrovny Budagovové

Ljudmila Norajrovna Budagovová (nar. 3. září 1932 v Tveri/Tveru, zemřela 3. února 2022 v Chimkách u Moskvy) odešla na věčnost v roce svých nedožitých devadesátin. Ještě na podzim se zúčastnila vědecké konference organizované jejím pracovištěm, zvala na takové akce své přátele, zejména české, neboť tato ruská slavistka byla především bohemistkou, znalkyní české literatury, zejména poezie. Čeští bohemisté oslavili její blížící se jubileum (bohužel nedožitě) zvláštní publikací, jejíž recenzi jsem napsal pro náš další časopis *Slavica litteraria* (Ludmila Budagovová: *Z mého života s českou literaturou. Výbor z česky publikovaných prací*. Šrámkova Sobotka, z. s., Sobotka 2021; její první jméno se zde uvádí v české podobě jako „Ludmila“).

Badatelka se narodila se v rodině slavného sovětského arménského akademika Norajra Martirosoviče Sisakjana (arménsky Մարտիրոս Սիսակյան Մարտիրոսի, 1907–1966), špičkového odborníka na technickou a kosmickou biologii, v 60. letech 20. století funkcionáře UNESCO, v dnešním Tveru/Tveri (tehdy Kalinin). Za války byla rodina evakuována do Kazaně, posléze do kirgizského Frunze (dříve Piškek, nyní Biškek). Roku 1950 začala studovat v Slovanském oddělení na Filologické fakultě Moskevské univerzity, za pět let nato vstoupila tamtéž do vědecké aspirantury. Roku 1966 obhájila v Ústavu slavistiky (Institut slavjanovedenija, nějakou dobu se také jmenoval Institut slavjanovedenija i balkanistiky) práci *Tvorba Vítězslava Nezvala (Tvorčestvo Vitezslava Nezvala, vydáno roku 1967 jako Vitezslav Nezval, 1900–1958)*. Již od konce 50. let 20. století v době tzv. tání pracovala v Ústavu slavistiky (Institut slavjanovedenija), kde působila v různých pozicích celých šedesát let a dlouhá léta jako vedoucí oddělení a vedoucí vědecká pracovnice. V polovině 90. let 20. století obhájila široce koncipovanou doktorskou disertaci, výsledek jejího celoživotního bádání *Specifika vývoje literatur západních a jižních Slovanů. Konec 19. a první poloviny 20. století, významné dílo mezinárodní slavistiky (Osobnosti razvitija literatur zapadnych i južnych slavjan. Konec XIX i pervaja polovina XX vekov, 1995)*.

Za léta bádání napsala stovky studií a knižních publikací, především o české literatuře. V centru její rané tvorby stojí

již zmíněná monografie o Vítězslavu Nezvalovi (1967), klíčová je její organizační, autorská a editorská účast na dějinách literatur západních a jižních Slovanů (*Istorija literatur zapadnych i južnych slavjan*), zejména třetího dílu, na němž ještě spolupracoval známý ruský haškolog a čapolog Sergej Nikolskij (zemřel 2015).¹

Hlavní oblastí její vědeckého zájmu byla moderní a avantgardní česká literatura, zejména meziválečného období. Speciálně se zabývala českým poetismem a surrealismem, těmi – zejména básnickými poetikami –, jimiž se česká poezie dostává – po díle Máchově a Březinově – na světovou špičku. Známa je její aktivní účast na řadě konferencí v Československu a České republice, zejména na Šrámkově Sobotce (ostatně právě spolek s tímto jménem vydal zmíněný průřez její tvorbou).

Osobní vzpomínka: setkali jsme se několikrát, v Praze, také v Krakově na slavném 12. mezinárodním sjezdu slavistů, jenž přinesl zejména zásluhou předsedy Mezinárodního komitétu slavistů Lucjana Suchanka a dalších tehdy nastupujících funkcionářů pokus o zásadní organizační a metodologickou

1 Viz některé její práce: [BUDAGOVA 1967; BUDAGOVA 1995a; BUDAGOVA, DORONINA, NIKOL'SKIJ 2001; BUDAGOVA 2001; BUDAGOVA, DORONINA, KALIGANOV 2004; *Poètičeskij...* 2006; BUDAGOVA 1995b; BUDAGOVA 1996; BUDAGOVA 1998a; BUDAGOVA 1998b; BUDAGOVA 2003a; BUDAGOVA 2003b; BUDAGOVA 2004; BUDAGOVA 2005a; BUDAGOVA 2005b].

reformu mezinárodní slavistiky, později však konzervativci potlačený, jindy v Brně v kavárně Moravské zemské knihovny o přestávce jednání nezvalovské konference, kdy se tento český a světový básník stal zase přijatelným – Budagovová o něm, jak jsme uvedli, napsala ceněnou monografii na konci 60. let minulého století. Nebylo to z různých důvodů moc veselé setkání, když o tom nyní uvažují. Její ocenění mé vlastní práce – tak vzácná – pochopitelně neuvádím, ale považuji je v mém životě za klíčová. Odešla znalkyně a milovnice české literatury i naší země. Její práce mají trvalou hodnotu. Co si přát víc?

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

- BUDAGOVA, L. N. (1967): *Burnaja žizn' tichoj češskoj provincii*. («Šramkova Sobotka». *Jeje ljudi, istorija i sovremenost'*). Slavjanskij al'manach, 2001.
- BUDAGOVA, L. N. (1967): *Vitezslav Nezval (1900–1958): očerk žizni i tvorčestva*. Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (1996): «Zona» *Apollinera i razvitije češskoj poèziji 20-ch gg. XX v.* In: Poèzija zapadnych i južnych slavjan i ich sosedej: razvitije poètičeských žanrov i obrazov. Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (2004): *K voprosu o funkcii fantastiki v češskoj literature XX veka: (Nekotoryje aspekty problemy)*. In: Fantastika i satira v literature slavjanskich narodov: (V čest' 80-letija S. V. Nikol'skogo). Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (2005a): *Kollaž v češskoj poèzii i živopisi (1920–1930-je gg.)*. In: Russkij avangard 1910–1920-ch godov: problema kollaža. Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (1998a): *Modernizm v literaturach zapadnych i južnych slavjan: universal'noje i original'noje*. In: Slavjanskije literatury. Kul'tura i fol'klor slavjanskich narodov: XII Meždunarodnyj s'jezd slavistov (Krakov 1998). Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (1995a): *Osobennosti razvitija literatur zapadnych i južnych slavjan. Konec XIX – pervaja polovina XX vv.* Avtoref. dis. d-ra filol. nauk. Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (2003a): *Sodružestvo muz.* In: Češkoje iskusstvo i literatura. SPb.
- BUDAGOVA, L. N. (1995b): *Sjurrealizm v Čechoslovakii, 30-je gody*. In: Chudožestvennyje processy i napravlenija v iskusstve stran Vostočnoj Jevropy 20-30-ch godov XX veka. Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (2005b): *Troje iz odnogo pokolenija: Jan Zagradniček, Vilem Zavada, Vladimir Golan*. Popytka sinchronnogo analiza. In: Slavjanskij al'manach, 2005.
- BUDAGOVA, L. N. (2003b): *Češkij sjurrealizm: dinamika i funkcija*. In: Literaturnyje itogi XX v.: (Central'naja i Jugo-Vostočnaja Jevropa). Moskva.
- BUDAGOVA, L. N. (1998b): *Český poetismus v evropském kontextu*. In: Pocta 650. výročí založení Univerzity Karlovy v Praze. Sborník příspěvků

přednesených zahraničními bohemisty na mezinárodním sympoziu v Praze 20.–26. srpna 1998. Praha.

BUDAGOVA, L. N., DORONINA, R. F., KALIGANOV, I. I. i dr. (red.). (2004): *Pervaja mirovaja vojna v literature i kul'ture zapadnych i južnych slavjan*. Moskva.

BUDAGOVA, L. N., DORONINA, R. F., NIKOL'SKIJ, S. V. (red.). (2001): *Istorija*

literatur zapadnych i južnych slavjan. T. 3: Literatura konca XIX – prvoj poloviny XX vv. (1890–1945 gg.). Moskva.

Poètičeskij mir slavjanstva. Obščije tendencii i tvorčeskije individual'nosti: Issledovanija po slavjanskoj poèzii. Posvjaščajetsja Ljudmile Norajrovne Budagovoj. Moskva.

НОВАЯ РУСИСТИКА

№ **1 / 2022** (XV)

Международный журнал

современной филологической
и ареальной русистики

Web časopisu

www.phil.muni.cz/journals/novaya-rusistika

Archiv časopisu v Digitální knihovně FF MU

<https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/115644>

Redakce

Ivo Pospíšil, šéfredaktor (ivo.pospisil@phil.muni.cz)
Lenka Odehnalová, výkonná redaktorka (odehnalova@phil.muni.cz)

Adresa redakce

Novaja rusistika
Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky
Arna Nováka 1, 602 00 Brno
tel.: +420 549 496 240

Redakční kruh

Ol'ha Červins'ka, Anton Eliáš, Jiří Gazda, Reinhard Ibler, Jiří Klapka,
Ol'ga Kovačičová, Mária Kusá, Aljaksandr Lukašanec, Zdeněk Pechal, Oldřich Richterek,
Lucjan Suchanek, Radomír Vlček

Vydává Česká asociace slavistů ve spolupráci s Filozofickou fakultou Masarykovy univerzity,
Arna Nováka 1, 602 00 Brno, IČ 265 92 037.

Vychází 2× ročně, toto číslo vychází v červnu 2022.

Grafická úprava obálky a typografie Pavel Křepela

Sazba v LuaĽĚXu písmy Linux Libertine a Source Sans Pro Zbyněk Michálek

Tisk Tiskárna Knopp, s. r. o., U Lípy 926, 549 01 Nové Město nad Metují

Náklad 110 výtisků

Časopis je evidován MK ČR pod. č. E 18201.

Časopis © Česká asociace slavistů, z. s., 2022

ISSN 1803-4950 (print)

ISSN 2336-4564 (online)

Cena jednoho čísla 130 Kč (plus poštovné a balné)